

КОНСЕРВАТОР №6

КОНФУЦИЙ, ДАНТЕ И ДРУГИЕ О МАКИАВЕЛЛИЗМЕ И САМОДЕРЖАВИИ

И что ты такой неразумный, Фласк? Ведь это так просто быть разумным, почему же ты неразумный? Каждый, кто видит вещи хоть вполглаза, может быть разумным.

— Не знаю, Стабб. Я бы так не сказал. Иной раз это довольно трудно.

Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит

Санкт-Петербург, Первая линия

2015

Альманах

Консерватор №6

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

Кириллов Алексей Николаевич, редактор

Васильев Виктор Петрович

Осипов Александр Васильевич, издатель

ISBN 5–93569-006-3

© А.В. Осипов, 2015

© А.Л. Неучев, «Родословная чисел», 2015

*В оформлении обложки использована фотография капеллы Богоматери
в пещерном святилище Ямазы-Таи.*

*Справа от статуи Богоматери виден силуэт, держащий на руках ребенка.
Черный человек (арабск. Аль-Асвад) – таинственная и могущественная фигура,
отголосок сущности которой сохранился в Англии. Невесты сразу после **свадебной**
церемонии, если видят трубочистов с испачканной сажей кожей,
непрерменно просят их поцеловать себя.
(подробнее о святилище – в главе «ЧИСЛО ПЯТЬ»)*

Разговор о раздвоении понятий, Гегеле и философии

Ред. Мы уже немало говорили о том, что русский язык портят и дело не только в том, что неправильно ставят ударение. Но Вы вновь решили вернуться к этой теме. Она достаточно обширна, но я помню основные Ваши тезисы. Они вполне очевидны и, можно сказать, наивны. Во-первых, есть слова «предметные» – стол, стул, черепаха и т. п. Для того, чтобы объяснить эти слова человеку другого языка, достаточно представить ему эти предметы. Во-вторых, есть слова многозначные, но имеющие «ключевые», основные значения, от которых мы отталкиваемся при попытке осознать слово. В-третьих, есть корневые значения слов и выражений.

В.П. Мы говорили не о корневых значениях, а о корневых образах. Вот один из конкретных примеров. Выражение «пятая колонна» имеет отчетливый корневой образ, который появился во время гражданской войны в Испании. Некоторые политологи используют также выражение «шестая колонна». Хотя этому выражению тоже несколько десятков лет, но оно не имеет отчетливого образа и поэтому его использование приводит к путанице в понимании. Сложная ситуация, например, с выражением «шестерка», используемым в жаргонной речи. Его стали использовать, интерпретируя, как «слабая карта», хотя, по-видимому, корневой образ другой.

Ред. Хорошо, пусть образ. Далее мы говорили об использовании иностранных слов и понятий и о том, что область распространения и способы применимости данного понятия в различных языках могут быть различными. Например, слова «карьерист».

В.П. Немного не то. Слово «карьерист» уже устоялось в нашем языке и имеет вполне отчетливый уничижительный оттенок. Это тот случай, когда слово имеет оценочный характер и поэтому корневой образ у него абстрактен, имеет не вполне отчетливые очертания.

Ред. Попросту ругательное слово. Читаю я, например, в статье, посвященной министру народного просвещения николаевского времени С.С. Уварову, что тот был «карьерист». И это притом, что постоянно подчеркивалось, как много положительного он сделал на своем посту. При таком отношении к слову его можно употреблять как угодно по своему произволу.

В.П. Наверное, Вы правы. Но это не отменяет того, что я сказал. Корневой образ расплывается, Вам непонятно, к кому можно применять этот термин, а к кому нет.

Ред. Хорошо, возьмем для анализа другое модное иностранное слово – «коррупционер». Тоже ругательное слово. И тоже нет отчетливого корневого образа.

В.П. Но это слово все еще не устоялось в нашем языке и поэтому его использование имеет те же особенности: оно в своем языке имеет конкретные очертания, а при переносе в другой язык его использование может иметь другие функции. Если человек, использующий его, имеет в виду конкретное обвинение, то вполне

хватает и русских слов – «взяточничество», «использование служебного положения в корыстных целях» и т.п. Но похоже, что его появление связано с тем, что люди хотят взглянуть на вещи с более общих позиций. Они не хотят углубляться в поиски конкретных обвинений, но пытаются указать на то, что происходит в самой системе, но при этом, не указывая точно на причину, не уточняя диагноз.

Ред. Я не понял про диагноз. Что за диагноз? Какой еще нужен диагноз? Повреждение, порча, разложение, искажение, тление, растление, развращение – вот перевод на русский язык. Здесь и диагноз.

В.П. Вот Вам и пример: Вы сами привели. Никакого диагноза здесь нет, есть только желание «разрушить плохую систему и создать хорошую». Конфуций говорит, что мы запутаемся, если не выйдем из рассматриваемого круга вещей и не посмотрим на изучаемое понятие «со стороны», «из другого слоя». Вообще-то всемирная литература дает нам много возможностей, чтобы узнать о коррупции и смежных понятиях в других странах и в другие времена. Почитайте Мопассана или, например, историю Ост-Индской компании. Это коррупция или нет? Пьеса Шекспира «Король Ричард II» начинается с упреков в коррупционности:

Болдинброк: Я говорил, – и жизнью подтверждаю, – Что получил он восемь тысяч nobles На жалованье, якобы, солдатам, Но их на гнусные дела истратил, Как вероломный лжец и негодяй.

Подобных примеров, конечно, много. И при этом Англия развивалась. Впрочем, в России шла всегда основательная борьба с коррупцией. Если она и не была полностью успешной, то следует указать страну, где она успешной была.

Ред. Это Вы к чему? Вы, я вижу, перешли на сторону «почвенников», которые считают, что если из почвы убрать все, что гниет и разлагается, то почва деградирует и теряет свое плодородие.

В.П. Я не знаю, что это за болезнь. Я лишь повторяю Ваш же призыв быть осторожнее с красивыми словами и красивыми обвинениями. И тезис Конфуция о том, что нужно сначала разобраться со словами.

Точно так же следует поступить и положительными оценочными словами. Или словами, ставшими такими в ту или иную эпоху. Например, слово «реформатор», которое функционирует не так, как русский аналог «преобразователь». Если вы в обычной речи используете русский вариант, то слушатель невольно ждет от вас пояснения – что именно преобразовывает указанный вами человек. И готов эти преобразования раскритиковать или, наоборот, похвалить, словом, проанализировать. А при произнесении термина «реформатор» меньше подобных ожиданий – вы воспринимаете его носителя как смелого, передового государственного деятеля, который любит все новое и борется с отжившим старым. Тем самым невольно придаете этому термину дополнительную многозначительность.

Ред. Ну да. Те, кто так поступает, называются либералами. Те, кто побаивается подобной «сакрализации», называются консерваторами. Карамзин, например, типичный консерватор. А вот про китайцев не знаю. Вроде бы Конфуций консерватор, поскольку уважает ритуалы. Тем не менее, реформы китайцы все-таки проводят.

В.П. Они не боятся говорить о реформах и рассуждать о том, как что-то сделать лучше. Но приговаривают при этом: «А китайцам от этого станет лучше?» Если вы не можете дать убедительного ответа, то ваше предложение отклоняется. Они, конечно, в сомнительных случаях предпочитают традиции.

Ред. Традиции или ритуалы?

В.П. Иногда ритуалы, а иногда традиции. Эти два слова смежные и их трудно бывает разделить при переводе. Если главу государства встречает в аэропорту почетный караул, то это ритуал. Но в какой-то степени это и традиция. Но если преподаватель ставит в зачетку отметку «хорошо» или «отлично» (а не семь или шестьдесят семь баллов), то это традиция. И если мы проследим за некоторыми тезисами Конфуция, то найдем предложения, в которых речь идет скорее о традициях, хотя в переводе используется слово «ритуал». Иногда эти два слова трудно разделить. В этом проявляется уважение к прошлому.

Ред. Вы думаете, что китайцы этим отличаются?

В.П. Не только китайцы. Почитайте Тита Ливия или Данте. Разве не так? Сохранение традиций – не только моральный императив. Когда вы меняете что-то живое, трудно предсказать все неприятные последствия.

Ред. Иногда да. Но иногда просто вы переставили названия, назвали милицию полицией и все. Вряд ли тут нужны разговоры про консерватизм.

В.П. Я любил в детстве присутствовать на деревенских праздниках. Особенно летом, когда собирались в саду, накрывали стол и пели песни. Кто-то запевал, а кто-то подхватывал. Но садились все кто где. Это неважно. И я не помню, чтобы был какой-нибудь «тамада». Но если такой появится и начнет всех пересаживать, – из благих намерений, конечно, – то кончится все тем, что люди постепенно начнут расходиться.

Но это так, просто вспомнил. Но если говорить о серьезных вещах, то при проведении реформ в области, например, образования к традициям должно быть более уважительное отношение.

Ред. Я не понял. Если распорядитель дурак, то конечно. Ну и что? Если говорить о серьезных вещах, то прежняя система вступительных экзаменов в ВУЗы себя изжила. Эти экзамены уже всех «достали». Вся система была «коррупцирована» и от нее решили избавиться, не развязывая гордиев узел, а поступив более решительно.

В.П. Мне кажется, что такие узлы лучше развязывать. Во всяком случае, некоторые социальные проблемы усугубились. Во-первых, это «утечка мозгов» из провинции в центральные города. Во-вторых, в большой стране трудно организовать единый экзамен без привлечения армии контролирующих людей. В третьих, проводить соревнования спортивного характера, сталкивая вместе почти профессионалов и простых смертных – означает поступать нехорошо по отношению к последним. В-четвертых, традицией было ставить в итоге в аттестат об окончании оценки «хорошо», «отлично» или «удовлетворительно», а не семьдесят восемь или сорок девять. Это очень важный момент. В-пятых, завершать образование оценкой должен все-таки учитель, который работал с подростком. В-шестых,...

Ред. Вы, оказывается, и по ЕГЭ специалист?

В.П. Нет, но непонятно, что такое специалист, если речь идет о воспитании юношества. Родители могут не быть специалистами в области воспитания ребенка, но все-таки лучше, если воспитывают именно они и решающее слово должно быть за ними.

Ред. Но ведь здесь речь идет не о воспитании, а о справедливости при поступлении в ВУЗы.

В.П. Непонятно, что такое в этом случае справедливость. Это еще одно слово, которое мы толком не можем определить, поэтому не стоит им злоупотреблять.

Ред. Так что же со словами? Мы отклонились от темы.

В.П. Не совсем отклонились. Именно положение с русским языком и является характерным показателем того, что происходят неестественные вещи. «Главрыба», «жилкомсервис», ЦИОП, РЦОК, «мультиплексное измерение качества образования». И т.д.

Ред. Со словами согласен. Список кошмаров русского языка особенно длинен там, где люди этим русским языком и занимаются. В небольшом поселке, где нет университетов и гимназий, жители, быть может, и сделают ошибку в ударении или скажут «ложить», но никогда не произнесут «мультиплексное измерение качества».

Впрочем, интересен и эффект замен «школ», «институтгов», «ремесленных училищ» на «колледжи», «университеты», «лицеи» и т.п. Или появление названий типа «Санкт-Петербургский колледж физической культуры и спорта, экономики и технологии». При том, что там есть такие специальности, как «сварочное производство» и «строительство и эксплуатация зданий». Этакий «русский винегрет».

В.П. Нужно сказать, что вообще уважение к ремеслу теряется на фоне увлечения иностранными словами типа «инновация».

Ред. Это, конечно, верно. Но боюсь, что Конфуций здесь ни при чем. Одно из проявлений бюрократической болезни. Увлечение бюрократизмом, иллюзией построения «правильной системы управления», в результате чего бюрократизм превращается в растущую опухоль.

В.П. Но, наверное, всякое смутное время сопровождается бюрократизмом.

Ред. Замечательно, что мы с вами согласны. Очень приятно вот так, сидя в тепле за рюмочкой хорошего вина согласно беседовать о том, что все плохо в королевстве датском.

В.П. Плохо, но не все.

Ред. Местами. А если и появляется кое-где гниль, так это еще и полезно для датской почвы. Но вопрос: а где же здесь философия? Мы уже час беседуем, но ни полслова, ни об онтологии, ни о гносеологии.

В.П. А разве мы собирались говорить о философии?

Ред. Но мы говорили о Конфуции. Разве все древние китайцы не являются философами?

В.П. Но слово «философия» тоже разделяется. То, о чем говорил Конфуций, в настоящее время уже не соответствует тому, что понимают под этим словом современные профессиональные философы.

Ред. «Профессиональные философы» – очень сомнительное выражение.

В.П. Почему сомнительное? Философия стала наукой и есть люди, профессионально занимающиеся этой наукой, люди, которые делают это ежедневно и получают за это деньги.

Ред. Да нет, наверное, это веление времени. Любовь стала профессией, почему же любовь к мудрости не может стать профессией. Но профессией своеобразной.

В качестве на-строенного и рас-положенного (als ge-stimmtes und be-stimmtes) соответствие действительно существует в некотором настроении. Тем самым наше поведение так или иначе организовывается. Понимаемое таким образом настроение не является музыкой случайно всплывших чувств, которые лишь сопровождают соответствие. Когда мы характеризуем философию как настроенное соответствие, мы ни в коей мере не хотим вручить мышление случайным переменам и колебаниям чувств. Речь идет единственно о том, чтобы указать, что всякая точность повествования укоренена в расположении соответствия, correspondance, как я говорю – во внимании зову.

М. Хайдеггер. Что такое философия

Такая «музыка» мне чужда. Хотя я и понимаю, что у каждого свои вкусы, но я не понимаю, где здесь мудрость. После того, как философия стала профессиональной, люди перестали понимать слово «мудрость», которое до этого воспринимали инстинктивно и достаточно отчетливо.

В.П. Ну да, и Конфуций говорит о «музыке». Но при этом все-таки Конфуций подчеркивает, что он не является профессионалом. Он принципиально не берет денег за поучения.

Философ сказал: Я никому не отказывал в наставлениях, начиная с тех, которые приносили гонорар из связки сушеного мяса.

Конфуций, XII, 7

Ред. Мы говорим о разной музыке. Разумеется, должна быть известная гармония или, проще говоря, соответствие между тем, что человек говорит в разных частях своего поучения, но я должен доверять своему инстинкту понимания. Как, например, я должен воспринимать такой бред:

...продукт уже определен формально – как тождество идеального определения, но в то же время и как объективного, реального, разделенного; однако существенным моментом здесь было тождество, деятельность как таковая и тем самым как внутреннее, которое не выступает на передний план; в объекте она должна выйти на передний план, и эта вторая потенция рассматривает отношение сдерживаемого чувства к сдерживаемой в объекте тенденции к уничтожению, или различие, которое существует между реальностью и собственной природой объекта и между его идеальным становлением в качестве определенного (Bestimmtwerden) и бытием в качестве определенного (Bestimmtsein) благодаря труду; в aa) труд был рассмотрен как идеальное отношение, здесь – как реальное; здесь, собственно, труд подводится под созерцание, ибо объект есть всеобщее в себе; следовательно, там, где он является субсумирующим, единичность субъекта занимает надлежащее ей разумное место; там, где он является понятием в себе, безразличием, он субсумируется. Труд в aa) всецело механический, ибо единичность, абстракция, чистая кау-

зальность существуют в форме безразличия и являются, следовательно, господствующим, внешним для объекта; ибо тем самым истинной полагается каузальность, поскольку этот субъект есть единичное, абсолютно для себя сущее, следовательно, абсолютное разделение и различие. Напротив, там, где субсумирующим является объект и абсолютное, нет каузальности, ибо он есть для себя безразличие особенного и един с особенным, особенность для него тем самым есть простая внешняя форма, а не внутреннее существо, бытие субъекта.

Г.Гегель. Абсолютная нравственность как отношение

Что это за «музыка»?

В.П. Не знаю. Во-первых, Вы выдергиваете из контекста. Во-вторых, в каждой науке есть служебные части. Как архитектор строит леса, чтобы воздвигнуть здание, так поступает и философ. Нельзя критиковать строительные леса, пока не увидели само здание. Но музыкальность все-таки должна быть и в архитектурном строении. И в философии должна быть музыкальность, и Конфуций призывал заниматься свободными искусствами (XII,6).

в новом эмоционально-смысловом освещении предстает романтическая тема балета – борьба человека с морем. Сплетение ведущих тем-образов, их нарастающая сила развития образует действенную симфоническую картину.

С. Катанова. Балеты

Даже символы-слова здесь отличаются от соответствующих лексем не только подобранностью смыслов, осуществляющей в цельной композиции эффекты гармонического эмоционального созвучия или эмоционально-контрастных переливов – при стройном чередовании семантических «акцентов», но и ярко-индивидуальными чертами в своем художественно преобразованном облике.

В.В. Виноградов. О поэзии Анны Ахматовой

Ред. Очень красиво! Причем тут это? Что за симфоническую картину рисует Гегель, например, в своем тексте, посвященном Макиавелли?

Вряд ли можно сомневаться в том, что человек, чьи слова полны такой подлинной значительности, не способен ни на подлость, ни на легкомыслие. Между тем уже само имя Макиавелли носит, по мнению большинства, печать отверженности, а макиавеллизм отождествляется обычно с гнусными принципами. Идея государства, созданного народом, столь настойчиво заглушалась безрасудными призывами к так называемой свободе, что всех бедствий Германии в Семилетней войне и в последней войне с Францией, всего прогресса разума и опыта, почерпнутого из неистовства, охватившего Францию в ее стремлении к свободе, вероятно, недостаточно для того, чтобы та простая истина, согласно которой свобода возможна только в государстве, созданном объединившимся на правовой основе народом, проникла в умы людей и утвердилась в качестве основного принципа науки о государстве.

Даже цель Макиавелли – поднять Италию до уровня государства – слепо отвергается теми, кто видит в творении Макиавелли лишь призыв к тирании, зеркало в золотой оправе для тщеславного поработителя. Если же эта цель принимается, то объявляются отвратительными предлагаемые им средства, и тут-то открывается широкий простор для морализирования и высказывания различных тривиальностей, вроде того, что цель не оправдывает средства и т. п.

Между тем здесь не может быть и речи о выборе средств, гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой.

Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, не может быть устранено мягкими мерами противодействия. Жизнь на грани тления может быть преобразована лишь насильственными действиями.

...

Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед своим временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти к этому произведению один будущий монарх, вся жизнь и деятельность которого явились ярчайшей иллюстрацией к распаду Германской империи на множество независимых государств, руководствуясь своего рода инстинктом, взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли, противопоставив ему моральные христы, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями, где это со всей отчетливостью сказано; так, например, в предисловии к Истории первой Силезской войны он отрицает необходимость соблюдать условия договоров в том случае, если они уже не идут на пользу подписавшему договор государству.

Впрочем, наше утонченное общество, которое не могло не отметить гениальность творений Макиавелли, но, обладая высокими моральными достоинствами, не способно было и принять его принципы, решило по своей доброте спасти его самого; эти благожелатели вышли из сложного положения со всей присущей им честностью и тонкостью, объявив, что в своих произведениях Макиавелли совсем не излагал своих действительных взглядов, что все это – лишь тонкая сатира, ирония; нельзя не согласиться с тем, что тонкость столь восприимчивого к иронии общества достойна всяческих похвал. Голос Макиавелли затих, не оказав никакого воздействия.

Г.Гегель. Процесс образования государств в других европейских странах

Если дама пишет о балете, и ее настроение является музыкой случайно всплывших чувств, которые сопровождают соответствие, то пусть так и будет, она ведь не призывает при этом к применению насильственных действий. Меня очень смущает то, как осуществляется переход от профессиональной философии к анализу стихий мира: материя объективна и дана в ощущениях, следовательно, сегодня рано, а послезавтра будет поздно. Таким образом, завтра.

Меня смущает, с какой стати я должен дрожать от того, что какому-то философу приснится, что жизнь в моей стране происходит на грани тления и, следовательно, лавандовая вода и рисовые котлетки неуместны.

В.П. Почему Вы ко мне с этим обращаетесь? Я не являюсь поклонником Гегеля. У Конфуция сказано

Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами.

Ред. Это не важно, придерживаетесь ли того же мнения, что и я. Вопрос у меня другой. Философ (или юрист или экономист), хочет он того, или не хочет, использует свой профессиональный авторитет для того, чтобы укрепить в сознании «пользователя» некоторые утверждения, принципы. Почему я должен им доверять? Потому, что у него есть, в отличие от меня талончик на право «любить мудрость»? Ладно, если речь идет о субсумирующем созерцании, но ведь тут претензии совсем другого рода. Они меня напрямую касаются. В совокупности с пассажами такого, например, рода:

Но если на открытую борьбу сил не хватает, надо всячески стараться войти к государю в милость; надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели; надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату. Такая близость к семье, во-первых, предохранит жизнь, а во-вторых, даст возможность, безопасно насладившись счастьем государя, достигнуть своей цели, низвергнув его при удобном случае.

Н.Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

Очень даже напрямую касаются.

В.П. У Конфуция, конечно, ничего подобного нет. Наоборот, он постоянно говорит о честности, преданности и прямооте. Например:

Философ сказал: Цзо-Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цю мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого. (V, 24).

Кстати говоря, в русском языке тоже «лукавый» – синоним черта. Хотя, конечно, «лукавство» – тоже разделяющееся слово.

Ред. То есть Вы считаете, что здесь мы имеем дело с «тонкой сатирой»?

В.П. Не знаю. Быть может, просто некоторые наблюдения за поведением людей.

Ред. Например, такое наблюдение.

Таким образом, полководец, который осаждаёт крепость, должен употребить все усилия, чтобы избавить осажденных от необходимости защищаться и таким образом убить в них желание упорного сопротивления, или обещая им помилование, если они боятся кары, или, если они опасаются за свою свободу, уверяя их, что он сражается не против общественного спокойствия, но лишь против небольшого числа честолюбцев, которые желают подчинить их себе. Вот что так часто облегчало взятие города.

Н.Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

В.П. Я не думаю, что что-либо изменилось бы, если бы этот совет не был бы сформулирован. Политики использовали бы этот метод и без Макиавелли. Впрочем, быть может, я и не прав. Озвучивание принципа как бы легитимизирует его. Но я отношу и этот совет к тому же лукавству. Мне это не нравится.

Ред. Положим, это мне больше нравится, а то меньше. Но как узнать, какую философию я должен изучать? Два врача дают мне лекарства. Разные. Как мне распознать, какое полезно? Как понять, что такой-то философ действительно разумен, а другой просто болен словоблудием? Тем более, что успехи профессиональных ученых определяются количеством печатных листов. Как можно заказывать по сто страниц мудрости в год?

Для химика, математика физика – это задачи, которые они решили. Для врача – больные, которых они вылечили. Не слишком определенный критерий, но все-таки.

Но что для философа, какие технологические цели? Потом, что за выражения: «он раскрыл тему», «он поставил проблему». Вообще-то я бы хотел увидеть философа, который «закрыл» бы какую-нибудь проблему. Вообще, чем вы, философы, занимаетесь?

В.П. Я не отношу себя к философам, но думаю, что в профессиональной философии есть собственные задачи и цели. Прочитайте, например, в Википедии. Там сказано про это.

К числу основных философских вопросов, например, относятся вопросы «Познаваем ли мир?», «Существует ли Бог?», «Что такое истина?», «Что такое хорошо?», «Что есть Человек?», «Что первично – материя или сознание?» и другие.

Ред. Ну и что? Познаваем ли мир?

В.П. Не знаю. Я еще раз говорю, что я не философ. Вопрос для меня трудный.

Ред. Ну, тем не менее. Как обычный человек. Или Вы считаете, что настало то время, когда право думать принадлежит только тем, кто получил на это специальный талончик?

В.П. Тогда Вы и сами можете попробовать ответить как обычный человек.

Ред. Дело в том, что я не понимаю вопроса. Я не понимаю, как это «познать себя»? Вот я себя познаю, познаю, познаю и что? Я просто не понимаю, каков должен быть итог? Впрочем, как, например, и в вопросе о границе вселенной. Познание, конечно, расширяется, и итоги науки впечатляют, но разве они всегда впечатляют по-хорошему? К сожалению, развитие науки все менее и менее зависит от нас. Очень похоже на то, что пройдет лет двести и наша Земля будет похожа на Марс. И другие цивилизации будут гадать, была ли на Земле когда-либо жизнь.

В.П. Я понимаю, что вы пессимист. Но на вопрос Вы ответили сами. Объяснили, что следует разбираться в понятиях.

Ред. Ну, это зависит от настроения. Веселее считать, что в мире нет принципиально непознаваемых вещей. Я тоже так думаю, но непонятно только, как будет выглядеть этот тот, которому удастся познать мир.

Очень может быть, что вопрос нужно уточнять, а философы этим и занимаются, но мне представляется, что они просто ввергают нас в словесный водоворот. Спросите о чем-нибудь подобном философа, и он вас закружит, завертит, после

чего вы поймете только, что это все музыка и гармония.

В.П. Думаю, что Вам просто не повезло однажды. Или Вы читали не слишком удачные книги.

Ред. Гегеля, например. Но дело не в этом, а в отсутствии технологических целей. Какое-нибудь понятное вам достижение философии вы можете назвать?

В.П. Почему же нет? Например, древние сумели понять, что материя корпускулярна. Представление об атомарном строении вещества было получено задолго до того, как появилась возможность достоверно проверить это с помощью современной физики.

Ред. Вот с этого места поподробней, пожалуйста. Это, если угодно, мой тест. Я предлагаю тем, кто хочет научить меня философии, доказать, что материя корпускулярна. Вместо ответа я получаю рассказ о Лукреции, о том, когда родился Эпикур, в каких сандалиях Фалес ходил по Милету и множество других историй. Все, кроме доказательства.

В.П. Я не думаю, что здесь возможны доказательства в математическом стиле.

Ред. В любом стиле, который мог бы меня убедить. Причем не только меня. Как в математике. Но только одно условие: кем угодно, когда угодно, но чтобы это было такое доказательство, при наличии которого ни философ, ни кто-либо иной не мог бы даже усомниться. Окончательное доказательство. Фактическое. Настоящее. Броня. И чтобы имена Платона, Левкиппа, Демокрита даже не упоминались.

В.П. Я имею в виду, что оно все равно не удовлетворит Вас с точки зрения формальной логики.

Ред. Это я не понимаю. Еще один способ ухода от ответа. Формальная логика, неформальная логика – мне все равно.

В «Четвертом размышлении» я показываю, что все, воспринимаемое нами ясно и отчетливо, тем самым истинно...

Рене Декарт

В.П. Мне надо подумать.

Ред. Вот и подумайте. А на сегодня закончим.

Немного о вине и веселии

– *«Послушайте, – сказал священник мужикам, –
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне – не подражайте».*

А.С. Пушкин

Есть слова, которые выделяются как своей простотой, так и одновременно отсутствием какой-либо расплывчатости в понимании. И, тем не менее, они могут «разделяться», менять свои значения. Например, слова «веселие» и «веселиться». Одно из самых любимых выражений почитателей Бахуса – формула из «Повести временных лет»:

– Руси есть веселие пить, не можем без того быть.

Это выражение породило целый пласт в исторической русской псевдокультуре. Появились псевдобылины, псевдонародные песни, псевдонародные поговорки о бравых витязях, высушивающих за раз по полведра. Многие историки и публицисты стали восставать против «прямолинейного» понимания тезиса, во многом вполне искренне. Например:

Обусловлено же сие высказывание было тем, что по русскому обычаю князь делил трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, а что могло быть для князя важнее? Надо учитывать и то, что вино и пиво, будучи издревле известны на Руси, снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал при этом «буйства во хмелю». Следовательно, произнося указанную фразу, князь Владимир попросту не желал лишиться поддержки со стороны дружины – его ближайшего окружения, но отнюдь не ратовал за всеобщее и безудержное пьянство.

В результате получилось: выпивал, но без буйства. Отметим, что очень условно можно сказать, что вино и пиво «снимают усталость» в походах. Не одну книгу можно составить из сказок легенд, библейских и не только библейских историй о том, что происходит с армией после того, как ее напоили вином – это большая удача врага.

Искать поддержки дружины в совместном бражничестве – это как-то странно. Князь получает уважение дружины не тем, что с ней выпивает, а тем, что знает, куда ее вести. Не припомнится, чтобы Наполеон искал поддержки у маршалов на пирах или чтобы этим занимался Кутузов. Правда, Александр Македонский любил крепко «веселиться» со своими военачальниками, но и кончилось это тем, что он им стал не очень-то и нужен.

Не найти и у Суворова про «снятие усталости» с помощью вина.

Солдат дорог. Береги здоровье! Чисти желудок, коли засорился. Голод – лучшее лекарство. Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок – есть хочется – на закате солнышка немного пустой каши с хлебцем, а крепкому желудку буквица в теплой воде или корень коневого щавелю. Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского! В горячке ничего не ешь хоть до

двенадцати дней, а пей солдатский квас: то и лекарство. А в лихорадке не пей, не ешь: штраф! – за что себя не берег.

Впрочем, не все и не всегда выполняли указания Суворова.

Ощупью впотьмах сняли мы клубок с сахарного нашего божества Бурхана. Налив крышку флейтичьего футляра, обёрнутую платком, я подал стонавшему в ознобе полковнику, клича его: «Моисей Иванович, Моисей Иванович! Нуте-ка выпейте». Он вздынул голову, окутанную солдатскими шинелями. Руки его тряслись, и весь он ходором ходил от лихорадки, и я, держа крышку, поил его. Выпив половину крышки, он стал сам держать её; допив же всю, ухнул, перекрестился, и всё прошло – испарина показалась. Слава благодарение Богу вышнему и чудотворному его кувшину, оживившим храброго, драгоценного Отечеству аванпостного полковника-героя.

(Очаровательный рассказ полковника Михаила Петрова о приключениях «благотворного кувшина малороссийской варенухи на аванпостах войны» взят из сборника «1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Сост. Ф.А. Петров и др. Москва. ГИМ, 1991».)

Однако следует вернуться к «Повести временных лет».

Это произведение непростое, и князь Владимир не был простым предводителем дружины. Земля, в которой он княжил, была велика и обильна, и многие народы, населявшие ее, исповедовали разные религии. Были среди них и христиане. Аллегория выбора государственной религии, в отличие от множества исторических примеров жесткого предпочтения, здесь оставляет реальное сосуществование бывших на Руси религий и конфессий. Отсюда и незатейливость причин этого выбора, как бы подчеркивающая отсутствие антагонизма. В обсуждаемом выражении содержится напоминание известных слов апостола Павла:

Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов. (1Тим.5:23)

Смысл слова «веселие» – укрепление, как и в известном псалме.

Господи! силою Твоею веселится царь и о спасении Твоем безмерно радуется. (Пс.20:2)

Первая часть этой строки в слегка измененном виде помещена на северном фронте Исаакиевского собора. (Вторая становится понятной, если заменить «Твоем» на «своём».) Чтобы разобраться еще с одним примером, начнем опять издалека.

В Эрмитаже, в зале Рубенса и в соседнем зале висят несколько картин другого великого фламандца, чуть менее знаменитого – Давида Тенирса младшего. Нас интересует одна из его картин, написанная, когда художник был в расцвете сил, но в настоящее время хранящаяся, к сожалению, в запасниках музея. Картина называется «Жатва».

На ней изображена деревня, разделенная дорогой. Одна сторона от дороги освещена солнцем, на ней поле, на котором трудятся крестьяне. Вдали церковь, виднеется река, над полем радуга – символ Божьего благоволения. Даже радуга имеет отношение к слову «веселиться». Ее называют «весёлка», «веселица».

Давид Тенирс младший. Жатва

В самый жар косьба показалась ему не так трудна. Обливавший его пот прохладил его, а солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крепость и упорство в работе; и чаще и чаще приходили те минуты бессознательного состояния, когда можно было не думать о том, что делаешь. Коса резала сама собой. Это были счастливые минуты.

Л.Н. Толстой. Анна Каренина

Справа от дороги, в теневой части картины, мы видим, что и по-другому можно понимать слово «веселиться». В этой части даже птицы не летают. Картина является иллюстрацией того, как по-разному можно понимать слова пророка Исайи.

Ты умножишь народ, увеличишь радость его. Он будет веселиться пред Тобою, как веселятся во время жатвы... (Ис.9:3)

Это хорошая иллюстрация не только к словам Исайи, но и к тому факту, что понимание значения слова разделяется не только в русском языке.

Впрочем, нас интересует не лингвистическая проблема, а скорее, логическая, диалектическая, метафизическая. Мы путаем направление причинно-следственных связей и причиной вымирания русской деревни называем пьянство.

Господь благословляет, а черт надеется. Когда война или служба какая – в какой части картины персонажей поубавится? Когда осваиваются новые пространства или там строительство какое – БАМ, например, или завод большой – где

народу поубавится? Когда молодежь способную приглашают в институты? Город порождает бомжей, наркоманов, пьяниц, их выдворяют за сто первый километр, – в какую часть картины они попадают? Не вчера проблема появилась, но «решалась» она шаг за шагом. Ведро пустело капля за каплей, и оказалось, что оно не бездонное. Левая часть картины опустела, да и правая преобразилась.

Тарквиний и Лукреция

*Зачем червяк вгрызается в цветок?
Иль воробьев из гнезд кукушки гонят?
Иль ядом жабы осквернен поток?
Иль девы грудь под игом страсти стонет?
Иль царь бесчестьем титул свой уронит?
Да, совершенства в этом мире нет,
Во всем чистейшем есть нечистый след!*

Шекспир. Лукреция

История Тарквиния и Лукреции была изложена в книге Тита Ливия «История Рима от основания города». Каковы были источники для самого автора, мы толком не знаем, невольно предполагая, что раз Тит Ливий жил гораздо ближе к событиям, чем мы, то и был он чуть ли не их свидетелем. Однако от описываемых событий до Тита Ливия в свою очередь прошла почти половина тысячелетия. Преступление Тарквиния породило мщение Брута и не слишком длинную цепочку событий, означавших конец эпохи царей Рима.

Рутулы, обитатели города Ардеи, были самым богатым в тех краях и по тем временам народом. Их богатство и стало причиной войны: царь очень хотел поправить собственные дела – ибо дорогостоящие общественные работы истощили казну – и смягчить добычею недовольство своих соотечественников, которые и так ненавидели его за всегдашнюю гордыню, а тут еще стали роптать, что царь так долго держит их на ремесленных и рабских работах. Попробовали, не удастся ли взять Ардею сразу, приступом. Попытка не принесла успеха. Тогда, обложив город и обведя его укреплениями, приступили к осаде.

Здесь, в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попойках. Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, разговор заходит о женах и каждый хвалит свою сверх меры. Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова – всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. «Отчего ж, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего». Подогретые вином, все в ответ: «Едем!» И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгущавшихся сумерках, они двинулись дальше в Коллацию, где поздней ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц, сидела она посреди покая в кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией. Приехавшие муж и Тарквинии находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желание насильем обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. Но пока что,

после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь. Несколько дней спустя втайне от Коллатина Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллацию. Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но, едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женичина видит: помощи нет, рядом – грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устрашить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мертвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба – пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел, упоенный победой над женской честью. Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестников в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин – с Луцием Юнием Брутом – случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женичины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» – она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женичине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоём, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору – душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний – вот кто прошлой ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него – если вы мужчины – усладу». Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль – не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам, – отвечает она, – рас судить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!». Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко зывают к ней муж и отец.

Пока те предавались скорби, Брут, держа пред собою вытасченный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистойшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь – и вас, боги, беру в свидетели, – что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме». Затем он передает нож Коллатину, потом Лукрецию и Валерию, которые оцепенели, недоумевая, откуда это в Брутовой груди неизвестный прежде дух. Они повторяют слова клятвы, и общая скорбь обращается в гнев, а Брут, призывающий всех немедленно идти войною на царскую власть, становится вождем.

Тит Ливий. История Рима от основания города

Сандро Боттичелли. История Лукреции. 1496-1504. Бостон, США

Чуть позже эту историю изложил Овидий в своих «Фастах».

*Вот и супруг и отец, невзирая на все предрассудки,
Кинулись к телу ее вместе, рыдая о ней.
Брут появляется. Вмиг свое позабывши притворство,
Из полумертвого он выхватил тела клинок
И, поднимая кинжал, благородною кровью омытый,
Им потрясает и так громко и грозно кричит:
«Этою кровью клянусь, святой и отважною кровью,
Этими манами, мной чтимыми, как божество, —
Что и Тарквиний, и весь его выводок изгнаны будут.
Слишком долго уже доблесть свою я таил!»*

Овидий. Фасты. Книга II

Сцена, предшествовавшая стремительному подъему духа Луция Юния Брута, — сцена бесчестия Тарквиния младшего и гибели Лукреции — составила один из популярных сюжетов в живописи. Женское имя Лукреция было в те времена весьма значимым и распространенным в аристократической среде. Давали ли такие женщины, как Лукреция Донати, Лукреция Кривели или Лукреция Белладонна, какой-нибудь повод для того, чтобы в их честь вспоминать исторический сюжет, мы не знаем. Знаем только, что примерно в то же время, когда Боттичелли обращается к теме Апокалипсиса, он создает и большую картину «История Лукреции».

Дюрер пишет «Лукрецию» в 1518 году, Лукас Кранах Старший (а затем и младший) пишет в тридцатые годы несколько вариантов изображения Лукреции (видимо, по заказу). Можно вспомнить Пармиджанино, Ганса Гольбейна старшего, Рафаэля, Раймонди и с десяток других имен. Мы не можем объяснить, почему интерес со стороны живописцев возник (или проявился) именно в шестнадцатом веке, очень возможно, что мы просто ничего не знаем о разработке этого сюжета в предыдущие века. Связан ли был всплеск интереса к данной теме с «Рассуждениями» Макиавелли или с его пьесой «Мандрагора»? Тоже вряд ли.

Отметим, что в большинстве случаев единственным персонажем сюжета была римлянка с неотъемлемым атрибутом – кинжалом. Первый раз Тициан обратился к этой теме как раз тогда, когда была написана «Мандрагора». На этой версии изображена Лукреция с кинжалом, а ее губитель Тарквиний находится в тени, за ее спиной. На более известной картине Тициана, написанной через полвека, в 1569–71 годах, кинжал уже в руках Тарквиния, а фигур даже не две, а три – еще и небольшая фигурка служки.

Теперь перейдем к знаменитой картине Питера Пауля Рубенса «Тарквиний и Лукреция» (1609–11). Здесь оба главных персонажа образуют тот же сюжет, но появляется другая, третья фигура (не считая амурчика, который то ли отмахивается, то ли защищается рукой, но при этом другой рукой держит факел). Эта третья фигура – страшная фурия, опутанная змеями, – одна из фурий. Какая именно – сказать трудно.

Питер Пауль Рубенс «Тарквиний и Лукреция» (1609–11)

*...Где вдруг взвились,
для бешеной защиты,
Три Фурии, кровавы и бледны
И гидрами зелеными обвиты;
Они как жены были сложены;*

*Но, вместо кос, клубами змей пустыни
Свирепые виски оплетены.
И тот, кто ведал, каковы рабыни
Властительницы вечных слез ночных,
Сказал: «Взгляни на яростных Эриний.
Вот Тисифона, средняя из них;
Левей – Мегера: справа олютело
Рыдает Алекто». И он затих.
А те себе терзали грудь и тело
Руками били; крик их так звенел,
Что я к учителю приник несмело.
«Медуза где? Чтоб он окаменел! –
Они вопили, глядя вниз. – Напрасно
Тезеевых мы не отмстили дел».*

Данте. Ад. 9

Художники снабжали фурий женскими телами, чаще вполне молодыми и привлекательными, в отличие от выражений их лиц, но иногда и старухами, мерзкими чисто внешне. Вспомним письмо Макиавелли 1506 года, адресованное Луиджи Гвиччардини (мы его обсуждали в параграфе, который называется «Мандрагора»). Создается впечатление, что Рубенс написал по этому письму портрет своего персонажа – третьей фигуры композиции, хотя, конечно, у Рубенса были и другие поводы сделать фигуру именно такой. Один из таких поводов нас интересует, и, чтобы поговорить о нем, начнем издалека. Перенесемся в пространстве и времени и вспомним Пушкина и его заметку о поэме «Граф Нулин».

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? – Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

А.С. Пушкин. Заметка о «Графе Нулине»

Считал ли в самом деле Пушкин поэму «Лукреция» слабой – непонятно. Конечно, она не сценична. Она декламационная, совсем другого стиля. Стиля, который в настоящее время уже почти не встречается. Но тогда люди жили по-другому. Можно представить себе следующее. Знатный, состоятельный человек заказывал художнику картину на заданный сюжет. И когда заказ был выполнен, естественно, приглашал друзей. Далее было примерно так, как описывает Пушкин в своих «Египетских ночах». С тем отличием, что тема уже была задана и рифма составлена. И тут, конечно, многое зависело от искусства декламатора.

Сейчас, после того как несколько поколений переводчиков поработало над тем, чтобы передать нам многообразные оттенки и красоты шекспировского сти-

ха, когда появился красивый перевод Томашевского, поэма уже не кажется слабой. Обратим внимание на то, что в центральной части поэмы, как и в картине Рубенса, появляется третий персонаж. Заметим, что художник скорее всего был знаком с поэмой Шекспира «Обесчещенная Лукреция» («The Rape of Lucrece»), написанной и изданной более чем за пятнадцать лет до этого. Третий персонаж, заинтересовавший нас, – не Брут. Луций Брут появляется позже:

*А Брут, извлекий раньше нож из раны,
Увидев схватку этих скорбных сил,
Обрел теперь величие титана,
Он блажь былую в ране схоронил.
Ведь Рим его невысоко ценил:
Так короли шутов не уважают
За то, что часто вздор они болтают.
Он шутовской наряд отбросил прочь
(Была здесь хитрость – вот и вся причина!),
И ум блеснул, чтоб в горести помочь,
Чтоб успокоить слезы Коллатина.
«Встань! – он сказал, – ты в ранге властелина!
Позволь же мне, кто слыл глупцом у вас,
Дать мудрому совет на этот раз!*

Эдуардо Росалес. Смерть Лукреции. 1871. Мадрид. Прадо

*О римлянин, ты сердцу не давай
 Потоком жалоб горестных излиться!
 Склонись над алтарем, к богам взывай,
 Чтоб грозным гневом вспыхнули их лица,
 Чтоб мести помогли они свершиться!
 Недрогнувшей рукой наш славный Рим
 От мерзкой грязи мы освободим!»*

Третий персонаж, который и является по существу центральным в поэме – это подстерегающий нас всех Случай.

*Над нежною весною вихрь кружится,
 С бутонами в корнях сплетен сорняк,
 Шипит змея там, где щебечет птица,
 Зло – добродетели смертельный враг!
 Ничто своим не назовешь никак,
 Все предает враждебный людям Случай
 Иль бедствиям, иль смерти неминучей.*

*О Случай, как тяжка твоя вина!
 Предателя склоняешь ты к измене,
 Тобою лань к волкам завлечена,
 Ты предрешаешь миг для преступленья,
 Закон и разум руша в ослепленье!
 В пещере сумрачной, незрим для всех,
 Таится, души уловляя, Грех!*

Конечно, Случай играет неблагоприятную роль. Случайно приходит лето, жара и начинаются пожары. Потом случайно идут дожди и река выходит из берегов. Нежданно наступают осенние холода и бедная французская армия гибнет ни за что ни про что. Ни с того ни с сего сваливается человеку на голову кирпич. А в государственных делах разве лучше ведет себя Случай?

*Когда просителю ты станешь другом,
 Его прошеньям дав законный ход?
 Когда покончишь ты с войны недугом,
 Избавив душу от цепей забот?
 Когда больным вольешь лекарство в рот?
 Бедняк, хромой, слепой – ползут, зывают,
 Но часто ль на пути тебя встречают?
 . . .
 Добро и Правда лишь к тебе стремятся,
 Но тысячи преград ты ставишь им –
 Пусть платят деньги! А Греху, признаться,
 Платить не надо – ты же в дружбе с ним...*

Так изменилась бы история, если бы Лукреция дала пощечину Тарквинию? Думаю, что нет. И одной из причин такого ответа является мнение, что не столько историческая легенда создает события, сколько она сама создается по результату этих событий.

*О Время, с Ночью схожее отчасти,
Гонец и вестник пагубных забот,
Враг юности и раб преступной страсти,
Конь, на котором Грех летит вперед, –
Рождает все и губит твой полет!
О Время, в жизни ты играло мною,
Так стань же гибели моей виною!*

*Зачем же Случай, верный твой холоп,
Меня настиг, когда я отдыхала?
Разбив мне жизнь, его рука по гроб
Меня к несчастьям ныне приковала.
Врагов мирить тебе бы надлежало
И ложность мнений исправлять – вот цель!
А не вторгаться в брачную постель.*

*Твой долг – кончать все распри меж царями,
Ложь обличать, возвысив правды свет,
Прижать печать над прошлыми веками,
Будить рассвет, ночной сметая вред,
Злодеев исправлять годами бед
И всюду разрушать земные зданья,
Темня их башен золотых блистанье.*

...

*Зачем лишь зло творишь, свершая бег,
Раз для добра не можешь ты вернуться?
Отдай хотя б минуту нам за век –
И тысячи вокруг тебя сомкнутся,
Они умно с долгами разочтутся...
Один лишь час бы я вернуть могла,
И я бы отразила натиск зла.*

Но вот что нас смущает: Случай ведь не «самостоятельный игрок». Теория нам говорит, что Случай – орудие в руках Провидения. Можно ли сердиться на орудие? Что-то не так. Посмотрим, какое слово использует Шекспир.

*Unruly blasts wait on the tender spring;
Unwholesome weeds take root with precious flowers:
The adder hisses where the sweet birds sing;*

*What virtue breeds iniquity devours.
We have no good that we can say is ours
But ill-annexed Opportunity
Or kills his life or else his quality.*

*'O Opportunity, thy guilt is great!
'Tis thou that execut'st the traitor's treason;
Thou sets the wolf where he the lamb may get;
Whoever plots the sin, thou point'st the season;
'Tis thou that spurn'st at right, at law, at reason;
And in thy shady cell, where none may spy him,
Sits Sin, to seize the souls that wander by him.*

В оригинале везде на месте «Случая» стоит «Opportunity». Но почему Пушкин обратил внимание именно на это слово? Если мы с помощью русско-английского словаря попробуем сделать «обратный перевод» и найти английские варианты для слова «случай», то получим следующий квазисинонимический ряд: case, event, occasion, chance, occurrence, incident. В этом ряду нет места для «Opportunity».

Чтобы разобраться, как все-таки это слово в данном контексте нужно понимать, попробуем обратиться к Библии короля Якова – переводу Библии на английский язык, который создавался как раз во времена Шекспира. Найдем те места, в которых появляется Opportunity, и посмотрим, как это выглядит на русском языке:

... и он обещал, и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе. (Лук.22:6)

... и с того времени он искал удобного случая предать Его. (Матф.26:16)

Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере. (Гал.6:10)

И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; (Евр.11:15)

Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. (Фил.4:10)

Таким образом, и здесь появляется случай, благоприятный или нет. Но также это «подходящее время» или «совокупность обстоятельств». И остается вопрос – переход от эпохи царей к республиканскому Риму произошел случайно, по стечению обстоятельств (что одно и то же), или пришло время?

Не случись происшествия с Лукрецией, произошло бы какое-нибудь другое и имело бы те же последствия.

Н.Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

Нельзя не упомянуть еще одно событие культуры, связанное с рассматриваемым сюжетом – оперу Бенджамина Бриттена «Поругание Лукреции». Написана опера в хорошем классическом стиле, как у Прокофьева в сказке «Петя и волк». Вот скачет Тарквиний и музыка делает «цок-цок». Вот журчит вода – это Тарквиний переплывает Тибр. Можно угадать и момент, когда он подкрадывается к своей жертве. Либретто оперы написано по пьесе французского драматурга А. Обэ и содержит ряд оригинальных сюжетных поворотов.

Заканчивается опера хором, в котором выделяется голос Брута:

*О, Рим, восстань!
Вот что содеял этруск!
Нашей Лукреции больше нет!
И это дело рук Тарквиния.
Мы пронесем ее тело по городу. И Рим восстанет!
И римский трон будет мой.*

В конце Брут многократно повторяет восклицание:

И римский трон будет мой!

О книге Тита Ливия и достоверности изложенных в ней сведений

*Вообще роман сей по праву должен нравиться людям,
которых воображение не иначе любит видеть историю,
как сквозь радужную призму вымысла.*

А.С. Пушкин

Сейчас нас интересует уже не только рассматриваемый сюжет, но и «последствие», оттенки в интерпретациях этого сюжета. Не только сама книга Тита Ливия, но и споры, возникшие по поводу достоверности изложенных в ней сведений. Наиболее известным и авторитетным идеологом того направления, которое можно было бы обозначить как «квалифицированный скептицизм», был Бартольд Георг Нибур.

К чему повели огромные труды Нибура, который, вне всякой возможности возражения, разрушил все основы истории Рима? Они заняли собой трудолюбивые досуги небольшого числа критиков и заслужили их одобрение – вот и все.

С.С. Уваров. Продвигается ли вперед историческая достоверность?

Реакция на замечания С.С. Уварова последовала почти мгновенно и, в частности, от более молодого историка Петра Николаевича Кудрявцева, который подчerkнул, сколь важную роль сыграли труды Нибура, и выразил веру в поступательное, прогрессивное развитие исторической науки.

В 1851 г. он выступил с горячо написанной статьей: «О достоверности истории» («Отечественные записки»), в которой защищал свой предмет против записки президента Академии Наук С. С. Уварова «Достовернее ли становится история», – в этой последней утверждалось, что история – не что иное, как цепь преданий, и отрицалось за ней всякое научное значение.

Большая биографическая энциклопедия

Бодрые возражения уважаемых профессионалов с их правильной гражданской позицией немного смущают. Достаточно беглого просмотра статьи Уварова, чтобы заметить, что к Нибуру автор относится с уважением. Еще более странно читать, что он отрицал за историей «всякое научное значение». Статья Уварова написана на совсем другом уровне. Она затрагивает целый ряд нетривиальных аспектов и заслуживает внимательного обсуждения.

Но нас здесь интересуют не важные споры почтенных профессионалов, а нечто другое – положение, в котором оказались любители истории, или, попросту говоря, обыватели. Сделаем в связи с этим несколько замечаний.

ЗАМЕЧАНИЕ 1. О достоверности и скептицизме. Уважаемый автор учебника «История Рима» Сергей Иванович Ковалев пишет в главе, посвященной описаниям источников:

Литературный талант Ливия, искусная систематизация легендарного материала, широкая популярность его труда сделали Ливия главным представителем традиции о возникновении Рима и его истории в раннюю эпоху. А эта традиция и по характеру материала, которым пользовался Ливий, и благодаря его собственным недостаткам в значительной степени недостоверна.

И далее, в параграфе, посвященном рассматриваемому сюжету, изложив кратко версию Ливия, историк добавляет:

Такова традиционная легенда. В ней нет почти ничего достоверного, за исключением, быть может, самого факта изгнания последнего царя.

Еще более категоричен Теодор Моммзен в своей знаменитой «Истории Рима», начатой как раз тогда, когда Уваров написал свою записку. Он не только не признает за легендой никакой достоверности, но и просто ее игнорирует, не излагая даже версии.

Denn mag die Geschichte der Vertreibung des letzten Tarquinius, «des Übermütigen», auch noch so sehr in Anekdoten ein- und zur Novelle ausgedehnt sein, so ist doch an den Grundzügen nicht zu zweifeln.

Theodor Mommsen. Roemische Geschichte

Труды Нибура сделали свое дело. Скептицизм налицо. Но только что это изменило? Уваров был совершенно прав. Этот скептицизм трудами Гегеля, Моммзена и ряда других ученых превратился постепенно в схемологию, – науку, против которой восстал Ницше в своем эссе «О пользе и вреде истории для жизни». В науку, в которой необходимо указать причины, движущие силы и производ-

ственные отношения. Места для живой истории, для мифа и легенд, в ней не должно быть.

Из баснословных преданий об изгнании царя Тарквиния нельзя выделить фактических подробностей, но ясно видны причины раздражения народа: царь не советовался с сенатом, несправедливо постановлял приговоры о смертной казни и о конфискации. Могущественный род, долго господствовавший в Риме, уступил не без борьбы, но подробности ее в предании представлены, несомненно, неверно.

Теодор Моммзен. История Рима

Нам кажется, что причины этого «фазового перехода» несколько иные, но вступать в спор с уважаемым профессионалом мы не предполагаем. Нас больше интересует «радужная призма вымысла». Интересует и само предание, возникшее как своего рода модель социальных процессов, и вырастающая из нее культурная оболочка, которая не смогла бы появиться, будь эта модель «мертво-рожденной».

ЗАМЕЧАНИЕ 2. «Бродячий сюжет» как форма, в которую облакается модель. Профессор Ковалев в том же параграфе пишет:

Мотив оскорбления добродетельной женщины как повод к восстанию против тирана является типичным «бродячим сюжетом», не раз встречающимся в мировой литературе.

Сюжет этот не просто «бродячий», он меняется в зависимости от времени и обстоятельств. Интересна его деформация. В греческой мифологии оболечение Елены Парисом вызвало Троянскую войну, которая длилась десятилетие, Елена стала женой Париса, после его гибели досталась Деифобу, а после гибели последнего вернулась к Менелаяу.

Целых восемь лет скитался Менелай вместе с Еленой по дальним странам. Однако, добравшись, наконец, до Спарты, Менелай и Елена прожили там счастливо оставшуюся жизнь, а после кончины Зевс не позволил смерти унести их в мрачное царство Аида, но велел Гермесу отвести их на Елисейские поля, где Менелай и Елена живут с тех пор, не зная горя и печали.

М. Стефанидис. Греческая мифология. Троянская война

Далее сюжет стал «бродить». Сначала у Тита Ливия исчезли боги, а затем сюжет и вовсе деградировал, опустившись до комедий Макиавелли.

Сюжет «бродячий», но «бродячий» и вопрос: была ли Лукреция причиной окончания эпохи царей в Риме? Как и вопрос: была ли Елена причиной войны между троянцами и ахейцами или эти причины были мощнее?

*Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотой подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;*

*Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»
Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!»*

Гомер. Илиада

Можно представить себе, что сюжет оформляется постепенно как связанная нить модели, на которую можно нанизать элементы этой модели.

ЗАМЕЧАНИЕ 3. Является ли увеличение подробностей признаком движения к достоверности? Уваров начинает свою статью о достоверности в истории с упоминания имени А.-Ф. Вильмена, за творчеством которого он следил. Вильмен был почти ровесником Уварова (на четыре года младше), стал почти в том же возрасте министром народного просвещения Франции, ушел в отставку по похожим причинам. Уваров обсуждает один из феноменов, на которые обращает внимание Вильмен. Это резко возросшее количество подробностей, которое сопровождает писателя, если он стремится к достоверности.

В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство. Глаз, привыкший всматриваться во все мелочи, утратил чувство общей гармонии. Картину разложили на линии и краски, симфонию на такты и ноты.

А.С. Хомяков

Тит Ливий излагает историю Тарквиния и Лукреции достаточно подробно. Но еще более детально излагает эту же легенду Дионисий Галикарнасский, современник Ливия. Дионисий пишет на греческом языке. Изложения местами настолько похожи, что кажется, будто оба черпают вдохновение из одного источника. Тем не менее различия есть, и скорее Ливий корректирует Дионисия, чем наоборот. Но в любом случае: является ли наличие правдоподобных подробностей признаком правдивости?

Конечно, какие-то из подробностей нам нужны. Например, Овидий пишет, что события происходили в период, когда праздновался Терминалий, и описывает смысл этого праздника и его названия. Но ни Дионисий, ни Ливий ничего об этом не говорят. Означает ли это, что они считают такое совпадение случайным, или означает, что по какой-то причине оба историка уведят читателя от этой аллегории? Впрочем, различия есть и другие. В частности, Овидий считает, что все произошло в шестой от конца месяца день, то есть 24 февраля – на следующий день после празднования Терминалий. Этим он объясняет и прозвище младшего сына царя, которого считает третьим сыном.

*Надо теперь рассказать об изгнание царя: по нему ведь
Назван шестой от конца месяца этого день.
Был последним царем над римским народом Тарквиний,*

*Несправедливым царем, мощным, однако, в бою.
Брал он одни города, другие вконец разорял он,
А чтобы Габии взять, не постыдился коварств.
Младший из трех сыновей, настоящий Гордого отпрыск,
Тихою ночью вошел в самую гуцу врагов.*

Но Дионисий Галикарнасский в своих «Римских древностях» указывает отчетливо на то, что Секст Тарквиний был старшим сыном (и, следовательно, первым претендентом на трон):

Пока Тарквиний терзался из-за происходившего и не мог снести, чтобы война была позорно прекращена, но не в силах был ее продолжать, изобретая всяческие планы и прибегая к уловкам разного рода, старший из его сыновей по имени Секст сообщил одному только отцу свой замысел.

Создается ощущение, что Секст – не слишком распространенное, но все-таки имя, которое не всегда соответствует числительному, как, например, имя Эрнест не всегда соответствует серьезности.

ЗАМЕЧАНИЕ 4. Каковы критерии истинности? Спасает ли истину время? Что приходит на смену преданиям и легендам? Если мы не можем себе представить, как выглядит истина, за которую должен бороться историк, то, быть может, знаем, каковы критерии истинности? Это правдоподобие (Нибур)? Единство (Ясперс)? Чувство гармонии (Хомяков)?

Но все эти замечательные критерии неопределенны и субъективны. И, кроме того, человеческое воображение не способно представить неожиданные кульбиты, проделываемые историей, кульбиты не слишком правдоподобные и гармоничные. Но, быть может, время расставит все по полочкам?

В Эрмитаже, в зале, соседнем к залу Рубенса, висит картина Теодора ван Тьюльдена «Время спасает истину». Аллегория понятная и общепринятая. Но вот на наших глазах происходят события, которые могут быть задокументированы, кажется, с абсолютной точностью. И что? Возникает ли у обычного «пользователя» ощущение, что после того, как время отфильтрует лишнее, наши потомки будут лучше понимать время, в которое мы живем сейчас? И то, что потомки назовут исторической истиной, таковой является на самом деле? Или не прав Уваров и история «все расставит по полочкам»?

*Новейший историк, подчиненный с самого начала закону строгого беспристрастия, не находит перед собой, для расспроса, других свидетелей, кроме пристрастных до нелепости; напрасно стал бы он искать какого-нибудь среднего выхода, какого-нибудь исторического *justemilieu*. Никакое соглашение невозможно между свидетельствами партий, тем более искренних, что они гордятся своим изуверством, и что заслуга их – одушевляющая их страсть.*

Но со времени истории Тарквиния и Лукреции прошло две с половиной тысячи лет. Спасло ли время истину? Во всяком случае, историки в один голос отрицают это.

Похоже, что критерии истины зависят от специфики нашего любопытства. В данном случае нас интересует фазовый переход, его причины и особенности. Причины «раздражения народа», на которые указывает Моммзен, быть может, и существовали, но в истории можно указать множество ситуаций, когда подобные причины присутствовали в гораздо более сильной форме, но это не приводило к революциям. Профессор Ковалев дает другие объяснения.

Насильственный характер переворота, в отличие, например, от Афин, где исчезновение патриархальной монархии носило постепенный характер, объясняется, быть может, тем, что последний царь принадлежал к этрусской знати. Поэтому его изгнание было делом рук римского (латино-сабинского) патрициата. Это было движением окрепшей италийской знати против этрусских элементов в римской общине.

Это, быть может, тоже сыграло свою роль. Национальная тема всегда присутствует в причинно-следственном спектре таких событий. Отчетливо выделена она и в либретто оперы Бриттена. Но ведь к семейству Тарквиниев принадлежал и Брут, который был сыном сестры царя Тарквиния. Да и этрусское происхождение самого царя сомнительно. Смущает и то, что знаменитый «капитолийский» бюст Брута считается шедевром именно этрусской культуры.

ЗАМЕЧАНИЕ 5. Скептицизм хронологический и скептицизм по отношению к авторству. Классический скептицизм – прежде всего хронологический. В России он начался со знаменитого диспута о «Слове о полку Игореве». Такие споры редко приводят к окончательному признанию победы одной из сторон, но бывают интересны в деталях и доводах. Жаль, что И.А. Гончаров не оставил нам описания этих деталей, вспоминая А. С. Пушкина с М.Т. Каченовским.

Но XVIII век был бы иным, если бы там появлялись произведения уровня «Слова». Что-то похожее можно сказать и об эпохе Возрождения, которую мы уважаем, но до золотого века римской литературы она не дотягивает, несмотря на присутствие там Данте и Петрарки. Нас интересует более всего одно событие этой эпохи, а именно – убийство Цезаря. Несомненно, это событие, как и последующая смута, происшедшее в то время, когда и Дионисий и Тит Ливий были в молодом, но уже вполне сознательном возрасте. И произошедшее не могло не придать событиям прошлого в их интерпретации мифологизированный оттенок.

Есть мнение, что в «Истории Рима» мы имеем три совершенно независимых сочинения разных авторов, причем написанных позже. Ну и что? *«Нет, собственно, ни одного настоящего литератора, который не предпочел бы двадцати неизданных стихов «Илиады», или одной новооткрытой страницы Тита Ливия всем критическим трудам, подрывающим существования поэта или подлинность историка»* (С.С. Уваров).

Скептицизм интересен и полезен, если он не только эмоционален, но и позволяет лучше разобраться в стиле и намерениях поэта. Но пока для нас *«Гомер все-таки Гомер, жил ли он, или нет, в самом деле; и мало нужды, представляет ли это слово целую школу, или обозначает лично автора «Илиады»»*.

ЗАМЕЧАНИЕ 6. Смена сакральных символов при фазовом переходе. В изложении Ливия исчезают боги, а с ними и сакральные символы. Прежде всего, это слово-символ «царь». Вместе с ним и другие. Интересно проследить за таким символом, как фасция. Наиболее распространенная версия – пучок розг, символизирующий карательную функцию государства. Тем более, вместе с секирой, торчащей из этого пучка. Эта версия не нова, она вызвала иронию редактора альманаха («Консерватор» 5, стр. 4), который процитировал несколько строк поэмы Ф. Петрарки «Африка», в частности, и такие:

*Первый розги для нас учредил первейший зиждитель
Нашей свободы: храня с великим рвением волю,
В муках добытую, собственных чад, пособников власти
Царской, велел он пытать лозою, а после секирой
Головы им отсечь – да будет бесскорбна свобода.*

Рассмотрим похожую ситуацию, чтобы понять, что происходит с символами. Есть выражение: «орел или решка». Через несколько сот лет, когда историки будут его интерпретировать, они также будут объяснять, что орел – знак государственности, а решка – тюремная решетка – обозначение распространенного в соответствующее время инструмента осуществления карательной функции государства.

Это кажется сомнительным? Посмотрим, что произошло со словом «решка». Его этимология забыта. Основная версия состоит в том, что за решетку принималось узорное переплетение царских инициалов. Это очень странно, тем более, что в Интернете, в Википедии среди дюжины решек не нашлось ни одной, подтверждающей эту версию. Зато много «ряшек», «рях». Многие слова, выходя из употребления, перед своим исчезновением приобретают высокопарный или уничижительный (или то и другое) оттенок. (Так произошло, например, со словами «алкать», «ланить», «зеница» и т.п.)

Процесс уничтожения символов происходит следующим образом. Сначала затирается, деформируется его первоначальное значение, смысл, который называется сакральным. Поскольку его этимология теряется в веках, она никогда не бывает прямолинейной и не поддается умозрительному истолкованию. Так произошло и с фасциями, которые стали считаться розгами. Отметим, что таким же сакральным символом являлся и праздник Терминалий.

С исчезновением старых появляются новые символы. Иногда и обновляются старые. С историей Лукреции связана знаменитая поговорка «клинок закаляется в крови женщины». Хотя похоже на то, что поговорка древнее истории и была стимулом к созданию легенды, а не наоборот.

ЗАМЕЧАНИЕ 7. Смена парадигмы. Новые сакральные символы. Новым символом стал сам Брут, который олицетворяет собой наступление новой фазы, и несколько характерных штрихов позволяют предположить, что историки (Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский) не столько старались реконструировать события (это было бы невозможно), сколько создавали модель.

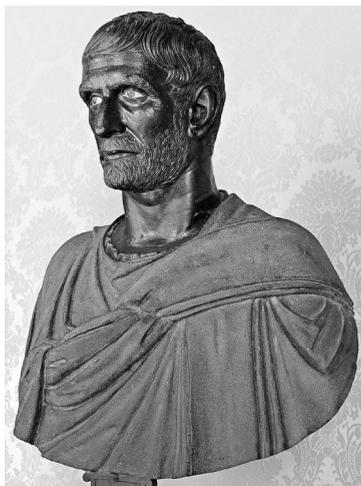
Характерные элементы этой модели:

1) Выскочка-Брут. До этого его никто всерьез не воспринимал. Хотя его социальное положение и не было «противоположным». Такими были, например, Оливер Кромвель и Робеспьер.

2) Брут сумел «поймать» настроение армии (это хорошо показано на полотне Боттичелли). После этого – уже и настроение народа. Далее он сыграл на эмоциональной «народной волне», как спортсмен на доске использует энергию прибрежной волны.

3) Появилось выражение «друг народа» (публикола). Им наградили Валерия Публия.

4) Казнь сыновей Брута знаменует появление понятия «революционный террор».

Луций Юний Брут. Капитолийский музей, Рим

Новым «сакральным» символом стало слово «республика». Лишь с очень большой натяжкой можно говорить о том, что власть при этом перешла к народу. Участвовавшие проявления недовольства народа, о которых пишут историки, показывают, что признавать это можно лишь весьма условно. «Сакральность» же этого слова заключается в том, что ради него совершаются действия, которые в обычной жизни казались бы невозможными.

Сакральность слова «республика», или «демократия», подтверждается и разного рода ритуальными заклинаниями типа «источником власти является народ», и ритуальными повторениями. Как мы в церкви говорим «свят, свят, свят», так и здесь принято повторять «народно-демократическая республика» (трижды) или «демократическое государство с республиканской формой правления». Собственно «народ» уже становится ниже этой священной коровы.

И скоро среди него с ужасающею быстротою стала распространяться нужда. Уже через какие-нибудь 15-20 лет после изгнания царей вспыхнуло в Риме народное волнение на почве борьбы бедных против богатых.

Теодор Моммзен. История Рима

ЗАМЕЧАНИЕ 8. **Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд (Данте, «Монархия»).** Мы признаем посылку, но направим дедукцию несколько по иному пути, нежели тот, что был избран Данте. В рассматриваемом сюжете раздор налицо. Тарквиний просит суд, но не получает его.

Прибыв в Рим, эти мужи заявили в сенате, что Тарквиний считает справедливым, чтобы он, получив гарантии безопасности, прибыл с немногими спутниками сначала, как это и должно, в сенат, затем, если на то будет согласие сената, и в народное собрание, чтобы дать отчет о всех деяниях, которые он совершил с тех пор, как принял на себя власть; и если кто-либо его обвинит, то он будет иметь в качестве судей всех римлян. А после того как он оправдается и убедит всех в том, что не сделал ничего, достойного изгнания, и что, если римляне вернут ему царство, он будет править на тех условиях, которые граждане сочтут справедливыми; а если они предпочтут, чтобы никто над ними не царствовал как прежде, но установят какую-либо иную форму правления, то он будет просить, чтобы, оставаясь в городе, – его отечестве, где он имел собственный дом, – он стал гражданином наравне с другими, покончив с изгнанием и скитанием. Обстоятельно изложив все это, они попросили, чтобы сенат, основываясь прежде всего на праве, существующем у всех людей, никого не лишал слова и судебного разбирательства, но предоставил человеку возможность оправдаться: ведь судьями будут они сами.

Дионисий. Римские древности

Данте в трактате «Монархия» как бы объясняет действия Брута, пытаясь построить оправдательную базу.

Кроме того, всякий, кто имеет в виду благо республики, имеет в виду цель права.

Поэтому хорошо говорит Туллий в первой Риторике: «Всегда законы должны быть толкуемы ко благу республики».

Если же законы не направлены ко благу тех, кто находится под законом, они законы лишь по имени, на деле же таковыми быть не могут.

Достаточно запутанная ситуация. Получается, что Тарквиний оказался вне закона. Однако Брут казнил не только своих сыновей по доносу, не дав им оправдаться, но и братьев своей жены. При этом «сев в судебное кресло» (то есть ни

о какой «независимости властей» нет и речи). При этом отстранив второго судью (Коллатина), который по договоренности должен был обладать равными правами. Каков же итог отмщения? Лукреция, над телом которой клялся Брут, погибла. Ее братья (двоюродные) казнены. («Сразу же после этого консулы, действуя с полным единодушием во всем, предали смерти всех участвовавших в заговоре». – Дионисий.) Семейство Коллатина было изгнано. Восторжествовала справедливость?

Но вернемся к самой посылке. Хочет этого историк или нет, но ему трудно оставаться беспристрастным. Уже то, что в причинно-следственном спектре он выделяет одну линию, является некоторой деформацией истины. Тем не менее, если он собирается дать негативную характеристику персонажу, то ему необходимо указать на оппонента как на защитника, как на человека, который по крайней мере указал бы на несоответствия и недостаточность в доказательствах вины. Но на стороне Тарквиния не видно ни одного защитника. И историки, признавая, что в предании о Лукреции нет ничего правдоподобного, тем не менее укрепляют нашу уверенность в злокозненности деяний Тарквиния. Заметим кстати, что мы не имеем двух независимых свидетельств того, что именно Тарквиний подослал убийц старика Сервия Туллия. Не имеем даже толком одного свидетельства того, что его супруга, дочь Туллия, была столь же коварной и жестокой.

Налицо опять «бродячий сюжет»: Марк Брут воспитывается Цезарем и мстит ему. Луций Брут воспитывается Тарквинием и мстит ему. Тарквиний воспитывается Туллием и мстит ему за убийство его отца Тарквиния Приска. Последний был приближенным Анка Марция и не по праву занял трон, который должен был бы принадлежать детям четвертого царя. И так далее. Достаточно трудно отыскать здесь справедливость. Историческую или юридическую.

ЗАМЕЧАНИЕ 9. «Брут в засаде». Все источники (особенно подробно пишет об этом Дионисий) сходятся на том, что Брут готовился к тому, чтобы «поймать случай». Одним из побудительных мотивов Брута была месть, но, видимо, не только это. Тема «втереться в доверие к тирану, чтобы при случае с ним покончить» – еще один из «бродячих сюжетов». Правда, каждый раз мы узнаем об этом лишь апостериори, чаще всего из уст самого персонажа.

Пример Брута должен научить всех недовольных государем взвесить и соразмерить свои силы прежде, чем начинать действовать. Если они так могущественны, что могут открыто объявить ему вражду и действовать прямо, то это, конечно, самое лучшее, безопасное и честное. Но если на открытую борьбу сил не хватает, надо всячески стараться войти к государю в милость; надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели; надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату. Такая близость к семье, во-первых, предохранит жизнь, а во-вторых, даст возможность, безопасно насладившись счастьем государя, достигнуть своей цели, низвергнув его при удобном случае.

Н.Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

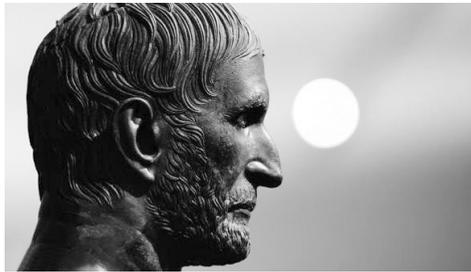
Нашему поколению эта модель известна по тем деятелям, которые, как выяснилось позже, «ходили во власть», чтобы ее разрушить изнутри. Одна из схем поведения состоит в том, чтобы не препятствовать тому, чтобы этот случай произошел. Другая – тихо противодействовать, как это делал Брут в сцене с «матерью-землей». «Брут в засаде» размножается стремительно, и в недалеком будущем нужно ожидать возросшее количество потомков Брута, которые страдали от несправедливостей Тарквиния.

Стало быть, надо притвориться дураком, подобно Бруту. Притворство это именно в том и состоит, чтобы хвалить, рассуждать, утверждать прямо противоположное тому, что думаешь, с целью подольститься к государю. Так мудро поступал этот великий человек, чтобы возвратить Риму свободу.

Н.Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

ЗАМЕЧАНИЕ 10. Имя Брут как эпоним. Плутарх о Бруте. «Дети Брута». Загадочным на первый взгляд выглядит вопрос о родственной связи между Луцием Юнием Брутом и его последователем (через полтысячелетия) Марком Юнием Брутом. Так много параллелей в обоих сюжетах, что мнение о том, что у Луция Брута был еще один сын – третий, представляется правдоподобным. Об этом пишет Плутарх в своих «Жизнеописаниях»:

Предком Марка Брута был Юний Брут, чье бронзовое изображение с мечом в руке древние римляне поставили на Капитолии среди статуй царей, ибо ему главным образом обязан Рим падением Тарквиниев.

Древний Брут и от природы нравом обладал твердым, как закаленный меч, и нимало не смягчил его изучением наук, так что ярость против тираннов довела его до убийства родных сыновей, тогда как тот Брут, о котором идет речь в нашей книге, усовершенствовал свой нрав тщательным воспитанием и философскими занятиями и с природными своими качествами – степенностью и сдержанностью – сумел сочетать благоприобретенное стремление к практической деятельности, приготовив наилучшую почву для восприятия всего истинно прекрасного. Вот почему даже враги, ненавидевшие его за убийство Цезаря, всё, что было в заговоре возвышенного и благородного, относили на счет Брута, а

всё подлое и низкое приписывали Кассию, родичу и другу Брута, но человеку не столь прямому и чистому духом. Мать Брута, Сервилия, возводила свое происхождение к Сервилию Ахале; когда Спурий Мелий, замышляя установить тираннию, начал возмущать народ, Сервилий спрятал под мышкой кинжал, вышел на форум и стал рядом с Мелием, точно желая что-то сказать, а когда тот наклонился к нему, нанес удар и уложил злоумышленника на месте. Эта сторона его родословной ни у кого сомнений не вызывает, что же касается отцовского рода, недоброжелатели Брута, гневавшиеся на него за убийство Цезаря, утверждают, будто, кроме имени, он ничего общего с Брутом, изгнанным Тарквиниев, не имеет, ибо, умертвив сыновей, тот Брут остался бездетным, и что дом убийцы Цезаря был плебейским, и к высшим должностям поднялся совсем недавно. Однако философ Посидоний говорит, что казнены были, – как у нас об этом и рассказывается, – лишь двое взрослых сыновей Брута, но оставался еще третий, совсем маленький, от которого и пошел весь род. По словам Посидония, в его время было несколько видных людей из этого дома, обнаруживавших явное сходство с тем изображением, которое стояло на Капитолии.

Но Плутарх писал свой текст более чем через сто лет после указанных событий и похоже на то, что он, пытаясь уйти от схемы и создать живой образ, на самом деле предлагает новую легенду, в которой не меньше выдумки, чем у Тита Ливия.

Но если мы представим себе, что современные историки правы и перед нами вымысел, искусно созданная почти мифологема, а имя Брут стало эпонимом, то есть именем нарицательным, то можно говорить о потомках Брута и в аллегорическом смысле.

Был ли, например, Наполеон одним из таких потомков Брута? Непохоже. Во всяком случае, Уваров так не думал.

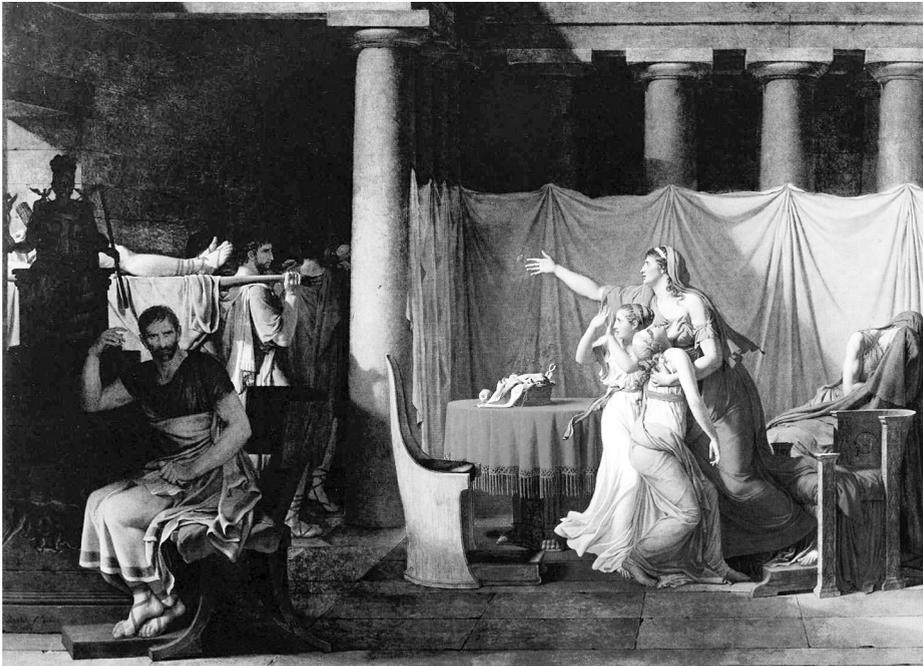
Посмотрите, что сделали из Наполеона. Из этого могучего, но упрямого, полудикого гения, из этого отъявленного врага революции, из этой резко очерченной мускулистой фигуры, из этого положительного и неуклонного ума сделали распространителя либеральных мыслей, провозвестника демократии, какое-то символическое лицо, миф, наконец, годный разве стать наряду с туманными призраками Оссиана.

Для Наполеона слово «республика» не было священной коровой. И он не карал ни своих детей, ни родственников. Хотя во времена Французской революции потомков Брута было достаточно. Характерно в этом смысле описание одного из таких потомков, сделанное Г.Гейне (в переводе Е. Баратынского помещенное в первом номере журнала «Европеец»).

Описывая картину Ораса Верне «Камилл Демулен в саду Пале Рояля», Гейне замечает второстепенную фигуру сюжета.

Сам Робеспьер заметен на картине изысканностью и щеголеватостью своего наряда; в самом деле наружность его всегда была вычищена и выглажена, как топор гильотины; но и внутренность его сердца была неподкупна, не своекорыстна, неумолима, как топор гильотины. Между тем неизменная его строгость была не бесчувственность, а твердость, но твердость, отвращающая сердце и с ужасом покоряющая рассудок. Робеспьер особенно любил Демулена, школьного своего товарища, и – велел его казнить, когда этот фанфарон свободы вздумал проповедовать опасную и безвременную слабость. Когда кровь Камилла текла на площади Гревской, слезы Максимилиана, вероятно, текли в уединенном его кабинете.

И эта вероятность – не просто одно предположение: недавно молодой Карно рассказывал мне, что Бурдон де Луаз, войдя однажды в комитет общественной безопасности, когда Робеспьер сидел там один, нашел его погруженного в кровавых своих актах и горько над ними плачущего.

Жак Луи Давид. Ликторы приносят Бруту тела его сыновей. 1789. Лувр

Был ли из брутов Павел Пестель? Наверное. Во всяком случае, ему хотелось им быть. Что ж, этот эпоним был в моде в России в его время.

ЗАМЕЧАНИЕ 11. Капитолийский бюст Брута. Нам незнакома бронзовая статуя Юния Брута, о которой пишет Плутарх, однако в музее на Капитолийском холме в Риме находится бюст, который специалисты называют портретом рим-

ского гражданина, не имея подлинных оснований уточнять имя. Тем не менее, в соответствии с устоявшейся традицией это изображение принято считать бюстом Брута. Какого из них?

Нижняя часть бюста с одеждой была создана в эпоху Возрождения, но верхняя – голова, по-видимому, и является частью той статуи, о которой пишет Плутарх. Во всяком случае, эта часть бронзы была вылита еще в эпоху республиканского Рима. Впрочем, опять же традиция, ссылаясь на Плутарха, говорит не только о схожести характеров, но и портретном сходстве.

Наполеон во время одной из своих итальянских кампаний вывез этот шедевр во Францию и поместил в Лувре. После падения императора бюст вернулся в Рим. Однако уже к этому времени было сделано множество копий. Одна из них помещена в зале Национального собрания. После этого бюст покидал Рим лишь однажды, в прошлом году, являясь центром экспозиции в Берлине под многозначительным названием: *«Капитолийский Брут: портрет творит мировую историю»*.

А теперь поговорим еще об одном сюжете этой мировой истории.

ЗАМЕЧАНИЕ 12. Портрет Брута кисти Г. Гейне. Перенесемся вновь во времени и пространстве и поговорим об очерке, появившемся в первых двух выпусках журнала «Европеец» в 1832 году. Очерк назывался *«Отрывки из письма Гейне о парижской картинной выставке 1831 года»*. Вольный перевод с немецкого был сделан (так считают специалисты) Е. Баратынским. Отметим, что помещение И.В. Киреевским в первом же номере своего журнала этого текста было в каком-то смысле политическим вызовом. В июле 1830 года во Франции происходит революция, полностью поддержанная поэтом. Это революция отозвалась в Пруссии и, с наибольшей силой, в Польше. Выпуск журнала формировался в то время, когда еще шло мучительное подавление польского восстания 1830-31 года. И Киреевский, проживший несколько лет в Германии, и, конечно, Баратынский, хорошо знавший немецкий, не могли, разумеется, не знать отношения к этим событиям Гейне, который, впрочем, не слишком-то и скрывал его. Вот пара характерных (сравнительно мягких) цитат из его предыдущих статей:

Если отечество – первое слово поляка, то его второе слово – свобода.

Русские – славный народ, и я рад уважать и любить их; но с тех пор, как пала Варшава, последний оплот, отделявший их от нас, они так приблизились к нам, что мне делается страшно.

Последний пассаж привязывается каким-то образом к имени французского художника Декампа (Александр Декан), который после этой выставки стал считаться художником-ориенталистом.

Хотя на выставке были представлены три тысячи работ, но более половины текста, помещенного в первом выпуске, составляет описание и обсуждение одной картины Декампа, понравившейся критику.

Турецкий Бей с пузом, как грецкая губка, сидит высоко на своей лошади, во всем величии глупого невежества; обидно грубая, закоснело бессмысленная рожка, покрытая белой чалмою; в руках орудие самовластных палочных ударов; подле него бегут пешком девять верных исполнителей его quand tême: услужливые твари, на тонких коротеньких ножках, почти со скотскими лицами, ко-

шачьими, обезьянскими, козлиными; один из них составляет мозаику из собачьей морды, свиных глаз, ослиных ушей, телячьей улыбки и заячьего страха. В руках несут они беззаботно оружие, пики, деревом вверх – тут же орудия заботливого правосудия, кол и связку бамбуковых палок.

Соответственно и заканчивается это описание:

Забыл я еще сказать, что на Декамповых картинах есть и женские лица: молодые гречанки сидят без покрывала под окошком и смотрят на смешной объезд. Их спокойствие, их красота нравятся своею противоположностью. Они не смеются, даже не улыбаются: это невежливое грубиянство верхом, – эта собачья покорность, бегающая вокруг – для них зрелище привычное, и это вполне переносит нас в отечество султанизма.

Только тот художник, который чувствует себя гражданином земли образованной, может весело живописать подобную картину. Краски всякого другого, вероятно, были бы резче, можно было бы подмешать какой-нибудь лазури или, по крайней мере, зеленой желчи, и тогда – прощай основной тон веселой насмешливости!

Быть может, все это могло повлиять на решение о закрытии «Европейца», но это не наша тема. Нас интересует не это, а портрет еще одного потомка Брута (и как похож на своего предка!). Гейне под конец останавливается у картины Поля Делароша «Кромвель у гроба английского короля Карла I». Эрмитаж

Поля Деларош. Кромвель у гроба английского короля Карла I. 1831. Эрмитаж

Лицо Кромвеля не изображает ни удивления, ни смущения, ни же другого душевного волнения; напротив, зритель поражен его необыкновенным, ужасающим, невыносимым спокойствием: вот стоит перед ним этот человек, твердый, совершенно земной, грубый как событие, сильный без преувеличения, чудесно обыкновенный, дьявольски естественный. Вне суда и закона и в то же время подчиняющий себя порядку законности, – он смотрит на дело, совершенное им, почти так же холодно, как дровосек на срубленное дерево.

Равнодушно ниспроверг он на землю этот величественный дуб, некогда покрывавший своими ветвями Англию и Шотландию; государства, под тенью которых цвели столько красивых человеческих поколений, в которых феи поэзии сплетали лучшие свои хоробы; спокойно ниспроверг он его ненавистным топором, и высокий дуб лежит на земле со всею прелестью лиственной сени своей и с нетронутой святынею своего венца.

Интересна формула, сочиненная, видимо, не столько Гейне, сколько Баратынским: *Вне суда и закона и в то же время подчиняющий себя порядку законности.* Красивая формула, своей бессмысленностью подчеркивающая бессмысленность отыскания исторической, юридической или человеческой справедливости в совершенном деянии.

Эффектно и заканчивает Гейне, сравнивая полотно Делароша с жанровой картиной Луи Робера, висящей неподалеку:

*На одной картине видим мы существо, которое глупо валяется в грязи и крови, целые века молчит бессмысленно и вяло, вдруг без постороннего содействия вспрыгивает с бешенством, неистово бушует, без разбора бьет встречного и поперечного; существо, известное под именем: **Всемирная История.** Другая картина представляет нам ту великую повесть, которая живет в простой хижине, может уместиться и на простой телеге; повесть без конца и начала, вечно повторяющуюся, обыкновенную, как море, как небо, как времена года; повесть священную, воспеваемую поэтами, скрытую в архивах каждого сердца: **Историю человека.***

ЗАМЕЧАНИЕ 13. Данте и его «Монархия». Как относился к Бруту Петрарка, мы видели. При всем том, что выдернутый из текста отрывок (перевод) воспринимается читателем как ирония, Петрарка не хотел достичь этого эффекта. Что же касается Данте и его трактата «Монархия», то приведем из нее несколько характерных цитат.

Итак, ясно, что все направленное на благо республики, направлено и на цель права. Следовательно, если римляне имели в виду благо республики, справедливо будет сказать, что они имели в виду и цель права. А то, что римский народ, подчиняя себе мир, имел в виду означенное благо, подтверждают его подвиги. Во всех них, отрешившись от всякой корысти, всегда являющейся противницей

республики, и возлюбив всеобщий мир вместе со свободой, этот святой народ, набожный и славный, явно пренебрегал собственными выгодами для того, чтобы послужить общему благоденствию рода человеческого.

Что касается отдельных лиц, о них я скажу подробнее. Неужели нельзя утверждать, что имели в виду общее благо те, кто потом, нищетой, изгнанием, потерей сыновей и увечьями, отдавая душу свою, пытались приумножить общее достояние? Разве Цинциннат не оставил нам святой пример того, как надлежит слагать с себя должность по истечении срока, коль скоро его сделали диктатором, оторвав от плуга, о чем повествует Ливий? И после победы, после триумфа, вернув скипетр консулам, он по доброй воле возвратился к сохе, чтобы обливаться потом, следуя за волами. Конечно, к его похвале Цицерон, рассуждая в книгах о целях благ против Эпикура, упомянуло нем в следующих словах: «Итак, и предки наши заставили одного Цинцинната бросить плуг, чтобы сделать его диктатором».

Разве Брут не научил первый предпочитать всему свободу отечества, жертвуя собственными сыновьями, жертвуя всеми прочими людьми? О нем Ливий говорит, что, будучи консулом, он предал смерти собственных сыновей, участвовавших в заговоре с врагами. Его слава воскресла в шестой книге нашего поэта, поющего о нем так: «...и сам сыновей, замысливших новые брани, К казни отец злополучный, свободы ради священной, Приговорил...»

В книге же «Об обязанностях» Цицерон говорил о Катоне: «Ведь в одном положении был Марк Катон, в другом прочие, которые в Африке сдались Цезарю; последним, может быть, и было бы поставлено в урек, если бы они покончили с собой, потому что жизнь их была более легкой, а нравы – более вольными. Но Катон, поскольку природа одарила его невероятной строгостью нравов и он закалял ее с постоянным упорством, всегда оставался при раз принятом мнении и решении; Катон предпочел умереть, чем смотреть в лицо тирану».

В «Божественной комедии» Данте поместил Луция Брута в одну компанию с Гомером, Сократом, Эвклидом и многими другими замечательными героями дохристианской эпохи:

*Я зрел Электру в сонме поколений,
Меж коих были Гектор, и Эней,
И хищноокий Цезарь, друг сражений.
Пентесилея и Камилла с ней
Сидели возле, и с отцом – Лавина;
Брут, первый консул, был в кругу теней;
Дочь Цезаря, супруга Коллатина,
И Гракхов мать, и та, чей муж Катон;
Поодаль я заметил Саладина.*

Данте. Ад. 4

Что касается Марка Брута, то его посмертная судьба плачевней. Визитом к нему заканчивается путешествие поэта по кругам Ада.

*Тот, наверху, страдающий всех хуже, –
Промолвил вождь, – Иуда Искарьот;
Внутрь головой и пятками наруже.
А эти – видишь – головой вперед:
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится – и губ не разомкнет!
Напротив – Кассий, телом коренастей.*

Данте. Ад. 34

*О том, чем был он [Цезарь – А.О.] в следующей длани,
Брут лает с Кассием в Аду, скорбят
Перузий с Мутиной, полны стенаний.*

Данте. Рай. 6

Но вернемся к «Монархии». Это сложное произведение, насколько сложным является само обсуждаемое понятие. Заметим, во-первых, что Данте и Макиавелли, стремясь к единоначалию, не ставят под сомнение республику. Монархия является способом управления, полностью противоположным анархии.

Во-вторых, в слове «империя» Данте выделяет собственно «управление». Власть должна управлять, а страна управляться. Эпитет «всемирная» эквивалентен эпитету «поднебесная» у китайцев.

Заметим также, что есть время разбрасывать камни, а есть время собирать камни. Во времена Данте наследственно монархическая система власти доминировала не только в Европе, как некоторая система власти, препятствующая раздроблению. Данте рассматривает монархию, как единственное средство, могущее остановить состояние перманентных междоусобных войн, терзающих Италию.

ЗАМЕЧАНИЕ 14. Мнение Макиавелли о Брутах. Свое мнение Макиавелли высказал в трактате «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Трактат почти полностью посвящен этому, и мы приведем лишь несколько цитат, подчеркивающих характерное для Макиавелли использование слов «свобода», «свободный строй» и т. п. Сначала кажется, что мнение Макиавелли совпадает с мнением Данте.

А что Ромул заслуживает извинения за убийство брата и товарища и что содеянное им было совершено во имя общего блага, а не ради удовлетворения личного тщеславия, доказывает, что сразу же вслед за этим он учредил Сенат, с которым советовался и в зависимости от мнения которого принимал свои решения. Всякий, кто посмотрит как следует, какую власть сохранил за собой Ромул, увидит, что она ограничивалась правом командовать войском, когда объявлялась война, и собирать Сенат. Это выяснилось позднее, когда в результате изгнания Тарквиниев Рим стал свободным. Тогда римлянами не было обновлено ни одно из древних учреждений, только вместо одного несменяемого Царя появи-

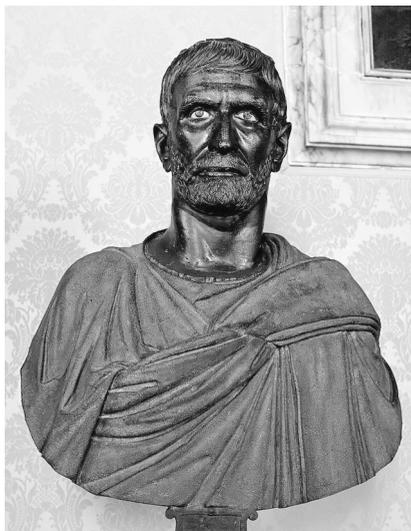
лось два избираемых ежегодно Консула; это доказывает, что все порядки, существовавшие в Риме прежде, более соответствовали гражданскому и свободному строю, нежели строю абсолютистскому и тираническому.

Но далее два великих итальянца уже резко расходятся во мнениях. Макиавелли намекает на то, как прославлял Данте Цезаря в своей «Комедии»:

И пусть никого не обманывает слава Цезаря, как бы сильно ни прославляли его писатели, ибо хваливших Цезаря либо соблазнила его счастливая судьба, либо устрашила продолжительность существования императорской власти, которая, сохраняя его имя, не допускала, чтобы писатели свободно о нем говорили. Однако если кому-нибудь захочется представить, что сказали бы о Цезаре нетесненные писатели, пусть почитает он, что пишут они о Катилине. Цезарь заслужил даже большего порицания; ведь больше надобно порицать того, кто причинил, а не того, кто хотел причинить зло. Пусть почитает он также, какие хвалы воздаются историками Бруту; поскольку могущество Цезаря не позволило им ругать его открыто, они прославляли его врага.

Итак, как было выше сказано, свободное, заново созданное государство приобретает партию врагов и не приобретает партии друзей. И если кто пожелает избавиться от такого рода неудобства и устранить неурядицы, которые несут с собой вышеозначенные трудности, то для него нет более действенного, более надежного, более верного, более необходимого средства, нежели убить сыновей Брута. Они, как свидетельствует история, были вместе с другими римскими юношами подвигнуты на заговор против родины только тем, что не могли пользоваться при консульской власти исключительными привилегиями, доступными им при власти царей. Таким образом, свобода всего римского народа обернулась для них, как им казалось, рабством. Кто берется направлять народные массы по пути свободы или по пути единодержавия и вместе с тем не предпринимает всего необходимого, чтобы обезопасить себя от врагов нового строя, создаст недолговечное государство.

Вот почему я почитаю несчастными тех государей, которые, дабы обезопасить свой строй, прибегают к крайним мерам, имея врагом своим народные массы; ибо имеющий своими врагами немногих может обезопасить себя легко и без большого скандала, имеющий же врагом весь народ не обезопасит себя никогда; чем к большим жестокостям будет он прибегать, тем слабее станет его самодержавный строй. Таким образом, лучшее средство для него – попытаться сделать народ своим другом.

Поскольку римский народ не был еще испорчен, когда он приобрел свободу, то он сумел сохранить ее после казни сыновей Брута и смерти Тарквиниев с помощью тех действий и порядков, о коих мы рассуждали в другом месте. Однако если бы народ этот был развращен, то ни в Риме, ни в какой другой стране не нашлось бы надежных средств для сохранения свободы.

ЗАМЕЧАНИЕ 15. Что думал о втором Бруте Пушкин.

Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие спасительной пользы самодержавия, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностью, – конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

А.С. Пушкин. Карамзин. 1826

*Давно ль – и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу –
Вот Кесарь – где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу.*

А.С. Пушкин. Недвижный страж дремал. 1824

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать

разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить, не исказить республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем.

А.С. Пушкин. Об образовании и народном воспитании. 1826

Впрочем, читатель лучше нас представляет себе сложность темы и необходимость комментирования каждой из цитат. Тем более, если речь пошла бы о цитатах более поздних. Но мы здесь остановимся.

ЗАМЕЧАНИЕ 16. Наука лакедемонян. Двойка как число философское. Философские проблемы, если они не имеют гриф «для служебного пользования», обладают характерной особенностью. Они о том, что «перед нами», что не спрятано далеко в тайники природы. Среди них выделяются две «смежные» и немного похожие. Первая проблема: кто и каким образом управляет нашим мышлением? Вторая: как, каким образом происходит управление обществом? Какими свойствами обладают в обоих случаях процессы управления? Во втором случае казалось бы ситуация еще проще – современное действие происходит перед нами, возможность наблюдения представляется достаточной, история доставляет нам множество экспериментальных данных, возможность исследования которых ничем не ограничивается. И, тем не менее, судя по происходящему, положительного результата не видно.

Представляется, что сложность уже в том, что ученые не осмеливаются признать ее реально сложной, тем более «вечной».

Прежде всего, поскольку многие взирают на названия вещей и под их влиянием одобряют нечто вредное, а полезного избегают, среди какого и оказалась монархия, я советую вам поменять название государственного строя, и тех, в чьих руках будет верховная власть, надо называть уже не царями и не монархами, но дать им какое-нибудь более скромное и мягкое наименование. Затем – не делать волю одного властительницы надо всем, но предоставить царскую власть двум мужам, как, я знаю, поступают лакедемоняне вот уже многие поколения и благодаря такому способу государственного управления живут в справедливости и благоденствуют в гораздо большей степени, нежели все прочие эллины.

Дионисий

Римляне в лице Луция Брута создают свою систему управления, причем создают «по образцу». Примерно так же, как мы четверть века назад создавали систему власти по образцу государств, которые, по нашему мнению «живут в справедливости и благоденствуют».

Консулов два. «Тройка», как показывает опыт, неустойчива и приводит к тому, что из нее выделяется один, на котором и сосредоточивается власть, как это и было во Франции в 1799 году. «Двойка» в этом смысле более устойчивое и интересное число. Какая то «дипольная функция» есть, по-видимому, в разделении нашего мозга на два полушария, а нашей планеты на «Запад» и «Восток». В многопартийных странах обычно выделяются две партии, которые перехватывают друг у друга власть, как человек перекидывает из одной руки в другую горячий уголек. Однако в данном случае мы говорим не о двух партиях, а о двух «равных» вождях. Долговременная устойчивость такой системы представляется несколько сомнительной.

Вот почему в виде поговорки применяется злое пожелание: «Пусть у тебя в доме будет тебе равный».

Данте. Монархия

Другая особенность, предложенной Брутом системы власти – царь для ритуалов и жертвоприношений. Это похоже на роль президентов современных Германии или Италии или королей Швеции или Испании. Некоторую дополнительную устойчивость и авторитет действующей власти они придают.

Так как было ясно, что цари делали много доброго и значительного для государства, консулы, пожелав, чтобы наименование должности сохранялось во все время существования города, приказали понтификам и авгурам определить наиболее достойного из старейшин, дабы тот, называясь царем жертвоприношений, не исполнял никаких других обязанностей, кроме культовых, и не занимал никаких военных и политических должностей. И первым таким царем жертвоприношений был поставлен Маний Папирий, из патрициев, муж, склонный к уединению.

Дионисий

Кроме того, был назначен «междущарь», роль которого не слишком понятна. Первым «междущарем» был выбран «Спурий Лукреций, отец убившей себя женщины». Не слишком понятно и то, как предполагалось осуществлять контроль «силовых структур». Дионисий пишет:

... консулы, опасаясь, как мне кажется, чтобы у многих римлян не возникло несправедливое мнение о новой власти: будто городом правят сразу два царя вместо одного, ибо каждый из консулов, как прежде и цари, имеет по двенадцать секиров, – решили освободить римлян от страха и уменьшить недоверие к власти. Они постановили нести перед одним из консулов двенадцать секиров, а перед другим – лишь фасции и, как рассказывают некоторые, булавы, которые держали двенадцать ликторов, и каждый месяц производить передачу секир друг другу, чтобы распоряжаться ими попеременно.

Есть множество других интересных особенностей, смысл которых во многих случаях теряется из-за отсутствия подробностей и возможностей сравнения, но о них лучше прочитать у самого Дионисия.

ЗАМЕЧАНИЕ 17. Является ли история наукой? Данте, конечно, почитает слово «наука».

Таким образом, как бы ни понимать стремление к науке, будь то в общем или в частном смысле, оно есть стремление к совершенству, ибо наука обладает совершенством совершенным и благородным и от стремления к ней своего совершенства не теряет, как теряют его проклятые богатства.

Данте. Пир

Это уважение не только «от противного» (от противопоставления науки богатству), но вполне самостоятельно и проявляется и в постоянном обращении к Аристотелю, и в том перечислении имен, которое поэт дает в четвертой песне «Ада».

Не только благодаря Данте, но и из-за многочисленных собственных достоинств слово «наука» стало столь авторитетным, что и музы, и ремесла, да и просто любая система взглядов на вещи хотят называться «науками». Хорошо, пусть называются. Но нас сейчас интересует, нужно ли, чтобы и история называлась наукой.

При всем уважении к Данте, отметим, что, в отличие от Муз, наука не является живым существом, рожденным богами. История же – Муза, причем своен-

равная. Первоначально она была беспристрастной, пока ее не поразила стрелой Амур по велению рассердившейся Афродиты. Влюбившись в Пиера, она родила красивого сына – Гиацинта, который, однако, жил недолго. С тех пор она уже не может считаться беспристрастной. Но, быть может, и не надо?

История должна быть красивой – в этом проявляется уважение к Создателю. Вряд ли простое перечисление магистратур и имен консулов и квесторов могло бы породить шедевры Рубенса или Шекспира. Впрочем, красота – понятие еще более неопределенное и субъективное, чем гармония, правдоподобие или единство.

Все живое нуждается в известной окружающей его атмосфере, в таинственной пелене тумана. Если мы отнимем у него эту оболочку, если мы заставим какую-нибудь религию, какое-нибудь искусство, какого-нибудь гения кружить в пространстве, подобно созвездию без атмосферы, то нам не следует удивляться их быстрому увяданию, засыханию и бесплодию <...>

Но каждый народ, даже каждый человек, который стремится сделать зрелым, нуждается в подобном обволакивающем его безумии, в подобном предохранительном и закутывающем облаке; теперь же вообще ненавидят созерцание, так как чтут историю больше жизни. Теперь даже ликуют по поводу того, что «наука начинает господствовать над жизнью»: нет ничего невозможного в том, что этого удастся достигнуть, но не подлежит сомнению, что такая покоренная жизнь не имеет большой ценности, потому что она в значительно меньшей мере является жизнью и в значительно меньшей степени обеспечивает жизнь в будущем, чем прежняя, управляемая не знанием, но инстинктами и могучими иллюзиями.

Ф. Ницше. О пользе и вреде истории для жизни

*Микеланджело. Брут
1539-1540.
Национальный музей. Флоренция, Италия*

А.В. Осипов

Имеет ли отношение Данте к уваровской триаде?

ЧАСТЬ II. САМОДЕРЖАВИЕ

Главы 0-6

Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий – дома ли, на войне ли – обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах.

Пит Ливий. История Рима от основания города

Глава 0. Введение

Дух самодержавия

В череде понятий, указывающих на те или иные общности людей, одно выделяется своей простотой и одновременно туманностью, расплывчатостью. Мы говорим «народ мой» или «единый народ» или «разброд и шатание в народе». «О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?» – восклицает поэт, и употребляемое слово «народ» невозможно заменить никаким другим, обозначающим «историческую общность людей». Вложенная в это понятие мера неопределенности не дает возможности втиснуть его в желаемую иерархию, ввести упорядочение по включению – семья, племя, род... или по эволюционным признакам. Одна из возможностей выхода из этого положения состоит в том, чтобы вывести слово из «научного обращения», отдав на откуп поэтам и богословам. Тем не менее, слово это существует, и, соглашаясь признать его «ненаучным», мы все-таки пытаемся вслед за Данте проследить за тремя «народообразующими» категориями: «язык», «власть», «религия».

Первая лекция небольшого цикла, посвященная одной из указанных категорий, была опубликована в третьем номере альманаха («Конфуций и другие о вечерней заре и духах», Консерватор N 3, СПб, 2008). Точнее говоря, обозначенной темой лекции являлось понятие «народность», однако общий разговор о народности достаточно быстро (как это часто и бывает) перешел в разговор о языке.

Тема эта трудна по нескольким причинам. Одна из них состоит в том, что, в отличие от многих важных терминов и понятий, «народность» является «духом», то есть тем понятием, которое принципиально не может быть сделано отчетливым, которое существует не само по себе, а лишь характеризует «квантовое состояние» системы. Какой системы? Той, к которой мы применяем это понятие, – язык, литература, война или культура. В зависимости от той системы, к которой понятие применяется, это применение имеет свои правила, выработанные временем и традициями.

Как дух мы рассматриваем и вторую компоненту триады. Выражение «дух самодержавия» звучит более непривычно, чем «самодержавие духа», тем не менее мы предполагаем обсуждение именно этого понятия. Заметим, что оно не противоречит второму варианту.

Забираясь по каменистым тропам на вершины знаний, мы остаемся в надежде, что это знание даст нам ощущение свободы. Пока не сталкиваемся с тем, что камни под нами шатаются. Был бы хоть один неподвижный, хоть одна точка опоры – на этой точке мы бы построили замечательный храм науки, науки о человеке, о государстве и государственном управлении и о счастливом народе, живущем в счастливом федеративном мире. Но мы начинаем понимать, что ничего не понимаем. Нервно хватаемся за каждую соломинку: следим, как понятия связываются в отношения между собой, как они «работают» у других ученых, и стараемся подражать. Стремимся влиться в научный поток, который нас несет в научно обоснованное будущее.

При обилии политологических исследований мы строим государственную систему, откровенно подражая. Выбрали президентскую форму правления как в

Соединенных Штатах. Выбрали даже вице-президента. А потом: раз – и отменили такую должность. Как бы выглядели пассажиры автобуса, если бы шофер после неприятностей с мотором открыл бы капот, достал бы какую-нибудь деталь, какой-нибудь маслопроводный шланг, просто выбросил бы его в канаву и ехал бы дальше. Так какая же власть считается «разумно построенной»?

Все зацепки шатаются, тем не менее мы цепляемся. И чаще всего, по видимому, за этимологию слов, то есть пытаемся понять, что же означает «истинное» или «первоначальное» значение слова. Например, слова «власть».

Есть этимология чисто лингвистическая, есть этимология созвучия, есть этимология распространения. Если мы рассмотрим переводы слова «власть» на разные языки, включая не слишком распространенные, а затем вновь переведем на русский, то получим достаточно широкий спектр: «влияние», «авторитет», «сила», «мощь», «управление», «то, что наверху» и т.д.

Есть и «наивные» смысловые оттенки, то есть тот смысл, который вкладывается «народом» «по созвучию». Этот подход наименее «научен», однако он имеет место. Используя право на такую точку зрения, мы трактуем понятие «самодержавное государство» как то, что «само держится», а самодержавную форму правления как ту, которая позволяет осуществлять жизнь государства как единого целого, причем осуществлять «автономно». Отсюда, быть может, лишь оттенок, но оттенок существенный, слова «автократия».

Поскольку жизнь государств отсчитывается войнами и их силу, могущество принято определять, в первую очередь, успехами именно на этом поприще, то и «самодержавность» определяется в значительной степени этим фактором. Тем, может ли государство самостоятельно вести войну или оно вынуждено прибегать к услугам наемников. Должно ли оно в случае военных действий закупать полностью или частично вооружение или располагает собственным. Может ли оно обеспечивать развитие промышленности. Разумеется, эти принципы претворяются настолько, насколько силен и влиятелен «дух самодержавия».

Государство «самодержавное» есть государство «единое». Единое самодержавное государство мы называем монархией. Можно использовать также выражения «светская монархия» или «империя». Мы рассматриваем указанные термины как синонимы, указывающие на одно и то же понятие. Еще раз подчеркнем, что мы говорим о духах, и это, быть может, объясняет тот факт, что при обильном научном сопровождении этой темы со стороны историков, социологов, философов и публицистов мы обращаемся за помощью все-таки к поэтам.

Феодализм внутри нас

... ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому же рассказ о первоначальных и близких к ним временах, не сомневаюсь, доставит немного удовольствия большинству читателей – они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя.

Тит Ливий. История Рима от основания города

Непонимание друг друга есть характерная и привычная вещь для нашей общественной жизни. Феодализм есть состояние нашей души. Ни внешний сепаратизм, ни лоскутки, на которые разрывается финансовое одеяло, ни различные языки не являются причинами, но суть следствия того состояния, которое можно было бы назвать «временем года» или «погодой» и изменение которого, как представляется, от нас не зависит.

Политическим обозревателям кажется (или они просто делают вид), что они следят за состоянием общественной жизни, политической конъюнктурой или чем-то подобным. Программы партий, динамика, мажоритарная система, рейтинг, администрация президента, популистские заявления – обилие слов-имитантов означает утрату зрения и предвещает обман.

*Теперь в любом владенье княжьем
Хозяиничает новый род.
Властителям мы рук не свяжем,
Другим раздавши столько льгот.
Из партий, как бы их ни звали,
Опоры мы не создадим.
Нам так же чужды их печали,
Как мы и наши нужды им.*

Гете. Фауст

Это впечатление отстраненной от естественности политической деятельности усугубляется условными обозначениями политических партий и «течений». «Левые», «правые» меняются местами и признаками со скоростью, не позволяющей уследить не то что за смыслом, а и за тем, может ли быть вообще в этих обозначениях какой-либо смысл, кроме сиюминутного «шибалета».

*Не мы хотели, чтобы христиан
Преемник наш пристрастною рукою
Делил на правый и на левый стан;
Ни чтоб ключи, полученные мною,
Могли гербом на ратном стяге стать,
Который на крещеных поднят к бою;
Ни чтобы образ мой скреплял печать
Для льготных грамот, покупных и лживых,
Меня краснеть неволя и пылать!
В одежде пастырей – волков грызливых
На всех лугах мы видим средь ягнят.
О божий суд, восстань на нечестивых!*

Данте. Рай. XXVII

Вряд ли возможно понять, какой партии принадлежал Данте – к гвельфам или гибеллинам. Впрочем, по отношению к Данте такой проблемы, быть может, и не существует – Данте мы поместим в отдельный зал. Да и Пушкина мы переманиваем из гибеллинов в гвельфы и наоборот уже полтора года. И Пушкин не вписывается в классификацию. Хорошо. Написано, что отец Данте принадлежал партии белых гвельфов. Почему, какие признаки, кроме констатированного кем-то и зафиксированного где-то факта? А Макиавелли?

Впрочем, если мы возьмем Петрова с Сидоровым и, отодвинувшись во времени и пространстве, попробуем определить, какой из партий они принадлежат, то тоже вряд ли добьемся успеха. Выслушав последнее выступление Сидорова, скажем, что это была речь настоящего гвельфа. Прочитаем то, что Сидоров писал некоторое время назад – конечно, гибеллин. Святее Папы римского. Гибеллин из гибеллинов.

Трудно сказать, каковы признаки партий, крутящихся в смутном политическом водовороте итальянского Возрождения. Да и нужно ли это знать? Но признаки времени более существенны. Одним из них является «висячий замок» – обозначение тюремного комплекса, преследующего нас в наказание за издевательства над многострадальным словом «свобода». Металлические решетки, двери с кодом, закрытый дворик, высокие заборы, бронированные автомобили, толпы охранников – это уже не просто привычка, а наша цель, мечта и наша суть.

*Кому теперь какое дело,
Ты гвельф, или ты гибеллин?
Своя рубашка ближе к телу,
Все за себя, всяк господин.
У всех желанье стать богаче,
На всех дверях замок висячий,
Но пусто в нашем сундуке.*

Гете. Фауст

Другим «признаком времени» является красочность политического поля. Петров был гибеллином черным, стал гвельфом оранжевым. Тот голубым. Какие признаки? Да и интересуют ли меня эти признаки? Честно говоря, по прошествии времени все цвета смешиваются и превращаются в один грязный фон.

*Я всматривался в лица их кругом,
В которые огонь вонзает жала;
Но вид их мне казался незнаком.
У каждого на грудь мошна висала,
Имевшая особый знак и цвет,
И очи им как будто услаждала.
Так, на одном я увидал кисет,
Где в желтом поле был рисунок синий,
Подобный льву, вздыбившему хребет.
А на другом из мучимых пустыней
Мешочек был, подобно крови, ал
И с белою, как молоко, гусыней.
Один, чей белый кошелек являл
Свинью, чреватую и голубую,
Сказал мне: «Ты зачем сюда попал?
Ступай себе, раз носишь плоть живую...»*

Данте. Ад. XVII

Интерпретация символики, сопровождающей дантовский стих, символики цветов, животных, родовых и городских гербов, характерной для Средневековья нас сейчас не слишком интересует.

Красочный политический водоворот похож на поток болельщиков, вытекающий со стадиона. Баннеры, файеры, рупели. Флажки, рожки, шарфики. Одни разукрашены в бело-голубой, другие в красно-зеленый. «Динамо» – «Спартак». Попадешь в среду синего цвета и кажется, что нет лучше команды чем «Динамо». «Динамо» – чемпион. «Динамо» – лучше всех. Попадешь в среду красных с белой полосой и уже кажется, что чемпион все-таки «Спартак». Демиурга сменяет демагог и, удачно вписавшись в водоворот политических страстей, становится главным персонажем политической жизни.

Толпа слепа, и ловок демагог.

Народ пошел, куда понес поток.

Гете. Фауст

Глава 1. Портрет поэта

Много ли мы знаем о жизни и о характере Данте? Начнем с того, что такие произведения, как «Божественная комедия», требуют долгого уединения. Уединение порождает домыслы о жизни поэта и его характере. Вокруг имени Данте формируется некая структура из фактов, мнений и предположений. Эта структура и называется «жизнь Данте», преподнесенная потомкам.

Первая биография поэта была написана его ровесником (моложе поэта на несколько лет), флорентийцем Джованни Виллани, как одна из глав «Новой хроники или истории Флоренции». Чуть позже Джованни Боккаччо написал не столько биографию поэта, сколько его апологию, небольшой сборник мнений и легенд о жизни великого земляка. Сравнительно обстоятельная биография появилась на свет спустя сто лет. Ее автором был Леонардо Бруни.

Но портретов Данте гораздо больше. Один из них помещен в недавно (2001 г.) вышедшем под редакцией Петра Баренбойма сборнике статей «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века», в статье самого редактора, которая называется «Конституционные уроки Флоренции и Макиавелли для России первой декады XXI столетия».

Не слишком хорошо известно, что создатель современного итальянского языка и великий поэт Данте Алигьери был прямым потомком римских поселенцев времен Суллы, человеком беззаветной храбрости, сражавшимся в первых рядах флорентийской кавалерии, книжником, читавшим на улицах среди карнавалов, песен и танцев. Но главное здесь для нас, что он был убежденным сторонником конституционной утопии монархического толка, которую он пытался претворить в жизнь, поддерживая вторжение иностранного монарха Генриха VII в Италию.

П.Д. Баренбойм. Конституционные уроки ...

Здесь уместно сделать несколько замечаний.

ЗАМЕЧАНИЕ ПЕРВОЕ. Как рыба, которая чувствует себя в воде «как рыба в воде», не является создателем этой воды, так и Данте не был «создателем со-

временного итальянского языка». Лазаря Марковича Заменгофа можно назвать создателем искусственного языка Эсперанто, но, например, аналогичный тезис о том, что Пушкин был создателем современного литературного русского языка является сомнительным комплиментом, хотя и остается в инструментарии литературоведов до сих пор. Впрочем, мы еще поговорим об этом чуть позже.

ЗАМЕЧАНИЕ ВТОРОЕ. Про книжника, читавшего на улицах. А. К. Дживелегов, приводя этот эпизод в своей книге «Данте Алигьери», снабжает его следующим комментарием:

Этот образ, конечно, результат преломления настоящей фигуры Данте в умах и воображении современников. И в нем черта фольклора. Фольклор ведь очень скоро после смерти поэта завладел им и стал пристегивать к нему анекдоты, как старые, позаимствованные из античных сборников, так и новые, в которых, быть может, была некоторая крупица фактического материала: как он разбросал инструменты у кузнеца, перевиравшего его стихи; как он назвал «слоном» какого-то докучавшего ему почитателя; как он срезал, и не раз, Кан Гранде, подишутившего над ним; как издевался то над тем, то над другим; как на шутки отвечал злыми сарказмами. Этих анекдотов ходило много по Италии, и уже поздно, в середине XV века, Поджо Браччолини занес многие из них в свои «Фацетии».

ЗАМЕЧАНИЕ ТРЕТЬЕ. По поводу «беззаветной храбрости». Речь идет, по видимому, об участии поэта в кровавом сражении 1289 года в тосканской долине Арно с жителями города Ареццо. Франц Вегеле говорит о 1200 убитых и двух тысячах пленных.

23 июня победители совершили свой торжественный въезд во Флоренцию. Духовенство вышло им на встречу торжественною процессиею, ликующий народ встретил их с развевающимися знаменами и цеховыми знаками, главнокомандующий и городской podeste были внесены рыцарями в город под балдахинами из богатейших тканей. Так жили в то время: архиепископ флорентийский благословил победу, одержанную над епископом города Ареццо, оставшимся мертвым на поле сражения.

Ф. Вегеле. Данте Алигьери

Вот что пишет об этом эпизоде Дживелегов.

Уже наступил 1289 год, богатый внешними и внутренними событиями в жизни Данте. В Тоскане собирали силы гибеллины, осмелевшие после неудач анжуйцев на юге: Карл I умер в 1284 году и венец его оказался тяжел для его сына. Ареццо – старое гибеллинское гнездо, полное «шавок, злобных не по росту» (Чист., XIV), вздумало, подстрекаемое гибеллинскими эмигрантами, задирать флорентийского льва. Вспыхнула война. Флоренция призвала своих граждан под знамена, и Данте надел вместе с другими шлем и панцирь. Он вступил в отряд из 150 конников, набранный Вьери деи Черки среди буржуазии своего квартала, готовившийся первым напасть на неприятеля и первым принять его удар. Об этом походе и участии в нем Данте рассказано гуманистом Леонардо Бруни в итальянской биографии поэта по письму Данте, до нас не дошедшему:

«В этом сражении, великом и славном, при Кампальдино он, молодой еще и пользовавшийся уважением, принял участие, храбро сражаясь верхом в передо-

вом отряде, и подвергался огромной опасности. Ибо первыми столкнулись конные отряды, и аретинцы с такой стремительностью напали на флорентийцев, что сразу их опрокинули, и они, разбитые и рассеянные, должны были бежать к пехоте. Это поражение было причиной, что аретинцы проиграли сражение. Ибо их конница, в пылу победы преследуя бежавшего неприятеля, далеко оставила позади свою пехоту. Поэтому уже в этот день им ни разу не пришлось сражаться вместе: конница билась одна без помощи пехоты, пехота – одна без помощи конницы. А флорентийцы – наоборот: так как конница в бегстве соединилась с пехотой, то обе части оказались вместе и без труда разбили сначала конницу противника, потом пехоту».

Бой был решен находившимся в засаде отрядом Корсо Донати. Он напал на аретинцев с фланга и спас таким образом будущего своего заклятого врага Вьери деи Черки и свою будущую жертву Данте Алигьери.

Флорентийцы попробовали овладеть Ареццо, но тщетно. Им пришлось удовлетвориться тем, что они заставили сдать замок Капрону, недавно захваченный аретинцами. В этой осаде участвовал Данте, прославившийся еще раз после Кампальдино.

А.К. Дживелегов. Данте Алигьери. Жизнь и творчество

Загадочное и потерянное письмо Данте, быть может, и говорит о беззаветной храбрости сражавшегося в первых рядах героя, но вот вопрос: сам поэт позже стал бы с гордостью вспоминать о своей храбрости? Большая честь разгромить соседей по коммунальной квартире? Или речь идет о войне мышей и лягушек? Или о постоянной вражде между кистами и хевсурами? И причина изгнания Данте та же, что и причина ухода Алуды Кетелаури, а это причина требует уже не простой «беззаветной храбрости», а мужества.

Если уж мы относим к жителям Ареццо строки, написанные позже (*Ареццо – старое гибеллинское гнездо, полное «шавок, злобных не по росту»*), то неплохо было бы вспомнить и отношение поэта к остальным жителям долины реки Арно.

*И я: «В Тоскане речка есть одна;
Сбегая с Фальтероны, вьется смело
И сотой милей не утолена.
С тех берегов принес я это тело;
Сказать мое вам имя – смысла нет,
Оно еще не много прозвенело».*
*И вопрошавший: «Если в твой ответ
Суждение мое проникнуть властно,
Ты говоришь об Арно». А сосед
Ему сказал: «Должно быть, не напрасно
Названья этой речки он избег,
Как будто до того оно ужасно».*
*И тот: «Что думал этот человек,
Не ведаю; но по заслугам надо,
Чтоб это имя сгнуло навек!*

*Вдоль всей реки, оттуда, где громада
Хребта, с которым разлучен Пелор,
Едва ль не толще остального ряда,
Дотуда, где опять в морской простор
Спешит вернуться то, что небо сушит,
А реки снова устремляют с гор,
Все доброе, как змея, каждый душит;
Места ли эти под наитьем зла,
Или дурной обычай правду рушит,
Но жалкая долина привела
Людей к такой утрате их природы,
Как если бы Цирцея их пасла.*

*Сперва среди дрянной свиной породы,
Что только желудей не жрет пока,
Она струит свои скупые воды;
Затем к дворняжкам держит путь река,
Задорным без какого-либо права,
И нос от них воротит свысока.
Спадая вниз и ширясь величаво,
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.*

*И, наконец, меж темных омутов,
Она к таким лисицам попадает,
Что и хитрец пред ними бестолков.
К чему молчать? Пусть всякий мне внимает!
И этому полезно знать вперед
О том, что мне правдивый дух внушает.
Я вижу, как племянник твой идет
Охотой на волков и как их травит
На побережьях этих злобных вод.
Живое мясо на продажу ставит;
Как старый скот, ведет их на зарез;
Возглавит многих и себя бесславит.
Сыт кровью, покидает скорбный лес
Таким, чтоб он в былой красе и силе
Еще тысячелетье не воскрес».*

Данте. Чистилище. XIV

Аллегии Данте заимствует из знаменитого трактата уважаемого им Боэция. *Томится ли жаждой чужого богатства алчный грабитель? – Скажешь, что он подобен волку в своей злобе и ненасытности. Нагло нарывается на ссору? – Сравнишь с собакой.*

Замышляет втайне худое, злорадствует незаметно для других? – Подобен лисице. Бушует в неукротимом гневе? – Думаю, что уподобился льву.

Труслив и бежит от того, чего не следует бояться? – Похож на оленя. Прозябает в нерадивости и тупости? – Живет, как осел. Кто легко и беспечно меняет желания? – Ничем не отличается от птицы.

Кто погружен в грязные и суетные страсти? – Пал в своих стремлениях до уровня свиньи.

Итак, все они, лишившись добрых нравов, теряют человеческую сущность, вследствие чего не могут приобщиться к Богу, и превращаются в скотов.

Бозций. Утешение философией

ЗАМЕЧАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. У каждого человека пара родителей, у каждого из пары еще пара. Можно предположить, что за столетие появляются четыре поколения и, следовательно, у каждого человека шестнадцать «столетних» предков. Далее это число увеличивается, удваиваясь, столь быстро, что за полтора тысячелетия оно достигло бы «числа шахматной доски». Поэтому достаточно глубокие родословные деревья, как правило, бессмысленны, если не показывают какие-то характерные особенности, на которые хотел бы указать составитель.

В ряде случаев строится линейная родословная: чаще всего по мужской линии, если хотят подчеркнуть, например, царское происхождение или происхождение фамилии. Но родословная Данте учитывала и женскую линию, судя по истории его прозвища.

Кто из биографов Данте указал на то, «великий поэт Данте Алигьери был прямым потомком римских поселенцев времен Суллы», я не знаю. Не знаю, и то, какую цель преследовал этот человек. Поскольку между Данте и Суллой разрыв в полторы тысячи лет, выделение этого сюжета само по себе является странным и любопытным моментом.

«Римские поселенцы времен Суллы» – это те, кто получал дома граждан Рима, попавших в проскрипционные списки. Причина, по которой выделяется именно эта особенность, предполагаемая, видимо, генетической, не слишком понятна.

ЗАМЕЧАНИЕ ПЯТОЕ. Как правило, поддержка иностранного монарха приравнивается к предательству. А какую еще эмоциональную оценку можно почувствовать, читая о «поддержке вторжения иностранного монарха»?

Был ли Генрих VII монархом? Могла ли Италия стать монархией? Обладал ли Генрих не просто возможностями, а «сакральными» данными? Мнения историков различны в зависимости от их желания увидеть события с нужной точки зрения. Но можно ли считать Генриха «иностранным», если он был коронован в Милане в 1211 году железной короной итальянских королей? До этого он был германским королем и королем Священной Римской империи. После этого он короновался в Риме.

Всегда ли иностранный монарх это плохо? Плохо жила Флоренция при Карле Великом? Иностранцами монархами были Екатерина Великая и Екатерина Медичи. Родоначальником династии был иностранный маршал Бернадот. Королем Неаполя стал другой маршал – Мюрат. Выходом на сцену иностранных монархов заканчиваются драмы «Гамлет» и «Король Лир».

В каком смысле «иностранный»? Иной по отношению к какой стране? К Флоренции? А король Роберт, которого Флоренция поддержала? Он был «иной»? Какой стране принадлежал город Ареццо? А город Пиза? А города Лукка и Пистойя?

Слово «страна» достаточно неопределенное, еще менее определенное, чем слово «государство». Например, страна «Бельгия». Вполне нормальная страна. Самостоятельная или входит в современную империю под названием Европейский Союз? Имеет ли право одна из стран Евросоюза в случае кровавых распри между городами призывать на помощь имперские силы?

Все это не слишком понятно, но, как сказано, главное не в этом. Главное – что Данте написал утопию. Точнее говоря, был сторонником монархической утопии. Еще точнее – был сторонником конституционной утопии монархического толка. Не очень понимая, что это такое, не будем с этим спорить. Заметим только следующее.

Для каждого человека понятно несчастье, но счастье он воспринимает как утопию. Несвобода гораздо понятнее, чем свобода, и этот термин мы воспринимаем как некоторую противоположность несвободе, склоняя в речи так, как будто имеем дело со столь же хорошо осознанным понятием.

«Здоровый человек» – выражение, гораздо менее отчетливое, чем «больной» и применяется также скорее как антитеза. Тем более на уровне государств говорить о здоровой стране как-то неудобно, это принято лишь в поэтическом наклонении.

Поэтому описание предполагаемого «нормального государства» всегда будет утопией, независимо от того, мечтаете вы о монархии или демократии. Примеры «хороших» государств в истории тем лучше выглядят, чем меньше мы знаем подробностей о жизни в этих государствах. Это относится и к демократиям, и к монархиям, и к империям.

Глава 2. Данте vs Макиавелли

*А нам навстречу – нараставший дым
Скоплялся, темный и подобный ночи,
И негде было скрыться перед ним;
Он чистый воздух нам затмил и очи.*

Данте. Чистилище. XV

«Мандрагора»

На каждого Лейбница есть свой Вольтер, на каждого Гоголя есть свой Белинский, на каждого Данте есть свой Макиавелли. Да и было бы странно, если бы их не было. Было бы также странно, если бы открытый панегирик монархизму не встретил жесткого отпора. Разумеется, противников «имперского мышления» и раньше было не меньше, чем сейчас.

Язвительность, сатира, хлесткие оскорбления – все это характерно не только для Вольтера или Белинского. Трудно представить себе двух спорщиков, участвующих в публичном диспуте на подобные темы, которым с помощью логических

операций и разного рода импликаций удалось бы переманить сторонников одного лагеря в другой. Не похоже, чтобы Данте этого не понимал. Схоластические споры в те времена были не редкостью, далеко не всегда они заканчивались судом инквизиции, но имели свои традиции.

А потому совершается ошибка в отношении формы. И ход рассуждений подобен следующему: А предшествует В и С; D и E относятся друг к другу как А и В; следовательно, D предшествует E и F; между тем F и С различны. И если бы они продолжали настаивать, говоря, что F вытекает из С, то есть авторитет из рождения, и что вместо антецедента правильно ставится консеквент, подобно тому как вместо человека ставится живое существо, я говорю, что это ложно: ведь многие бывают старше по рождению и вместе с тем не только не предшествуют по авторитету, но уступают в этом отношении более молодым, как становится ясным на примере того, когда епископы бывают моложе подчиненных им архипресвитеров. Итак, это возражение явно ошибочно, ибо принимается за причину то, что причиной не является.

Данте. Монархия

Преклонение Данте перед философией, представшей ему, как и Боэцию, в образе Прекрасной Дамы, было поистине рыцарским.

Итак, я в конце второго трактата говорю и утверждаю, что дама, в которую я влюбился после первой моей любви, была прекраснейшая и достойнейшая дочь Повелителя вселенной, которую Пифагор именовал Философией.

Данте. Пир

Конечно, Макиавелли отреагировал на упражнения Данте. И, мягко говоря, ехидно. Преклонение Данте перед философией Макиавелли пародирует в письме к своему другу Луиджи Гвиччардини (8 декабря 1506 года), в котором он рассказывает, как «за отсутствием супружеских утех стал неразборчивым».

Как человек скорее робкий, я перепугался, но потом, оставшись наедине с этой женщиной и в темноте (потому что старуха сразу вышла и закрыла дверь), я овладел ею; и хотя оказалось, что у нее дряблые ляжки, влажное отверстие и зловонное дыхание, вследствие моего отчаянного желания все сошло. После этого, пожелав увидеть названный товар, я взял из очага горящую головню и зажег висевший наверху светильник. Едва он загорелся, факел чуть не выпал у меня из рук. О ужас! Уродство этой женщины было столь велико, что я чудом не испустил дух на месте.

Конечно, можно считать, что здесь нет никакой сатиры, а письмо является обычным бытовым посланием к другу. Но, во-первых, при чем здесь Возрождение и гуманизм (письмо помещено в сборнике «Сочинения великих итальянцев XVI века», в серии «Библиотека ренессансной литературы», СПб, 2002)? Во-вторых, фамилия Гвиччардини во Флоренции была одной из самых уважаемых, вряд ли это письмо было бы удостоено избранию для публикации в авторитетном научном сборнике, если бы адресат был просто соседом по дому или собутельником. К тому же это скабрзная, но далеко не единственная и не самая ядовитая

из пародий на Данте. Впрочем, поговорим о Макиавелли как о писателе чуть подробнее.

Хорошо. Если процитированное письмо «бытовое», то как воспринимать комедии Макиавелли «Мандрагора» и «Клиция»? Достаточно примитивные по построению, натужные пьесы, юмор в которых «ниже пояса», с попытками спасти сюжет вкраплениями из Боккаччо. Хоть и трудно, но можно представить себе человека, вкус которого принимает подобные комедии. Однако в книге Кристианы Жиль «Никколо Макиавелли» немало внимания уделяется пьесе «Мандрагора». Указав на то, что она в 1518 году «пользовалась необыкновенным успехом» (это что за критерий, в какую сторону?), она пересказывает ее сюжет, заключая, что «зло благодаря казуистике и жизнерадостности превратилось в добро. Это была ироническая версия «морали» «Государя»: достоинства твоего поведения в глазах ближнего и в глазах народа зависят от полученного результата».

В другом тексте сказано, что Макиавелли «обогастил итальянскую литературу ясной, лаконичной, лишенной риторических украшений прозой».

Или, например, такой пассаж:

В «Мандрагоре» последовательно опрокидывается целая система идеологических и нравственных нормативов, в частности, развенчивается положительный персонаж, сам его принцип. Фортуна в этом сочинении покоряется молодым.

Может быть, столь ужасен перевод? Но ведь составитель одного из сборников на русском языке, где напечатаны эти пьесы, читал, наверное, их по-русски и, тем не менее, утверждает про «Мандрагору», что

она неоднократно и не без основания рассматривалась в контексте политических и историко-философских идей Макиавелли. Она не столько иллюстрирует в бытовом плане рецепты «Государя», сколько опирается на общие для всего творчества Макьявелли антропологические принципы, в частности на принцип динамического равновесия внутренней и внешней природы, души и судьбы.

Вот бы научиться так писать! Интересно, как это расшифровывается?

Быть может, здесь намек на существование рукописи Лоренцо Медичи, найденной во флорентийском архиве в 1864 году? В ней содержатся несколько комедий Лоренцо Великолепного, одна из которых очень напоминает «Мандрагору». «Вероятно, ее сюжет и позаимствовал Макиавелли для своей пьесы, где под другими именами выведены те же персонажи», – пишет Иван Клулас в своей книге «Лоренцо Великолепный». Можно догадаться, кто разбирал архив Лоренцо.

Не менее «возвышенно» описывает пьесу А.К. Дживелегов:

Во всяком буржуазном обществе царит кодекс конвенционального лицемерия. Тому, кто его не преступает, заранее готова амнистия за всякие грехи. Макиавелли шагал по нему, не разбирая, а иной раз и с умыслом топтал его аккуратные предписания. Он был не такой, как все, и не подходил ни под какие шаблоны. Была в нем какая-то нарочитая, смущавшая самых близких прямолинейность, было ничем не прикрытое, рвавшее наружу даже в самые тяжелые времена нежелание считаться с житейскими и гуманистическими мерками, были всегда готовые сарказмы на кончике языка, была раздражавшая всех угрюмость, манера хмуро называть вещи своими именами как раз тогда, когда это считалось

особенно недопустимым. Когда «Мандрагора» появилась на сцене, все смеялись: не смеяться было бы признаком дурного тона. Но то, что лица «Мандрагоры» были изображены как типы, а сюжет был разработан так, что в нем, как в малой капле воды, было представлено глубочайшее моральное падение буржуазного общества, раздражало. Сатира была более злая, чем допускала лицемерная условность.

Правда, это было написано в то время, когда было принято во всякой пошлости видеть «глубочайшее падение буржуазного общества».

«Государь»

– Ну-ка, Фрасимах, отвечай нам с самого начала. Ты утверждаешь, что совершенная несправедливость полезнее совершенной справедливости?

– Конечно, я это утверждаю, и уже сказал почему. И я говорю, что несправедливость целесообразна, а справедливость – нет!

– Ну и что же тогда получается? ... Неужели, что справедливость порочна?

– Нет, но она – весьма благородная тупость.

– Но называешь ли ты несправедливость злоумышленностью?

– Нет, это здравомыслие.

– Разве несправедливые кажутся тебе разумными и хорошими?

– По крайней мере те, кто способен довести несправедливость до совершенства и в состоянии подчинить себе целые государства и народы. А ты, вероятно, думал, что я говорю о тех, кто отрезает кошельки? Впрочем, и это целесообразно, пока не будет обнаружено. Но о них не стоит упоминать; иное дело то, о чем я сейчас говорил.

Платон. Государство

Есть выражение «макиавеллизм». Как известно, в политике оно означает лицемерное, иногда циничное поведение под скрытым девизом «цель оправдывает средства». Чаще всего при этом правительство той или иной страны или отдельная партия использует демагогию как ширму. Демагогию, которая становится вещью в себе, которая должна быть агрессивной. С тем, чтобы остальные заинтересованные или не слишком заинтересованные стороны обсуждали бы эту ширму, пока они не будут поставлены перед фактами произошедших событий.

Если речь идет о литературоведении или истории, то я использую этот термин когда, например, «макиавелливедение» становится ширмой. Которую раскрашивают, иногда ремонтируют, но мало кому интересно, что же за ней скрывается и заслуживает ли это такой красивой ширмы. Своеобразный макияж, накладываемый на лицо, действительное выражение которого утеряно.

Что же за этим макияжем скрывается, когда мы говорим о знаменитом трактате Макиавелли «Государь»? Наверное, каждый из комментаторов должен был бы сам для себя решить, какие именно пассажи делают его выдающимся произведением. Заметим, что часть распространяемых афоризмов не принадлежат Ма-

киавелли, а приписываются ему, как приписываем мы доморощенные суждения Конфуцию. Те, что принадлежат, столь характерны, что достаточно пары небольших цитат, чтобы напомнить основную «линию творчества»:

Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. (Государь. 18)

Обещание своей падчерице дал царь Ирод и выполнил его. Обещание не распространять НАТО на восток дало руководство западных стран и не выполнило его. Как разумно заметил Николай Лесков устами своего литературного героя, описывающего жизнь незабвенного Гуго Пекторалиса, *обещания даются по соображениям – и исполняются по обстоятельствам.*

Это понятно. Нас одинаково раздражают как люди, разбрасывающиеся обещаниями, так и те, кто на любую просьбу отвечает: – «подумаем», «посмотрим», «в зависимости от ...». Но почему же такой директивный тон, тон долженствования? Прямо кантовский императив какой-то! Не хватает только звездного неба над головой.

Очень странный инструмент политмеханики будущего. Не очень привлекательно такое будущее.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступить от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. (Государь. 19)

И как относиться к этому инструменту, если все действующие «политмеханики» от него отказываются?

В предисловии в упомянутой выше книге Кристианы Жиль, написанном В. Брагиным, замечаем ту же мысль: *«Если рекомендации Макиавелли оказались невостребованными при его жизни, то наивно было бы полагать, что они могли служить руководством к действию в последующие века».* Но вот уже на следующей странице, в предисловии самого автора читаю: *«С тех самых пор секретные и не предназначенные для печати записки этого знатока политической механики, опубликованные уже после его смерти, по праву занимают свое место на тумбочке у изголовья кровати многих государственных деятелей».* Что ж, выдающихся политмехаников в мире было немало. Вот и еще один:

В политике, как и в личной жизни, нет ничего дешевле морализирования – дешевле и бесплоднее. Это занятие для многих, однако, привлекательно тем, что избавляет от необходимости вникать в объективную механику событий.

Лев Троцкий. Новая Турция. 1909

И все-таки остается ощущение, что все эти механики вовсе и не нуждались в руководствах, а основная книга Макиавелли и не была учебным пособием, а была

коллективным портретом семейств, история которых сопровождала в то время историю Флоренции.

Верно или нет, что дабы выжить, дабы не стать всеобщей жертвой, попираемой, осмеиваемой и угнетаемой всегда и всеми, даже обладая незаурядными умом, силой духа, смелостью, образованием и естественной или приобретенной способностью превосходить других, абсолютно необходимо быть мерзавцем? что над юношей, пока он таковым не научился быть, все время будут издеваться и он толком ничего вовек не сделает? что искусство вести себя в обществе или на престоле, которое везде в ходу, применять которое необходимо и без которого нельзя ни жить, ни двигаться вперед, ни даже защищаться от других, и которое используют на деле сами пишущие о морали авторы, – и есть то самое, которому учил я? Так почему, если искусству умения жить, или умения повелевать (что одно и то же, ибо цель любого человека в обществе – так или иначе повелевать другими, и самый хитрый постоянно управляет), – почему же, если оно таково, а не иное, и ему надобно учить, но все без исключения книги учат другому, прямо противоположному искусству? И притом такому, которое является залогом неумения и неспособности ни жить, ни управлять?

Дж. Леонарди. К новелле о Ксенофонте и Макиавелло. Речь Макиавелло

Как назвать книгу

В трактатах Макиавелли и в книге уважаемой госпожи Жиль не много говорится о еще одном важном аспекте жизни итальянского средневекового общества. И этот аспект – деньги. Три зверя – лев, гусь и свинья и, соответственно, три греха: алчность, гордыня и сладострастие отражают отношение Данте к этому аспекту. И напоминающий об этом символ – цветок «Флорин», денежная единица, монета, незаметно перешедшая затем в талер.

*For sweetest things turn sourest by their deeds;
Lilies that fester smell far worse than weeds.*

William Shakespeare. Sonnet 94

*Твоя отчизна, стебель окаянный
Того, кто первый богом пренебрег*

*И завистью наполнил мир пространный,
Растит и множит проклятый цветок,
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты,
А пастырь волком стал в короткий срок.
С ним слово божье и отцы забыты...*

Данте. Рай. IX

Мы не станем воспроизводить всех деталей деловой, финансовой, ростовщической, предпринимательской жизни Флоренции и, прежде всего, банковских домов Медичи. Обратим внимание только на то, что до середины пятнадцатого века дела шли в гору. Далее стали возникать проблемы, но инерции итальянским городам хватило надолго. Насколько связано это изменение «делового индекса» с падением Константинополя и прекращением поступления доходов оттуда, мы обсуждать не будем. Но падение филиалов банковских домов Медичи в Лондоне и Брюгге указывало не только на финансовый кризис, но и на наступление «других времен». Чтобы дать пример стиля, в котором решались проблемы «бизнеса», приведем пару цитат из упомянутой выше книги Ивана Клуласа. Параграф называется «Дело Вольтерры».

Вольтерра еще с этрусских времен была горняцким городом. В его окрестностях было много серебра, меди, свинца, серы и различных солей. Коммуна получала немалые доходы от прав на добычу этих богатств открытым способом.

Далее речь идет об образовании новой компании, созданной друзьями и подставными людьми Лоренцо Медичи, о недоразумениях при открытии новых концессий на разработку месторождений квасцов. Эти недоразумения росли, превращались в противостояние городов. И вот как проблема разрешилась в 1472 году.

Замки вокруг Вольтерры сдавались один за другим. 16 июня после месячной осады пал и сам город. Вольтерранцам гарантировали неприкосновенность личности и имущества. Но 18 июня победители получили разрешение на мародерство в течение двенадцати часов – до ночи. Говорили, что Федерико да Монтефельтро взял там богатую добычу.

Не щадили ничего: ни монастыри, ни церкви, ни дома бедняков. И конечно, не обошлось без насилия над жителями. Когда Лоренцо уведомили об этом, он выразил сожаление о чрезмерной жестокости, которой он, по его словам, не желал. Несомненно, он лицемерил. Монтефельтро получил приказ преподать пример жестокого наказания, как прежде было в Прато. По завершении похода сорок именитых граждан Вольтерры были казнены, а шестидесяти семьям пришлось покинуть город...

Покоренная Вольтерра стала источником дохода, которым Флорентийская республика могла распоряжаться чисто теоретически, поскольку на практике государство и наследственное достояние семьи Медичи различалось все меньше. Государственные прерогативы, внешняя политика и общественные финансы находились в руках Лоренцо и его партии.

Немало примеров подобного рода читатель может найти в истории замечательного города. Об этих событиях пишут книги, снимают фильмы. Один из лучших, наверное, – «Крестный отец». Похоже, что Макиавелли был там научным консультантом. Правда, этот фильм сильно смягчает реальность, но передает основные характерные черты борьбы мафиозных семейств. Борьбы за что? За власть? За удержание власти? Или просто клановых разборок, следить за которыми, честно говоря, не слишком интересно.

Тем не менее в этом фильме в становлении семейства Карлеоне есть все, вся «политическая механика», та теоретическая механика, создателем которой по праву считается Макиавелли. Так и надо было бы назвать трактат: «Крестный отец». Или лучше во множественном числе. Это выражение и выбрал Пол Стратерн в качестве подзаголовка к своей книге «Медичи» (русский перевод 2002 года) – «Крестные отцы Ренессанса».

Еще раз о «Мандрагоре»

Конечно, «греховная литература» все равно останется греховной, но как можно сравнивать легкие, изобретательные, разнообразные новеллы Боккаччо с тяжелой «Мандрагорой»! Скучные диалоги, примитивная интрига, порождаемая примитивной похотью, тягучее развитие действия и ничем не оправдываемый финал. Не умея сам развязать пьесу, Макиавелли не стесняется заимствованием из Боккаччо. И это ставят ему в заслугу! Но я бы не стал возвращаться к оценке этой кому-то понравившейся пьесы, если бы под руку мне не попала книга Никколо Каппони «Макиавелли» (перевод 2012 года).

Несмотря на известность – куда более широкую, чем самого Макиавелли, – «Государь» ни в коем случае не является главным трудом Никколо, поскольку это место по праву занимают его пьесы. «Мандрагору» и «Клицию» также можно рассматривать как пример развития его идей и житейских воззрений и представлений о человечестве, меняющихся с течением лет от весьма пессимистичных до несколько более обнадеживающих. Однако не следует забывать, что изначально обе пьесы были написаны для флорентийской публики и все сочинения Макиавелли, в сущности, связаны с Флоренцией.

Что бы это значило?

А значит это, что макиавеллизм заразителен. И критики недалеко ушли от своего персонажа. Словечка в простоте не скажут.

И все-таки что-то не так. Как не верится, что скабрешное письмо к Луиджи Гвиччардини было просто шуткой, так и не верится в то, что между классическими темами Макиавелли нашел себе столь примитивное развлечение.

Хотя исследователи это и отрицают, но антиклерикальный вызов в комедии есть. И не только в запутанном и запутавшемся образе Тимотео, но и в самом сюжете. Он связан с достаточно сложной и деликатной библейской историей (Бытие.30:14-16), и, зная злой язык автора, можно было бы предположить, что он хотел эту историю спародировать. Может быть, но вряд ли.

Попробуем начать с другого конца, – с молодости главного героя. Зачем вдруг автору комедии Макиавелли вспоминать итальянские войны, да еще и указывать, сколько лет прошло с их начала? Правда, это указание не вполне отчетливо, но подозрительно навязчиво. Главный герой Каллимако обращается к слуге.

Ты, верно, не менее тысячи раз слышал от меня, а теперь услышь и в тысячу первый, что когда мне исполнилось десять лет и я остался круглым сиротой, опекуны отправили меня в Париж, где я и пробыл ровнехонько двадцать лет, ибо на десятом году моего там пребывания королю Карлу угодно было вторгнуться на нашу землю и тем положить начало нескончаемым итальянским войнам, разорившим нашу Флоренцию, так вот я и рассудил за благо домой не возвращаться, а остаться в Париже, где я чувствовал себя привольнее и безопаснее.

Вспомним, что начало итальянским войнам положил молодой король Франции Карл VIII когда в 1494 году перешел через Альпы и дошел до Неаполя. В это время Каллимако было двадцать лет. Теперь представим себе, что перед нами – прямолинейное, конкретное иносказание.

Кто же в какой роли? Самая подходящая кандидатура на «обратную роль» для Каллимако – Джованни де Медичи, второй сын Лоренцо Великолепного и будущий папа Лев X. В то время ему было столько же. В тексте пьесы Каллимако далее объясняет.

И вот, поручив распродать во Флоренции все свое имущество за исключением отчего дома, я остался в Париже, где и провел еще десять счастливых лет, деля время между учеными занятиями, развлечениями и торговыми делами; во всем этом я успевал, да так, что ни одно из сказанных дел не страдало. И потому, как ты знаешь, я жил счастливо, доставляя радость своим ближним, никого не обижая, сохраняя приятственные отношения с дворянами и мещанами, чужестранцами и людьми местными, бедняками и богатеями.

Очень похоже на портрет Джованни де Медичи, который в детстве какое-то время провел в Риме, еще в отрочестве при жизни отца став кардиналом-мирянином, затем решал «торговые дела» своей семьи в Европе, в частности там, где были филиалы банков Медичи. Часть этих филиалов закрылась, появлялись другие, и за общим состоянием финансовых дел семьи достаточно трудно проследить. Если наша гипотеза справедлива, то дела шли не совсем уж и плохо («Ни одно из сказанных дел не страдало»). В 1494 году закрылся и банк во Флоренции, и, по-видимому, Медичи успели «распродать во Флоренции все свое имущество за исключением отчего дома». В то же время был свергнут названный тираном брат Джованни – Пьеро Медичи, который, в отличие от Джованни, не умел «сохранять приятственные отношения». Что было причиной, а что следствием и означало ли закрытие банка его разорение – непонятно. Скажем более дипломатично: капитал был выведен из зоны риска.

Перейдем теперь к главной героине. Кого же изображает Лукреция? Хочется сказать, что это и есть Флоренция. Не то чтобы совсем не подходит, но немного не соответствует, так сказать, грамматически. Свобода? Это уж как-то непонятно. Есть еще словечко Феличита, знакомое нам по популярному ныне шлягеру. Но это не из словаря Макиавелли. А вот то, что он использовал, и не раз, о чем писал стихи, так это Фортуна.

– Приехав же, убедился, что молва о мадонне Лукреции суцая чепуха по сравнению с явью, – говорит Каллимако.

– Не думаю, чтобы в мире сыскался больший осел! И как же при этом милостива к нему судьба, одарившая его богатством, красавицей женой, умной, благой, способной управлять не то что домом, но целым государством, – говорит Лигурио, приживальщик в доме мессера Ничи и его жены Лукреции. В такой интерпретации поведение героя вполне «вписывается в схему».

Узнаешь Цезаря издалека, и Александр предстанет пред тобою в обличье Цезарева двойника, и станет ясно пред картиной тою, что для Фортуны выше всех похвал, кто с ней бесцеремонен, как с женою.

Макиавелли. О Фортуне

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, – подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

Макиавелли. Государь.25

Замечу, однако, что и Фортуне есть, что сказать в ответ.

– О Господи, – вздохнула она, – всегда одно и то же! Если хочешь, чтобы мужчина хорошо к тебе относился, веди себя с ним, как последняя дрянь; а если ты с ним обращаешься по-человечески, он из тебя вымотает всю душу.

Сомерсет Моэм. Бремя страстей человеческих

Если читателю захочется воспользоваться лукавыми советами Макиавелли вкупе с замечанием комментатора «Фортуна в этом произведении покоряется молодым», то советую сначала перечитать не слишком длинное стихотворение Макиавелли «О Фортуне» и вспомнить, что это богиня. За право «сладить с нею» Цезаре Борджиа заплатил краткостью жизни и необходимостью в своей жизни носить три маски – маску лицемера, маску наглеца, а в конце еще и маску сифилитика. Да еще и непонятно, сладил ли он или сладили с ним, но не Фортуна, которой он быстро надоел, а самые обычные низменные страсти.

Ты станешь их рабом, они – царями,
Ты канешь вниз, они взметнутся ввысь,
Тебя пожрет их яростное пламя,
Чьи языки надменно вознеслись.

Шекспир. Лукреция

Правда, в седьмой главе Макиавелли пишет, что вознесла Цезаре Фортуна, но не его, а чужая – Фортуна его отца. Но если кого-то прельщает судьба Борджиа-старшего, то тут советовать нечего.

Очень похоже, что «на роль» мессера Ничи тогда подходит Пьеро Содерини, непосредственный начальник Макиавелли, пожизненный гонфалоньер республи-

ки, вышедший в отставку в 1512 году после резни, устроенной испанцами в предместье Флоренции Прадо, одновременно с возвращением в город молодого Медичи. О том, как относился Макиавелли к Содерини после реставрации Медичи, можно судить по сохранившейся эпиграмме и нескольким упоминаниям в книге «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Лаконично оценку Ничи-Содерини автор дает словами Лигурио, обращенными к Каллимако:

– Ты же знаешь, что за личность; и разумом не силен, а уж решительности ни на грош.

Так и получилось. Легитимная власть в лице Содерини (муж в «Мандрагоре»), осталась в стороне, а Джованни Медичи не слишком-то и переживал по этому поводу. Такова судьба многих республик.

Впрочем, возможны варианты. Например, идет борьба за Святой Престол, Нича – это Юлий II, Каллимако – это опять Джованни, но того времени, когда он еще кардинал-протодекан. Тимотео – это кардиналы, которых подкупают деньгами, областями или обещаниями.

Еще больше по возрасту подходит адресат трактата «Государь» Лоренцо II Медичи, – герцог Урбинский, сын Пьеро Медичи. Проживший часть жизни во Франции, он имел там торговые и финансовые интересы, которые заставляли его поддерживать в итальянских войнах сторону Людовика и тем самым создавать раскол в стане Медичи. Умер он молодым.

Заметим, наконец, что Кола – употребительное сокращение имени Никколо (например, Кола ди Риенцо), и можно предположить, что Каллимако – попытка Макиавелли зашифровать свое имя. Не все здесь сходится, но сюжет и история дают простор для воображения.

Конечно, вопрос о таком прямом иносказании обращал на себя внимание и ранее, и исследователи достаточно потрудились над ним. Для наших целей вполне достаточно обратить внимание на тезисы магистерской диссертации, написанные в 2008 году: *La comedia come strumento critico e «specchio della vita privata»*. Masteroppgave i italiensk litteratur, Elisabeth Knapstad Angioni. В частности, исследователь обращает внимание на то, что Каллимако есть редуцированное (или деформированное) греческое слово, означающее вояку, конкистадора.

Если после этого читателю станут понятнее «антропологические принципы», то будет совсем замечательно.

Но пошлость остается пошлостью, разыгрывается ли она в жизни или на подмостках театра. Если все-таки не использовать это слово, то мне ближе оценка, данная Полом Стратери, который назвал «Мандрагору» комедией в духе черного юмора. И все ее возможные интерпретации, как и вся сознательная жизнь Макиавелли, относятся к периоду, начинающемуся с итальянских войн и заканчивающемуся 1527 годом – годом смерти философа и годом разорения Рима. Есть оттенок черного юмора и в названии этого трагичного и сложного периода – «Высокое Возрождение».

Макиавелли – интересная фигура, и мы еще немного поговорим о нем, но наш трактат в основном посвящен Данте, а Макиавелли лишь как его оппоненту. Еще раз они встретились в разговоре о языке.

На каждого Данте есть свой Макиавелли

Кто-то из авторитетных, по-видимому, когда-то назвал Макиавелли гуманистом за то, что он «отделил политику от теологии». А заодно, заметим, и от этики, эстетики, морали и нравственности.

Другая ошибка, в которую впадают авторы, – в том, что даже редкие верные рекомендации они выражают языком фальшивого искусства, каковым является мораль.

Тот, кто и теперь не видит, что язык этот чисто условный, – хуже, чем слепой. К примеру, добродетель означает лицемерие или никчемность; разум, право и т.п. означают силу; благо, счастье и т.п. подданных означают желание, каприз, выгоду и пр. властелина. Все это столь старо и хорошо известно, что напоминать и совестно, и скучно.

Дж. Леопарди. К новелле о Ксенофонте и Макиавелло. Речь Макиавелло

В результате Макиавелли присвоили звание гуманиста. Почему-то таким же образом обозвали Петрарку, да еще и «первым гуманистом». Наверное, комиссия по награждениям не читала ничего, кроме сонетов, описывающих любовь дяденек к Лауре.

Кто, наконец, настолько безумен, чтобы вообразить, будто прославленный и христианнейший Франческо Петрарка – святому достоинству чьей жизни и нрава мы сами были свидетелями и, если дарует господь, еще долго будем, и лучшие кого никто, насколько нам известно, не использует не то что время, но каждый атом текущего времени, — лишь на то потратил столько бессонных ночей, столько святых раздумий, столько часов, дней и лет, сколько несомненно должен был потратить, если судить по достоинству, красоте и изяществу слога его буколических песен, чтобы изобразить, как Галл выпрашивает у Тиррена его камышовую дудочку или как ссорятся Памфил с Митионой и другие не менее безумствующие пастухи и пастушки? Никто и никогда в здравом уме не согласится с этим, особенно если прочтет хотя бы, что написано у Петрарки прозаическим стилем в книге об уединенной жизни и в той, которую он назвал «Лекарства от превратностей судьбы», не говоря о многих других! Все, что можно найти чистого и глубокого в сфере нравственной философии, выражено в них с таким великолепием стиля, что невозможно сказать ничего более содержательного, более прекрасного, более совершенного, наконец, ничего более святого для поучения смертных.

Дж. Боккаччо. Генеалогия языческих богов

И все-таки Лаура – магнит поприятительней. Лауре посвящена практически полностью двухтомная антология под названием «Петрарка в русской литературе», где много реминисценций оттуда, из прекрасного далека.

Лирикам, кладя в счет канцоны и сонеты, несть числа; все поэты-эпики, трагики и пр. – писали сверх того так называемые Rime; еще большее число их только и писало. Список имен займет не одну страницу, но, к сожалению, в

таком обилии мало разнообразия; все влюблены, как Петрарка, у всех любовницы несклонные и непрístupные, как Лавра, и все старая песня на новый лад. Очень малое число сонетов отличаются в толпе...

П.А. Катенин. Размышления и разборы

Разве только сонет, сочиненный уважаемым Ильей Николаевичем Голенищевым-Кутузовым, под названием «Петрарка» несколько выделяется из общего хора своей странностью.

*Ни да ни нет. Один на грани двух времен.
Уж посетила смерть апрельскую долину
И голос Туллия померкнул. К Августину
Склонился гордый дух, бессмертием смущен.*

*Лаура вышняя не внемлет паладину,
И лавры поразил стигийский древний сон,
Где Капитолий, Рим, восторг и плеск времен,
Все низвергается в беззвездную пучину.*

*Чрез сотни лет один на грани двух времен
Стою, охваченный сомненьями, как он.
О Боже, истина и красота – одно ли?*

*Ни да ни нет... И я ль в напевы претворю
Стенанья скрытные? – Я жду в моей юдоли
Триумфа вечности. Предчувствую зарю.*

В первой лекции, посвященной народности и опубликованной в третьем номере альманаха, я указываю на мнение комментатора к «малым произведениям», которое для меня осталось непонятным.

Данте оказался не прав. Тосканский лег в основу итальянского литературного языка, одним из трех основателей которого считается сам автор «Божественной Комедии». Отвергая тосканское первенство, Данте остается верен своему принципу: целое составляют все части (диалекты); из каждой берется лучшее. Лучшего больше всего в придворном сицилианском и в стихах некоторых поэтов Болоньи и Флоренции. Принцип этот в основе своей аристотелевский, однако применение его к лингвистике является изобретением автора «О народном красноречии».

И.Н. Голенищев-Кутузов. Комментарии к малым произведениям Данте

За это я получил упрек в неуважении к литератору, ставшему уже классиком. Это опять странно. Илья Николаевич, «согбенный и восторженный старик В заморском платье старого покроя», замечательный русский поэт, переводчик и литературовед. Его судьба – это одна из множества непростых и красивых страниц в печальной русской книге двадцатого века. И творчество Данте резонирует в этой судьбе.

Тысячи книг написаны о Данте. Одну из них, хорошую книгу о великом флорентинце, написал и Голенищев-Кутузов. Но мысль, которую он излагает относительно итальянского языка, не совсем ему принадлежит. Она не нова. Приведем мнение Франца Вегеле, изложенное им в книге «Данте Алигьери. Его жизнь, сочинения и политическая теория». (Перевод с третьего немецкого издания Алексея Веселовского. 1881.)

Точно также отвергает он язык и остальных итальянских провинций. Если он и допускает, что между ними есть некоторые, относительно более чистые и благородные говоры, тем не менее и сицилийское и тосканское наречие оставляют, по его мнению, многого желать. Таким образом он приходит к заключению, что благородный и чистый народный говор чувствуется в зародыше в диалекте каждого города, но что он не присущ ни одному в особенности и принадлежит одинаково всем. В нем собрано лучшее из всех языков; в каждом есть что-нибудь прекрасное, ни в одном не соединено все.

Пока все достаточно естественно, если не считать «мелочей». Не слишком понятно про «чистый» и, одновременно, «благородный» говор. Как-то не похоже, чтобы Данте называл придворную (или «куриальную») речь говором. Как понять, что «чистый народный говор ... присущ одинаково всем»? Например, народный говор горюхинцев присущ и новгородцам? Но не будем вдаваться в детали, поскольку далее мнение автора выражено со всей определенностью.

Итак, итальянский народный письменный язык, по толкованию поэта, сложился чисто искусственным образом, путем рефлексии и эклектизма.

Совершенно ошарашивающее заявление. Да просто ровно противоположное утверждает Данте. Где у него написано, что он соединен из частей? Чтобы Данте считал, что язык народа, этот дар богов был создан искусственным образом? Да разве сам Голенищев-Кутузов так считал?

*Не говори о страшном, о родном,
Не возмущай мои тысячелетья,
Ещё болею повседневным сном,
Которого не в силах одолеть я.
Так средь азийских кочевых племен
Плененному наречием гортанным
Заложнику певучий снится сон
О языке родном и богоданном.*

Об этом же пишет и Шекспир в своем сонете.

*Make answer, Muse: wilt thou not haply say
Truth needs no colour; with his colour fix'd;
Beauty no pencil, beauty's truth to lay;
But best is best, if never intermix'd?*

William Shakespeare. Sonnet 101

Разве же непонятна мысль Данте?

...мы утверждаем, что в Италии есть блистательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности италийского города, по которой все городские речи италийцев измеряются, оцениваются и равняются.

Данте. О народном красноречии

Может быть, что есть горюхинский, или ярославский, или вологодский говоры или диалекты. Но есть русский язык. Князья могут «собирать земли». Но им не под силу «собрать язык». Язык просто есть.

Немало у Данте противников, которым неприятен его «имперский дух». «Великий художник, но слабый мыслитель» – не слишком ли нам знакомо такое сочетание? «Слабый политик» – это еще мягко. Не знаю, быть может, и не политик своего времени. Но, признавая тот факт, что Италия предстает перед нами сейчас как единая и самостоятельная, то есть самодержавная страна, мы должны признать и заслугу Данте. И именно, как политика. Разве мало проходит перед нами примеров стран, разрываемых на лоскутки, чтобы потом эти лоскутки крошечными, пока не объединятся под силою более могущественной или не исчезнут окончательно.

Но вернемся к языку, а именно к трактату «Речь, или диалог о нашем языке», написанном Макиавелли в 1514 году. Трактат написан в виде письма, и первый взгляд на него оставляет впечатление, как будто два профессора филологии разговаривают друг с другом о важнейших вещах: «А не кажется ли вам, коллега, что это гвоздь от противоположной стенки?»

Еще одно различие заключается в произношении, выговоре, но оно не таково, чтобы помешать взаимопонятности. Тосканцы заканчивают слова гласными, в Ломбардии же и Романье почти все слова обрываются на согласных: сравни rape и rap.

Макиавелли. Речь, или диалог о нашем языке

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русской. Он исполнен сокращениями и усечениями – некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими.

А.С. Пушкин. История села Горюхина

Пушкин в своем стиле блестяще ухватил суть и значение филологических изысканий наших соревнователей. Вот тут-то, в своеобразном воображаемом диалоге Макиавелли и Данте, и появляется первый раз идея, которая с тех пор стала приписываться Данте.

Никколо. Что, стало быть, позаимствовано тобой в Ломбардии?

Данте. Вот это: In co del ponte presso a Benevento.

И еще: Con voi nasceva e s'ascondeva vosco.

Никколо. А что взято из латыни?

Данте. Вот, к примеру: Transumanar significar per verba. И еще многое другое.

Николо. А что ты сам придумал?

Данте. Вот что: S'io m'intuassi come tu ti immii.

Все эти слова, смешиваясь с тосканскими, дают третий язык.

.....

Из сказанного следует, что нет языка, который был бы общим для Италии или куриальным, придворным...

Макиавелли. Речь, или диалог о нашем языке

Итак, Данте утверждает, что есть придворный язык. Макиавелли, что его нет.

Чтобы закончить сказку про белого бычка, вернемся к основному термину – «самодержавие», с надеждой, что долгий разговор о языке сыграл свою роль и читатель уже подзабыл, что мы не слишком отчетливо осознаем различие между понятиями «самодержавие», «монархия», «империя», «царство» или «королевство».

Возвращаясь, таким образом, к сказанному вначале, выдвинем три главных предмета, вызывающих сомнения, и поставим три главных вопроса относительно светской монархии, обозначаемой более привычным словом «империя»; об этом, как уже сказано, мы намерены предпринять исследование, руководствуясь указанным принципом в соответствии с уже избранным нами порядком. Итак, пусть первый вопрос будет следующий: необходима ли для благосостояния мира светская монархия?

Данте. Монархия

Глава 3. Немного об империях

«Слишком ранний час»

Воссядет дух державного средь вас Арриго, что Италию спасая, Придет на помощь в слишком ранний час. Так одуряет вас корысть слепая, Что вы – как новорожденный в беде, Который чахнет, мамку прочь толкая.

Данте. Рай, XXX

Монархию мы воспринимаем как некоторую объединяющую силу, превращающую несколько разрозненных княжеств в самодержавное, единое государство. Или хотя бы в долгоживущее объединение княжеств или государств. Для возникновения такого объединения нужно хотя бы условное правительство, которое заседает в столице. То есть нужна столица. В своем трактате «Монархия» Данте доказывает, что такая столица у Италии есть. И это не Флоренция, а Рим, и Данте доказывает его сакральное право называться центром империи. Во-вторых, нужен язык, на котором говорит монарх и его окружение. «Куриальный» язык. В-третьих, нужен кандидат, облеченный «сакральной» властью, то есть будущий царь.

Этимология слова «царь» гораздо древнее латинского «цезарь» и даже древнее Ахеменидской державы, хотя звучание титула «Кир» разделилось, видимо, именно в то время или несколько ранее, породив такие ветви, как «царь», «кайзер» и «король». Одним из «сопроводительных имен» к этому титулу является наименование «пастырь» или в просторечии «пастух».

Столь же древним является мнение о том, что царственность – не случайный дар и проявляется раньше или позже, независимо от причудливо складывающихся

ся обстоятельств. Отражением этого являются трагическая история царя Эдипа и шутовская история принцессы на горошине.

Была ли в фигуре Генриха VII та самая сакральность и предопределенность, сумел бы он сплотить своим скипетром империю – это вопрос. Но он уже не имеет значения, поскольку в августе 1313 года, через год после коронации в Риме в качестве Императора Священной Римской империи, Генрих VII умер, не успев завершить осуществление мечты Данте. Останки императора покоятся в Пизанском соборе. Одна из надписей на усыпальнице гласит:

*l'alto Arrigo, ch'a drizzare Italia
verrà in prima ch'ella sia disposta
(Арриго, что Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час)*

Этот «ранний час» несколько загадочен. Как люди могут узнать «настоящий час» – непонятно. Если бы было сказано – слишком поздно, то это понять можно: человек опоздал. Но что означает, что он слишком рано пришел? Можно ли смертному заранее знать истинное время, необходимое для осуществления таких событий?

Конечно, мы знакомы с тем, что мир материален, все движется и, следовательно, вчера было рано, а завтра будет поздно. Но ведь это мы проговариваем обычно задним числом. Неужели же Данте предчувствовал что-то? Или прекратится одуряющее действие «слепой корысти»? Может быть, Данте предчувствовал появление на итальянской сцене нового героя – Кола ди Риенцо, которому симпатизировал Петрарка, считавший его побочным сыном Генриха VII? Но ведь Данте сам умер, когда Кола был мальчиком Николой. Непонятно. Тем более что в другом месте сам Данте вроде бы указывает на обратное, говоря, что Рудольфо, один из предыдущих королей Германии и императоров Священной Римской империи, пришел слишком поздно.

*Сидящий выше, с видом сокрушенья
О том, что он призваньем пренебрег,
И губ не раскрывающий для пенья, –*

*Был кесарем Рудольфом, и он мог
Помочь Италии воскреснуть вскоре,
А ныне этот час опять далек.*

Данте. Чистилище. VII

Вернемся к Арриго и попробуем прочитать текст о нем «с запасом» и сравним с оригиналом.

*Я был введен, – как тот, кто смолк, смущенный, –
Моей владычицей, сказавшей: «Вот
Сонм, в белые одежды облеченный!»*

*Взгляни, как мощно град наш вокруг идет!
Взгляни, как переполнены ступени
И сколь немногих он отныне ждет!*

*А где, в отличие от других сидений,
Лежит венец, твой привлекая глаз,
Там, раньше, чем ты вступишь в эти сени,*

*Воссядет дух державного средь вас
Арриго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час.*

*Так одуряет вас корысть слепая,
Что вы – как новорожденный в беде,
Который чахнет, мамку прочь толкая.»*

Перевод с точки зрения грамматики вроде бы правильно дает «ранний час».

*qual è colui che tace e dicer vole,
mi trasse Beatrice, e disse: «Mira
quanto è ,l convento de le bianche stole!*

*Vedi nostra città quant' ella gira;
vedi li nostri scanni sì ripieni,
che poca gente più ci si disira.*

*E 'n quel gran seggio a che tu li occhi tieni
per la corona che già v'è sù posta,
prima che tu a queste nozze ceni,*

*sederà l'alma, che fia giù agosta,
de l'alto Arrigo, ch'a drizzare Italia
verrà in prima ch'ella sia disposta.*

*La cieca cupidigia che v'ammalia
simili fatti v'ha al fantolino
che muor per fame e caccia via la balia.*

Грамматически все соответствует. Но, похоже, все-таки, что выражение *verrà in prima* относится к появлению Арриго на ступенях града, а не к приходу его на помощь Италии. То есть Данте попросту сетует, что Арриго слишком рано умер, не успев консолидировать Италию.

Впрочем, вопрос о времени все равно остается открытым. Можно ли в социальных процессах такого рода и уровня предугадывать времена?

Формула Пушкина и число Платона

В «Государстве» Сократ говорит о государственных переворотах, но неудачно. Так, он не посвящает особого изложения вопросу о переворотах в государствах с наилучшим и первым государственным строем. Он выдвигает в качестве их причины то, что вообще нет ничего неизменного, но все изменяется в течение определенного периода. В основе этих изменений лежит будто бы отношение чисел, именно отношение четырех к трем, которое, будучи скомбинировано с пятеркой, дает два гармонических сочетания, иными словами, когда число этой фигуры будет кубическим; природа, считает он, в известное время производит на свет людей негодных и не поддающихся никакой культуре. Возможно, что в данном случае он и не совсем не прав, так как в самом деле могут оказаться такие люди, которых воспитание бессильно сделать дельными людьми. Но спрашивается, почему это обстоятельство должно служить особой причиной государственных переворотов предпочтительно в тех государствах, строй которых он называет наилучшим, а не во всех остальных, да и вообще не во всем том, что возникает?

Аристотель. Политика

Аристотель несколько недоумевает, и его недоумение вызывает вопросы. Возникает ощущение, что Аристотель отгораживается от мнения, что власть имеет органический характер. Не слишком ему хочется распрощаться с убеждением, что государственное устройство формируется только волей людей. В соответствии с обстоятельствами и человеческими слабостями, но все-таки людьми и их волей. То предположение, что власть имеет «живое начало» и подвержена тем же метаморфозам, что и растения или живые существа, кажется ему чем-то надуманным. Тем не менее к мысли об этом живом начале осторожно подводит Платон. Заметим, что и тот и другой рассуждают не о «жизни государства», а о «жизни государственного строя», если можно так выразиться. Платон пишет о том, что даже и «хорошо устроенный строй» не вечен.

Трудно пошатнуть государство, устроенное подобным образом. Однако раз всему, что возникло, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, – на души и на тела, всякий раз как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных – наоборот. Хотя и мудры те, кого вы воспитали как руководителей государства, однако и они ничуть не больше других людей будут способны установить путем рассуждения, основанного на ощущении, наилучшую пору плодоношения и, напротив, время бесплодия для вашего рода: этого им не постичь, и они станут рожать детей в неурочное время. Для божественного потомства существует кругооборот, охватываемый совершенным числом, а для человеческого есть число, в котором – первом из всех – возведение в квадратные и кубические степени, содержащие три промежутка и четыре предела (уподобление, неуподобление, рост и убыль) делает

все соизмеримым и выразимым. Из этих чисел четыре трети, сопряженные с пятеркой, после трех увеличений дадут два гармонических сочетания, одно – равностороннее, то есть взятое сотней столько же раз, а другое – с той же длиной, но продолговатое: иначе говоря, число выразимых диаметров пятерки берется сто раз с вычетом каждый раз единицы, а из невыразимых вычитается по двойке и они сто раз берутся кубом тройки. Все в целом это число геометрическое, и оно имеет решающее значение для лучшего или худшего качества рождений.

Суть рассуждений Платона, кажущихся вполне «наивными» выразил, как представляется, в такой же «наивной» форме А.С. Пушкин: *Дед был богат, сын нуждается, внук идёт по миру.*

Ни у какого организма срок жизни не бывает точно определенным. Это один из законов природы, и мы можем говорить лишь об ожидаемом среднем значении. Для человека это среднее значение – 75 лет.

Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим. (Пс.89:10)

Случаен ли тот факт, что это число почти совпадает с числом Иеремии, равным 70, мы не знаем.

И вся земля эта будет пустынею и ужасом; и народы сии будут служить царю Вавилонскому семьдесят лет. (Иер.25:11)

Для государства все сложнее.

Расшифровать числовой ребус Платона полностью не удастся, да оно и понятно – в нем «спрятаны» несколько периодов. Пожалуй, лишь одно можно выделить. Это самое простое и непосредственно указанное число – 300 лет (если более точно, то 296). Его мы и будем называть числом Платона.

Объяснить, почему Платон делит это число на четыре части, достаточно трудно, но если пренебречь длиной промежутков и отталкиваться от числа Иеремии, то должно получиться 280 лет (а «при большей крепости» – 300 с лишним лет). Близкий результат получится, если увеличить в четыре раза невязку в сроке человеческой жизни: 280 – 320 лет.

К сравнительно отчетливым примерам можно было бы отнести империю Гуптов в Индии или династию Цин в Китае, срок жизни которых был несколько меньше означенного из-за целого ряда отягчающих причин.

Стоит обратить внимание и на период в «полсрока» длиной в 140 – 150 лет. Например, это промежуток времени между разгромом русских городов и Куликовской битвой.

Аналогично число Иеремии можно называть «четвертью», а число Моисея – срок между выходом евреев из Египта и смертью Моисея – «восьмой частью».

Однако заметим, что если даже такой внимательный человек, как пророк Иеремия, мог ошибиться с определением начала и конца периода, то тем более не всегда это возможно сделать историку, отделенному от рассматриваемых собы-

тий и находящемуся под впечатлением эффектных внешних факторов, которые не всегда являются определяющими.

В отличие от человека, моменты рождения и смерти которого вполне отчетливы, мы имеем дело не столько с рождением и смертью империи (государства), хотя и говорим, чаще метафорически, о гибели страны, сколько о «фазовом переходе». Понятие это более чем неопределенно, но, тем не менее, присутствует ощущение того, что оно существует.

Трудно сказать, совпадает ли это понятие с «переходными периодами в истории человечества», поскольку тема, предложенная С.С.Уваровым, так, по-видимому, и осталась нераскрытой. Не сохранилось ни одного конспекта обсуждений этой темы за исключением эмоционального введения Тимофея Николаевича Грановского, опубликованного в сборнике его трудов. (Цитата из этого замечательного введения приведена в первом выпуске альманаха «Консерватор».)

Правда, Аристотель в своей книге «Политика» пишет:

В «Государстве» Сократ говорит о государственных переворотах, но неудачно. Так, он не посвящает особого изложения вопросу о переворотах в государствах с наилучшим и первым государственным строем. Он выдвигает в качестве их причины то, что вообще нет ничего неизменного, но все изменяется в течение определенного периода.

Следует отметить, что вопрос о государственных переворотах совсем не простой. Например, Великую французскую революцию или революции в Европе в 1848 году Уваров считал не государственными переворотами, а «переходными эпохами».

Можно применить термин «фазовый переход», можно говорить о «метаморфозах», но в любом случае остаются вопросы: испытывает ли общество ощущения гусеницы, которая должна превратиться в бабочку, но не знает об этом? Или конкретный социальный процесс является болезнью (ведущей к фатальному исходу или нет)? Или это не фазовый переход и не болезнь, а некоторый временный спад, связанный с естественным циклическим процессом.

*Но вновь безволие, и упадок,
И вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок за просветленьем настает!
Паденья эти и подъемы
Как в совершенстве мне знакомы!*

Гете. Фауст

И самый естественный фазовый переход – смерть. В социальных процессах мы чаще используем слово «гибель», и применяем его, как правило, к империям.

Отметим, что такие образования, как Империя Александра Великого, Наполеоновская империя или Третий рейх мы называем «псевдоимпериями», поскольку собственно управления там не было. Цикл жизни таких псевдоимперий – 12 лет. Мы назовем его **коротким** или **солнечным циклом**, хотя обсуждать случайно ли совпадение этого цикла с циклом солнечной активности мы не будем. Псевдоимперии несут сильный разрушающий потенциал, но заканчиваются образованием достаточно устойчивых структур. После их разрушения наступает некоторый относительно благоприятный период «хорошей погоды».

Из коротких периодов весьма интересным является небольшой период в семь лет (**семилетье**), встречающийся весьма часто в библейских текстах, – своеобразная годовая неделя (**седмина** или **седьмина**). Практически во всех климатических зонах в среднем каждые семь лет наблюдаются неурожайные годы. В связи с этим в Ветхом Завете каждый седьмой год рекомендуется землю оставить под паром.

Шесть лет засевай землю твою и собирай произведения ее, а в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые; так же поступай с виноградником твоим и с маслиною твою. (Исх.23:10-11)

Любопытно, что этот период встречается и у Конфуция. Здесь мы его назовем **коротким периодом Конфуция**.

Когда хороший человек будет учить народ в течение 7 лет, то с таким народом можно идти на войну.

Конфуций. Диалоги. XIII:29

Это период между Аустерлицем и изгнанием Наполеона из России.

Наконец, отметим еще один период – **удвоенное число Платона**. Оно определяет «отвлеченность» рассматриваемых удаленных исторических процессов от политических течений того времени, в котором живет историк. Например, хладнокровно можно обсуждать князя Владимира, но оценки личности Петра Великого и его деятельности будут испытывать сильное влияние современных политических тенденций. Американцы уже достаточно хладнокровно начинают рассматривать историю завоевания континента. 600 лет прожил Ной. Достаточно бессмысленно рассматривать родословное дерево отдельного человека глубиной более чем удвоенное число Платона.

Похожий оттенок есть и у знаменитого откровения пророку Даниилу, но там указывается срок в 490 лет.

Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святый святых. (Дан.9:24)

Данте уже сто лет как вышел из указанной области, и исследователь его творчества или комментатор могут не бояться обвинений в апологетике империализма и тому подобных грехах. А вот Макиавелли все еще находится там, и это заметно.

Глава 4. Снова о Макиавелли

Современен ли макиавеллизм?

Селимена:

*Да, странный человек, но дар его велик;
В искусство громких фраз без смысла он проник;
Ничто из слов его до мозга не доходит:
Он только смутный шум какой-то производит.*

Мольер. Мизантроп

Среди коротких и ярких изречений известных людей, посвященных Макиавелли, трудно найти текст, который можно подвергнуть рациональному анализу. Например, текст историка П.Н. Кудрявцева.

Макиавель, который сам был не что иное, как самое умное и верное выражение всей предшествующей итальянской истории, первый дал ключ к уразумению истинного хода ее.

Это и называется литературным макиавеллизмом. Нужно иметь поистине великий дар, чтобы составлять такие фразы.

Ряд ученых считает, что макиавеллизм современен. Один из таких ученых-практиков – московский адвокат Петр Давидович Баренбойм, написавший в печально известные девяностые книгу «3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера». Глава II, посвященная Макиавелли, заканчивается достаточно характерно:

Как справедливо написал Харви Мансфельд в своей книге «Достоинства Макиавелли», мудрость Макиавелли можно обнаружить во всем, что окружает нас сегодня.

Для 90-х годов это действительно так. Особенно в России. Заканчивая цитату, автор это и подчеркивает:

Новая жизнь в новых переводах важнейших произведений великого флорентийца совпадает со временем, когда его мудрость должна быть особенно востребована в России.

Рассмотрим пример. Покупаю в магазине книгу Тима Филлипса ««Государь» Никколо Макиавелли – новая интерпретация великих идей». В аннотации говорится, что «Государь» используется «как учебник теми, кто хочет манипулировать событиями, обстоятельствами и реальностью» (читай – менеджерами). А в конце предисловия автор цитирует американского политика Малколма Литтла (выбравшего псевдоним «Икс»), боровшегося в XX веке в Америке за права негров:

Власть уважает только силу. Говорят, что в своих выступлениях я накаляю страсти, заостряю проблемы. Это правда. Не могу этого отрицать. Вам может не нравиться то, что я говорю, но вы не смеете отрицать этого. Кто боится говорить правду, тот не заслуживает свободы.

«Власть уважает только силу» – странное заявление для политика, исповедовавшего ислам. Правда, высказывания политиков достаточно опасно вырывать из контекста, но если автор книги это делает, то, наверное, он что-то хочет этим подчеркнуть. Характерно начинается и первая глава книги. Открывает ее цитата из мультика, названная «определяющей идеей»:

Ничто так не побуждает к повиновению, как окровавленная голова на столбе!

Она сопровождается высказыванием самого Макиавелли:

Жестокие, вероломные и неблагочестивые деяния повышают престиж нового повелителя страны, где человечность, верность и религия давно перестали обладать какой бы то ни было силой влияния.

Интерес к творчеству и личности Макиавелли был во всем мире постоянным и своеобразным. Лихие девяностые принесли этот интерес в Россию, и в 2001 году под редакцией Петра Баренбойма вышел сборник статей «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века» со статьей самого редактора, которая называется «Конституционные уроки Флоренции и Макиавелли для России первой декады XXI столетия». Сборник солидный, с обстоятельной статьей председателя конституционного суда России Валерия Дмитриевича Зорькина и богатым приложением в виде обширной библиографии и цитатника.

Много интересного! Можно брать любую цитату и сломать зубы, пытаясь разгрызть орешек смысла. Например:

Макиавелли – это не злой гений, не демон и не трусливый жалкий писака. Это – явление, и не просто итальянское явление, а явление европейское, явление XVI века. Он кажется ужасным, но он таков в свете представлений о морали XIX века.

Виктор Гюго

Что бы это означало?

А в XVI веке представления о морали создавали другой образ Макиавелли? К примеру, у Бальтасара Грасиана? Правда, он называется «первым писателем XVII века», поскольку родился в январе 1601 года, но не думаю, что мораль за это время существенно изменилась.

Андренио, придя в восторг, начал перевозносить шарлатана.

– Молчи, – сказал Критило. – Как? И ты тоже восхищаешься плутнями, не отличаешь ложного от истинного? Кто, по-твоему, наглый этот мошенник? Да это тот самый лукавый политик, по имени Макиавелли, который потчует невежд лукавыми своими афоризмами. Видишь, как жадно глотает их толпа, воображая, что они приятны и истинны? Но, коль приглядеться, это всего лишь мерзость, искусно состряпанная из пороков да грехов: пресловутые государственные резоны – приманка для разины. Мнится, на устах у него невинность, на языке чистота, а изрыгает пламя адово, что истребляет добрые нравы и испепеляет государства. А то, что нам представляется шелковыми лентами, это хитрые законы; ими он добродетели связывает руки – и развязывает пороку. Бумага – из книги, которую он издал и пережевывает; это сплошная ложь и фальшь, обморочившая уже многих. Поверь, здесь все обман, поскорей бы нам из него выпутаться.

Бальтасар Грасиан. Критикон

Хотелось бы и нам из всего этого выпутаться, но джинн выпущен из бутылки и соблазн узнать, какие же уроки преподавал нам Макиавелли, слишком велик.

Много интересного можно найти в «цитатнике». Но некоторые вещи простым людям не очень понятны. Слишком уж мудрен язык «конституционных политиков» и философов. Что бы означал, например, пассаж выдающегося философа, кочующий из одного школьного реферата в другой?

«Государя» надо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинно политического ума, высокой и благородной направленности.

Георг Вильгельм Гегель

Эта «благородная направленность» обычно подчеркивается указанием на несколько общих мест, в которых рефреном звучит тема объединения страны: «Макиавелли мечтал, чтобы Италия была единым и сильным государством», «Макиавелли мечтал использовать государственную власть в интересах объединения Италии».

Но «расшифровка» слов Гегеля дается только в статье Валерия Дмитриевича Зорькина:

Формированию исторического подхода к теории Макиавелли в значительной степени способствовал Гегель. Он высмеивал пустые «морализирования и высказывания различных тривиальностей» по поводу проекта Макиавелли о насильственном объединении Италии.

Далее приводится текст самого Гегеля:

Между тем здесь не может быть речи о выборе средств, гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой. Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, не может быть устранено мягкими мерами противодействия. Жизнь на грани тления может быть преобразована лишь насильственными действиями.

Железо и кровь есть, но об объединении, по крайней мере в этом отрывке, речь не идет. Вообще с распространенным мнением о стремлении Макиавелли к единству Италии не все ясно, особенно если вспомнить его признание:

Что касается единения итальянцев, то над подобной мыслью возможно только смеяться.

Из письма Макиавелли к Веттори от 10 авг. 1513 г.

Цитаты в книге подобраны удачные. Или, лучше сказать, удачно подобраны. Например, из статьи нашего отечественного социолога П.И. Новгородцева:

Клеймо низкого льстеца тиранов и изобретателя системы политического коварства давно уже снято с памяти Макиавелли. Его пламенный патриотизм, его преданность общему благу, его ясное представление о задачах итальянской политики и его неизменное желание подготовить лучшее будущее своему отече-

ству – все, чем он так выгодно отличался от своих современников, – давно уже нашло себе справедливую оценку.

Что бы это означало?

Постепенно я начинаю осознавать, что уже не так Макиавелли меня интересует, как то, иногда забавное, а иногда и пренеприятное новообразование, которое формируется вокруг его имени, некий организм или кристалл, разрастающийся по своим законам. Можно говорить и про стиль этого новообразования. Можно говорить даже о моде на этот стиль. Стиль, имеющий свои характерные черты, свои порождающие элементы. Это обилие красивых слов, не позволяющих зацепиться за здравый смысл, противоречивость многих мнений и использование «бревиатур» – сокращений текстов и мыслей.

Какому «общему благу» был предан Макиавелли, в отличие от «своих современников»? Каково же в итоге «ясное представление о задачах итальянской политики»? Все эти красивые фразы являются заменителями мысли. Если есть мысль, то найдутся и точные слова. Так учит нас сам Макиавелли, опираясь на древних. Но если бы составители сборника позволили себе проследить за мыслью Павла Ивановича Новгородцева до конца, то заметили бы, что сам он был в некоторой растерянности, пытаюсь определить, что же должно было являться задачами итальянской политики.

Но никакие панегирики, никакие превознесения заслуг писателя, никакие указания на продолжающуюся до сих пор практику макиавеллизма не могли заставить забыть, что Макиавелли пытался учить политике, которая являлась печальной необходимостью смутного времени, не сознававшего еще значения нравственных начал и не верившего в силу добра.

П.И. Новгородцев

В «укорачивании» мыслей больше все-таки «повезло», как представляется, Т.Н. Грановскому, но это отдельная тема. Поговорим об основоположниках других учений.

В.Д. Зорькин пишет:

С позиций историко-материалистической методологии К.Маркс и Ф. Энгельс рассматривали учение Макиавелли конкретно-исторически, как выдающееся теоретическое отражение политической практики позднего Возрождения. Основовоположники марксизма отмечали реалистические стороны учения Макиавелли, его новаторский подход к исследованию политических явлений ...

В антологии «Никколо Макиавелли: Pro et contra» содержится статья В. Максимовского «К. Маркс. Выписки из сочинений Макиавелли». Некоторые из них «современны» и хорошо иллюстрируют «новаторский подход к исследованию политических явлений».

...Развращение и малая способность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры.

...Тот, кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех; с другой стороны, тот, кто хочет основать королевство или княжество там, где господствует равенство, не сможет этого сделать, если не нарушит равенства, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами, и притом номинально, а действительно, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, он при их помощи сохранял свою власть, а они при его помощи удовлетворяли бы свое честолюбие.

Третий раз о «Мандрагоре»

*Потом – велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
«Что ж делать?» – закричал с досадою народ.
«Что делать?.. – сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться –
И не мириться, и не драться!..»*

К. Батюшков

После того, как мы начитались отзывов о благородной направленности и новаторском подходе, захотелось высветить одну проблему, чтобы еще раз попробовать разобраться, имеет ли она к нам отношение. Постараемся понять, когда и в каких обстоятельствах была написана комедия.

С одной стороны Микеланджело создает Давида, Леонардо – Мону Лизу, а Рафаэль пишет одну за другой своих мадонн. А с другой стороны – Итальянские войны, приход Карла, сожжение Савонаролы, Чезаре Борджиа и папа Александр VI. Все это кажется какой-то химерой, одним из тех времен в истории, когда люди втягивают голову в плечи и читают Апокалипсис.

Боттичелли под впечатлением от смерти Савонаролы пишет картину «Мистическое рождество».

Она была написана в конце 1500 года во время беспорядков в Италии, мною, Александром, в половине того периода, в начале которого исполнилась глава IX святого Иоанна и второе откровение Апокалипсиса, когда Сатана царствовал на земле три с половиной года. По миновании этого срока дьявол снова будет закован, и мы увидим низвергнутым, как на этой картине.

Сандро Боттичелли

– Батюшка, нельзя так, – застонал Турбин, – ведь вы в психиатрическую лечебницу попадете. Про какого антихриста вы говорите?

– Я говорю про его предтечу Михаила Семеновича Шполянского, человека с глазами змеи и с черными баками. Он уехал в царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра...

– Это вы большевиков аггелами? Согласен. Но все-таки так нельзя... Вы бром будете пить. По столовой ложке три раза в день...

М.А. Булгаков. Белая гвардия

И как раз в тот 1512 год, когда Рафаэль написал свою «Сикстинскую мадонну», происходит трагедия в Праго. Победили Медичи, поддерживаемые испанцами, и за два дня там погибло более четырех тысяч человек. Макиавелли готовился к обороне Флоренции, но его начальник, гонфалоньер Пьеро Содерини, под впечатлением происходящего в предместьях Флоренции уже признал поражение и поручил Макиавелли передать кардиналу Медичи свое решение сдать город. Условием был свободный выезд из города.

Можно считать и так, что Содерини унизил свое звание знаменосца, не предприняв даже попытки сопротивления, хотя его армия не уступала в численности армии Медичи. Первого сентября 1512 года Джованни Медичи и его младший брат Джулиано торжественно вернулись во Флоренцию, став ее полными хозяевами и назначив заведовать справедливостью «своих людей».

Тот – всенародный стяг втоптал во прах,

Тот справедливость сам себе присвоил;

Чей хуже грех – не взвесишь на весах.

Далее происходит реформирование, которое относится к разряду «перетряхивание» (см. главу, которая называется «Типы реформ»). И следить за тем, какова была структура нового правительства, не имеет большого смысла. Сам Джованни готовился к переезду в Рим, а Джулиано стал архиепископом Флоренции.

А дальше все было по Макиавелли. Вскоре был создан заговор с целью убийства Джулиано, в феврале 1513 года он был раскрыт. И в список заговорщиков попал и Макиавелли – второй секретарь бывшего правительства. (Конечно, можно было бы арестовать и без этого, но с заговором и со списком как-то лучше.) Был ли этот список подтасовкой, никто теперь не узнает, но Макиавелли был арестован и ожидал крупных неприятностей. Почему же его освободили? Ведь в те времена не слишком стеснялись разбираться с оппонентами. Дело в том, что у Пьеро Содерини был брат Франческо, ставший к тому времени кардиналом в Ватикане. Тогда он был еще влиятелен и после нескольких дней, проведенных после смерти Юлия II в Сикстинской капелле, дал себя уговорить и обменял свой голос на помилование для брата. Под это помилование попал и Макиавелли.

Теперь посмотрим на даты. Папа Юлий II умирает 21 февраля 1513 года. Нового папу выбирают лишь 11 марта того же года. Двадцать напряженных дней. Можно догадаться, когда же появился список заговорщиков, который и помог «уговорить» кардинала (и, видимо, не только его). По-видимому, в конце февраля. Можно было бы попытаться поискать в архивах Флоренции этот список, чтобы уточнить дату и имена, но не думаю, что какие-либо следы удастся найти.

Нужно сказать, Макиавелли не слишком-то скрывал свое отношение к изменениям во Флоренции. В своем трактате «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» он обсуждает и эти изменения, и поведение Содерини. Смысл первого пассажа состоит в том, что граждане сами призвали испанские войска.

Если бы государство было устроено как следует, то граждане, найдя Содерини виновным, удовлетворили бы свое негодование против него, не призывая испанских войск; если же, напротив, он оказался бы невиновен, они не посмели бы поступать против него дурно, потому что побоялись бы сами подвергнуться обвинению.

Макиавелли. Рассуждения... Книга первая

Ничего не понятно. Ведь испанцев привел и возглавлял сам Джованни Медичи. Но разбираться с этим – все равно, что выяснять, в чем была не права Елена Васильевна.

Елена, тяжело вздохнув, взглядела на часы, помолчала, потом заговорила опять: – Господи, господи! Если бы немцы не сделали этой подлости, все было бы отлично. Двух их полков достаточно, чтобы раздавить этого вашего Петлюру, как муху. Нет, я вижу, немцы играют какую-то подлую двойную игру. И почему же нет хваленых союзников? У-у, негодяи. Обещали, обещали...

Самовар, молчавший до сих пор, неожиданно запел, и угольки, подернутые седьм пеплом, вывалились на поднос. Братья невольно посмотрели на печку. Ответ – вот он. Пожалуйста:

«Союзники – сволочи».

М.А. Булгаков. Белая гвардия

Столь же странным является и раскрытие заговора в 1517 году с целью отравить Папу. В том самом году, когда Лютер решил окончательно порвать с Римом, прибав свои тезисы к дверям церкви Витгенбергского замка. Когда Франциск I одержал очередную победу и происходили многие события, касающиеся и влияния Ватикана, и финансовых дел самих Медичи. И опять в списках заговорщиков был Содерини, но уже не Пьеро, а его брат, ставший кардиналом. Считается, что он признался во всем, умолял о пощаде и получил ее.

Заговор называется заговором Петруччи. Ход этого дела соответствует классическим канонам, и характерные особенности мало отличают его от похожих дел, описанных в знаменитой книге Марио Пьюзо «Крестный отец». В описаниях этого дела фигурируют письма, допросы, признания, но невозможно найти ни одного сохранившегося документа.

После этого и была написана сатира «Мандрагора».

Кто заводит тиранию и не убивает Брута, кто учреждает республику и не истребляет сыновей Брута, тот недолго продержится. Мы уже говорили об этом выше довольно подробно; поэтому я только напоминаю один недавний замечательный случай в нашей собственной истории. Я говорю о Пьеро Содерини, который вообразил, что терпением и кротостью преодолет желание сыновей Брута восстановить прежнее правительство, но жестоко ошибся. Умом он постигал необходимость крайних мер, а судьба и честолюбие этих людей беспрепятственно давали ему случаи избавиться от них, но у него не хватало духа...

Таким образом, он впал в заблуждение по незнанию той истины, что человеческую злобу не укрощают ни время, ни благоденствия. Вот почему он не мог последовать примеру Брута, чем погубил и отечество, и власть свою, и репутацию.

Макиавелли. Рассуждения... Книга третья

И еще не раз человечество будет пытаться победить мизантропов с помощью обмана и жестокости и попадать в одну и ту же кашу. Что же касается Пьеро Содерини, то можно лишь заметить, что в этих делах проигравший всегда выглядит шутком. И нерешительным, и глупым. Совсем как мессер Нича – герой пьесы «Мандрагора».

Глава 5. Циклоны и антициклоны

Как появляются циклоны

Говорят, что великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются.

Великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются — так говорят в народе.

Ло Гуаньчжун. Троецарствие.

Гидрометеорологические аллегории достаточно популярны при обсуждении социальных процессов и в известной степени уместны. Во всяком случае, они иногда впечатляют. Казалось бы, совершенно чистое небо, немного душно, но появляется небольшая тучка, небо быстро заволакивается, и через некоторое время как будто прорвало плотину. Откуда столько воды?

Казалось бы, живут спокойно степные народы, разводят скот, воспитывают детей, образуют селения, расположенные так, что от одного до ближайшего день скакать на лошади. Вроде бы и немного их. И вдруг начинают собираться тучи. И обрушивается на Поволжье, Русь, а затем и на всю Восточную Европу Великий ливень, потоп. Начинается время Золотой Орды.

Как появляются империи? Легче было бы ответить на вопрос – как появляются циклоны и антициклоны. Но пока мы лишь знаем, что как в каждый момент времени на земном шаре сосуществуют пять-шесть, не более, циклонов или антициклонов, так и пять-шесть империй. Как некоторые из этих гигантских вихрей образуются постоянно, в одном и том же месте, независимо от ежегодных погодных колебаний, так и некоторые из империй существуют тысячи лет, несколько меняя свой внешний облик. Некоторые из (анти)циклонов являются «дышащими» объектами (особенно на стадии роста и убыли), вовлекая в область притяжения то большие, то меньшие объемы, точно так же как и империи.

Существование на протяжении тысячелетия идеи Священной Римской империи, которая то превращалась надолго в фантом, то реализовывалась в разных формах, впечатляет. Ее невозможно упразднить декретом, как это сделал Наполеон в 1806 году, невозможно проследить за центром этого псевдовихря – он мигрирует и иногда практически незаметен. Существует множество книг, посвященных этому феномену, с точным перечислением всех носителей короны, их родослов-

ных, дат жизни, имен жен, детей и внуков, но нет никакого объяснения механики. Во всяком случае, мне оно неизвестно.

Как раз в то время, когда Макиавелли начал писать своего «Государя», Священная Римская империя сменила вывеску и стала подчеркнуто называться «Священной Римской империей германской нации». А когда он писал комедию «Мандрагора», Мартин Лютер уже прибил к дверям церкви свои тезисы. Священная Римская империя «сработала», но не в Италии.

Есть закономерности, и есть случайности. Даже если бы Папа Римский не продавал бы индульгенции, боролся бы с коррупцией и был бессребреником – ничего бы не изменилось. Реформация состоялась бы, причем в те же сроки.

Роль личности в истории бывает значительной, значительна и роль Мартина Лютера, но ничего не изменилось бы и в случае, если бы исторические обстоятельства сложились бы иначе, и Мартин Лютер всю жизнь был бы неприметным монахом. Нашелся бы иной Лютер. Реформация как религиозное размежевание явилась не причиной, а следствием распада прежних и появления новых центростремительных сил.

Существовал ли в Италии во времена Макиавелли потенциал, способный создать мощный антициклон, объединяющий страну? Тут, пожалуй, стоит вспомнить «Одиссею» Гомера.

ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП ГОМЕРА: Олигархия не способна создать самодержавное государство.

Не только слово «народность» имеет принципиально «плохо» определяемый характер. Не только слова «демократические преобразования», «республиканский опыт», «участие народа в управлении республикой» вызывают недоумение, как только начинаешь ближе знакомиться с тем, как было устроено управление времен Медичи. Это относится и к другим двум словам, которые употребляются не реже и которые чаще всего воспринимаются в оппозиции, как черное и белое, как мертвое и живое. Это слова «олигархия» и «аристократия». Трудно представить себе большей путаницы, чем та, что вносится в живой организм этими двумя словами. П.Д. Баренбойм цитирует Т.Н. Грановского:

На огромном богатстве было основано могущество Медичи. Но к этому присоединялись личные таланты. От Джованни до Лоренцо – необычайный ряд гениальных личностей. Флоренция гордилась ими перед всей Италией, и надо сказать правду – они царственно покровительствовали искусствам и науке. Можно сказать, что материальные интересы и гордость, более высшая, соединились, чтобы сделать Медичи дорогими для Флоренции.

Николай Рубинштейн в статье «Макиавелли и республиканский опыт Флоренции» (Интернет) высказывает другую точку зрения:

Насилие, которым сопровождалось восстание против Пьеро – сына Медичи – всего лишь через два с половиной года после смерти последнего, заставляет предположить, что правление не пользовалось такой всеобщей популярностью, как об этом писали позднейшие апологеты, а тот энтузиазм, с которым был принят великий совет после 1494 года, подтверждает это предположение.

Какой же смысл в «республиканском правлении» и «достаточно широкой вовлечённости граждан в формирование государственных органов»? Не похоже, что «позднейшие апологеты» сами понимают, как же были устроены «демократические институты» во Флоренции.

Примечательно, что за такой короткий срок в нашем городе произошло столько перемен и переворотов, о которых мы рассказали выше и продолжим в двух последующих главах. Справедливым было определение великого философа, магистра Микеле Скотто, которое он дал в старину относительно судеб Флоренции и которое идет к нашему предмету. Это краткое латинское речение: «Non diu stabit stolidia Florentia florum; / Decidet in faetidum, dissimulata vivet». То есть на народном наречии: «Недолго цвести неразумной Флоренции, она скатится в грязь и будет жить во лжи». Правда, он сказал это незадолго до поражения при Монтаперти, но дальнейшие события еще раз подтвердили истинность этих слов. Наш поэт Данте Алигьери, укоряющий флорентийцев за непостоянство в шестой песне «Чистилища» своей «Комедии», наряду с прочим говорит:

*И Спарта, и Афины, где когда-то
Гражданской правды занялась заря,
Перед тобою – малые ребята:
Тончайшие уставы мастера,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.*

Дж. Виллани. Новая хроника или история Флоренции

ВТОРОЙ ПРИНЦИП ГОМЕРА: Олигархия не способна создать «долгоживущую» систему управления.

*Что ж оказалось? В течение дня она ткань свою ткала,
Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.
Длился три года обман, и ей доверяли ахейцы.*

Гомер. Одиссея

Что же такое «олигархия»?

Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал.

Макиавелли. Государь.25

Коррупция, презумпция, конвенция. Синьория, тирания, демократия. Аристократия, тимократия, этнократия. Из всех слов, оканчивающихся на «я», наиболее романтичным нам кажется слово «олигархия».

Любопытное сопоставление делает греческий философ времен Аристотеля (и, по-видимому, его ученик) Теофраст в своей книге «Характеры». Описывая порочные черты человеческой природы, он дает блестящие и легко узнаваемые характеристики. Крохобор, болтун, бахвал, бесстыдник... – прекрасная галерея типов и типажей. Но вот есть один, который угадывается с трудом.

Это такой человек, который, если народное собрание захочет придать архонту несколько помощников, чтобы они разделили с ним заботу об устройении торжественного шествия, выступит и предложит предоставить им неограниченную власть. И если другие предлагают избрать десять человек, он говорит: «Достаточно одного, но этот один должен быть настоящим мужем». Из Гомера твердо помнит он единственный стих:

Нет в многовластии блага, да будет единый властитель, –

а больше не знает ни одного. И на устах у него всегда такие речи: «Надо нам собраться и все это обсудить, от черни, от площади держаться подальше, не стремиться к общественным должностям, чтобы не сносить от этих людей оскорблений и не принимать почестей» или «Нам с ними в городе не ужиться». Выйдя из дому после полудня, гордо выступает он в своем плаще, ровно подстриженный, с тщательно подрезанными ногтями, и, завывая, как трагический актер, изрекает что-нибудь в таком роде: «От доносчиков житья не стало в городе», и «Какие обиды терпим мы в судах, где недостойные нас судят», и «Удивляюсь я тем, кто участвует в общественных делах. Чего хотят они?»...

Кого-то этот тип напоминает, но трудно подобрать подходящее название по указанному набору характерных черт. Персонаж Теофраста цитирует Гомера. Что ж. Фигура Одиссея, героя гомеровской «Илиады» достаточно впечатляюща.

*Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
аргивянам!*

*Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».*

Теофраст обозначает этот типаж как «приверженность к олигархии». Трудно представить себе среди сторонников женихов Пенелопы или современных олигархов кого-либо, цитирующего слова Одиссея. Правда, Теофраст указывает на то, что ни про Зевса, ни про скипетр, ни про законы речь у женихов Пенелопы не заходит. Также трудно представить себе в этой роли, например, Телемака. Обнаруженные Теофрастом признаки хорошо узнаются, но признаки, указывающие скорее на демагога. Впрочем, для каждой из противостоящих сторон демагога и есть «приверженец к олигархии».

О богатстве

Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех.

Тит Ливий. История Рима от основания города

И на что другое направлены раздумья обоих законодательств – я говорю о праве церковном и гражданском, – как не на борьбу с алчностью, разрастающейся по мере накопления богатств?

Данте. Пир

Причин гибели организма достаточно много – пришло время, слабое здоровье, катастрофа, вирусы, болезни, вызванные вирусами или микроорганизмами и так далее. Каждый раз, когда мы сталкиваемся со смертью, мы переживаем и сочувствуем.

Иногда и закат кровавой имперской звезды вызывает сочувствие, но сочувствие, похожее скорее на мистический ужас.

Что привело Рим к гибели – рабство, разврат, падение религии или Господин вселенной, могущий Рок?

В спектре причин и следствий, создающих такой феномен, как падение Константинополя, ярким пятном выделяется концентрация богатств в одном месте, в одном городе. Индейцы, пытаясь откупиться от пришельцев золотом, сами заманили на свою землю алчность и тем приговорили свою империю к гибели. Александр Македонский никогда не смог бы собрать за короткий срок значительное войско, если бы ему не помогала жажда наживы, почуявшая запах богатств державы Ахеменидов.

Примеров немало, и они достаточно понятны, но мы говорим о Флоренции, и принято связывать ее расцвет с семейством Медичи и «промышленно-финансовыми кругами». Тут другое отношение к богатству и богатства к культуре Флоренции, и это отношение обычно называется «благотворительностью».

Дальновидность этого семейств проявилась в том, что оно поддержало знаменитое восстание чомпи в XIV веке, а также добилось проведения налоговой реформы в двадцатые годы XV века, которая возложила налоговое бремя на богатых и идеологом которой стал Джованни Медичи – отец Козимо Медичи. Сам Козимо истратил из личных средств на поддержку строительства и развития искусств во Флоренции сумму в размере 600 тысяч флоринов, сравнимую с годовым доходом всего города.

Петр Баренбойм. 3000 лет разделения властей

Странная сумма. Очень немалые деньги. Например, Микеланджело за «Пьету» получил 150 флоринов. Но не от Медичи, а от папы Александра VI (Борджиа), который славился своей благотворительностью и богатством. Но известен был не только этим. Поменьше он получил от флорентийского правительства Пьеро Содерини, которое, однако, не было связано с семейством Медичи. Не намного больше принесла ему работа над знаменитой фреской в Сикстинской капелле, выполненная по заказу опять-таки не Медичи. В любом случае «обузы роскошества» ему не грозили.

*Слепая Скупость, низкие Расчеты,
Вы, топчущие естество во прах, -
Вам Чванство шлет всегдашние заботы
О золоте, о землях, о чинах;
Вам Похоть не дает вкусить дремоты,
А Зависть омрачает свет в очах;
Стяжательство вам Истину застлало,
Что срок наш мал и что нам нужно мало.*

Микеланджело

Так кто же разбогател? Может быть, Леонардо, убежавший в Париж? Или Петрарка?

Не терпеть нужды и не иметь излишка, не командовать другими и не быть в подчинении – вот моя цель.

Петрарка

Но сумма впечатляет! Правда, Пол Стратерн в своей книге «Медичи» ищет объяснение в поисках прощения за совершенные грехи.

Да, это может объяснить необыкновенную щедрость Козимо – покровителя искусств, хотя тщательное изучение «libro secreto» убеждает в том, что даже огромная сумма в 660 000 флоринов, которые он потратил на поддержку искусств, отнюдь не равняется всем его доходам. Подсчитано, что Козимо унаследовал от отца где-то около 100 000 флоринов и, при всей своей филантропии, оставил наследникам более 200 000 флоринов.

Каждое государство должно иметь свою аристократию, или элиту, или истеблишмент, или нобилитет, или знать. Каждое из этих понятий не является отчетливым, все они немного разные, и все структурируются вокруг другого неотчетливого понятия – «благородство». Во всяком случае, пытаются притянуть это понятие на свою сторону. Для философа, обсуждающего социологию государства, это понятие – одно из ключевых. Важное место оно занимает в «Диалогах» Конфуция, у греков и у итальянцев эпохи Возрождения. Конечно, описывает свое понимание этого термина и Данте. И его формула звучит более чем определенно.

Богатство – благородства не причина, А подлая личина.

Данте. Пир

Менее философским представляется понятие «благотворитель». Не столько этимология этого термина, сколько практика его применения вызывает интерес с точки зрения социальной психологии. Девяносто процентов людей в России творят благо, однако очень удивились бы, если бы их так назвали. Многие даже обиделись бы.

Примеры богатств, которые росли на благотворительности как на дрожжах, достаточно хорошо известны. Лев Поляков, глава семейства, не уступающего Медичи по влиянию и мощности, начал с небольшого банковского дела, а закончил магнатом, «спонсирующим» содержание царского двора. Благотворительностью занимались в России Арманд Хаммер и Джордж Сорос.

Если олигарх строит себе дворец, то он, конечно, благотворитель, поскольку дает работу архитекторам. Если яхту, то это, конечно, поддержка судостроения. Если квартиру во Флориде, то это, безусловно, поддержка градостроительства. Если покупает ковры и дорогие картины, то, конечно, благотворитель, поскольку дает работу бедным художникам. Если дорогие ювелирные изделия, то таким мастерам, как Челлини. Жизнь олигарха сплошная благотворительность.

Насчет больниц и университета во Флоренции, финансируемых из казны, контролируемой самими хозяевами, хотелось бы узнать поподробнее. По моим сведениям, финансирование там было никакое. То есть никакого не было. Медицина была в руках частных, практикующих врачей. Но тут я могу ошибаться. Может быть, где-нибудь и был построен сарай на случай эпидемий для свезения туда больных и трупов. Как, например, во время чумы 1348 года. Важную роль во время эпидемий играло духовенство, старавшееся поддержать дух и порядок (хотя сам Папа и заперся в своей комнате в том страшном году), но мне ничего не известно о подвигах семейства Медичи. Известно только, что они выезжали на это время из города.

Теперь поговорим про монастыри и церкви, которые якобы строились благотворителями. Строились они, конечно, на деньги прихожан (среди которых могли быть и члены семейства Медичи). Но деньги, поступавшие в церковь, хранились в банках. За право быть депозитарием этих денег, особенно поступавших из Рима (то есть за право «крышевать церкви»), банки боролись между собой, причем эти разборки нередко были жестокими и кровавыми. Например, это относится к жестокому подавлению заговора Пацци в 1476 году.

Вернемся в начало XV века. Иван Клулас в книге «Лоренцо Великолепный» пишет:

Сама синьория теперь была только фасадом власти патрициата, особенно банкиров, которых в 1422 году насчитывалось 72. На смену лидеру олигархического режима Мазо дельи Альбицци, скончавшемуся в 1417 году, пришел его помощник Джинно Каппони. Когда же и он умер в 1420 году, душой кучки магнатов, управлявших республикой, стал крупный делец Никколо д'Уццано. Таким образом, приоры и гонфалоньер подчинялись финансовой олигархии, в которую и сами входили. Они жили по-княжески, держали во дворцах открытый стол. Теперь они получали жалованье в 300 золотых флоринов.

В следующем году гонфалоньером (знаменосцем) справедливости стал Джованни де Бичи, и это вошло в традицию. Каждый раз, когда Медичи возвраща-

лись во Флоренцию, на некоторое время глава семейства становился главным начальником демократии.

*Суди же сам о тех, кто с их грехами
Помянут мной, суди об их делах,
Первопричине всех несчастий с вами.*

*Тот – всенародный стяг втоптал во прах
Для желтых лилий, тот – себе присвоил;
Чей хуже грех – не взвесишь на весах.*

*Уж пусть бы гибеллин себе устроил
Особый стяг! А этот – не для тех,
Кто справедливость и его – раздвоил!*

Данте. Рай. VI

Читатель может найти цитату из книги Клуласа в Интернете и прочитать продолжение про изменение в налоговой системе, про оффшоры и про налоговое бремя. Мы же оставим эту тему, поскольку слово «бремя» грустное и жалостное. Сразу хочется узнать, как там наши, на Кипре. И вспоминается Сомерсет Моэм.

А можно вспомнить и мнение Егора Францевича Канкрин, которое обсуждалось во втором выпуске альманаха «Консерватор» («Конфуций, Рескин и другие об экономике». СПб, 2002):

Нет сомнения, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы для положения преграды слишком великому и неравномерному их накоплению, ... чтобы восстановить нравственность от чрезмерных богатств и дурных от этого последствий, чего ужасающий пример представляют нам римляне в последние времена своего существования.

Этот пассаж цитировался и другими исследователями, экономистами и публицистами со своеобразными комментариями. Например, таким:

Будучи официальным лицом, Канкрин не мог позволить себе резких выпадов против современных ему западных режимов. Даже и при столь мягкой формулировке такой текст мог быть опубликован лишь после выхода Канкрин в отставку в 1844 году. И ему самому, и его читателям было, разумеется, прекрасно известно, что грехи и бедствия Древнего Рима не имели никакого отношения к неограниченному росту капиталов.

Что ж. Есть такое мнение. Могу лишь заметить, что автор этого комментария не обратил внимания на то, что Канкрин, несмотря на простоту используемых слов и простую логику, более похожую на здравый смысл, смешанный с опытом, несмотря на сдержанность в эмоциях, на самом деле был человеком достаточно внимательным и глубоким.

И Древний Рим имел отношение к «неограниченному росту капиталов», и разорение Флоренции в XVI веке, и даже империя Цинн, и уж, конечно, Россия перед революцией. И Россия в девяностые. И не просто, а «первопричина всех

несчастий с нами». Все перечисленные случаи внешне очень различаются, эта первопричина не всегда в одном и том же месте, но инварианты есть.

Впрочем, оставим этот спор и дадим слово самому Данте.

Теперь остается только доказать, что богатства низменны и что они не связаны с благородством и далеки от него...

А для ясности необходимо помнить, что низость любой вещи выводится из ее несовершенства и точно так же ее благородство – из ее совершенства: следовательно, насколько вещь совершенна, настолько она и благородна; насколько же она несовершенна, настолько она и низменна. А потому если богатства несовершенны, то они, очевидно, и низменны. А то, что они несовершенны, вкратце доказывается в тексте, когда в нем говорится: «...но где предел стяжания?» – из чего явствует не только их несовершенство, но и то, что свойства их особенно несовершенны и что сами они поэтому и особенно низменны. О чем свидетельствует Лукан, когда он, обращаясь к богатствам, говорит: «Законы погибли без сопротивления; сражение же затеяли вы, богатства, самое низменное, что есть в природе». Несовершенство их может, коротко говоря, быть обнаружено в трех обстоятельствах: прежде всего – в их непредвиденном появлении; во-вторых, в их опасном умножении; в-третьих, в том, что обладание ими вредно. Но прежде чем я это докажу, надлежит рассеять одно сомнение, которое при этом как будто возникает: а именно, поскольку золото, жемчуга и уголья по существу своему совершенны по форме и по содержанию, постольку, видимо, неправильно утверждать, что они несовершенны. И все же не надо забывать, что, будучи рассматриваемы сами по себе, они совершенны – не богатства, но просто золото и жемчуга, однако, как только они превращаются в собственность человека, они становятся богатством и тем самым исполняются несовершенства. В том, что одна и та же вещь, рассматриваемая с разных точек зрения, бывает одновременно и совершенной и несовершенной, нет ничего удивительного.

Данте. Пир

Релаксационные колебания (системы с медленно накапливающимися изменениями)

Еще более далеко, на первый взгляд, отстоят от вышеуказанной причины техногенные, экологические или природные катастрофы, приводящие иногда и к социальным изменениям. Мы выделим те из них, которые сопровождаются так называемыми релаксационными эффектами. Термин этот, быть может и не совсем удачный для применения в социологии, в механике возник чуть менее ста лет назад и означает быстрый переход системы в другое состояние в момент, когда медленно накапливающиеся изменения достигли критического уровня. Этот быстрый переход мы называем **срывом**.

Приведем характерный пример. Рассмотрим детские балансирующие качели, то есть доску с упором посередине. На противоположных концах доски поставим два ведра с водой. Одно закрытое крышкой, наполненное наполовину, а другое, полное, – открытое, содержимое которого постепенно испаряется. Закрытое ведро будет долго оставаться наверху, и это состояние вполне устойчиво, пока не произойдет срыв и ведро, полное вначале, не отправится вверх. Система переходит в другое состояние, являющееся также устойчивым.

Таким полным ведром, которое долгое время казалось бездонным, является крестьянство в нашей стране. Из этого ведра черпали рабочую и военную силу, использовали в социальных экспериментах, пока не добились того, чего добились. У каждого феномена есть **порождающие элементы**, а есть и **сопроводительные**. К таким сопроводительным феноменам относится болезненный рост мегаполисов в России – больших городов, предназначенных не для детей, а для машин.

Вопрос о том, в чем корень зла, конечно, весьма важен, но ведь мы лечим часто не причину болезни, а следствие. Например, даем таблетки, помогающие снизить температуру, или смазываем раздраженные места мазью. Впрочем, перейдем к более отдаленным временам и более абстрактным событиям.

Когда вы летите летом на самолете через ту часть Средиземного моря, где расположены греческие острова, то даже в жаркий солнечный день можете заметить, что над некоторыми из них висят облака (иногда они почти незаметны), покрывающие своей тенью остров. Как будто пар. Это небольшое количество островов являются заповедниками, где сохранилась густая растительность. Пар защищает землю. Когда-то бурная, густая и высокая растительность покрывала сушу и пар покрывал землю почти полностью. Постепенное уменьшение зеленого покрова привело к накоплению изменений и срыву в системе. Произошло ли это в самом деле, произошло ли это в тех масштабах, о которых нам говорят древние источники, и если произошло, то когда – об этом пусть судят ученые.

Яркий пример – минойская цивилизация. В горах Крита был расположен дворец Миноса, который обильно (во всяком случае достаточно) снабжался водой из естественных источников – родников и небольших речек. Естественным насосом, подводящим воду наверх, служила почва и мощные корни деревьев, окружавших дворец и растущих по склонам гор. Стволы этих деревьев использовались для строительства дворца и обустройства прилегающих территорий, для укрепления берегов и постройки кораблей, потребность в которых все возрастала. Жители Крита и не стеснялись использовать стволы деревьев, по сравнению с которыми строевой лес покажется травкой.

Накапливающаяся ошибка постепенно приводит к тому, что вода перестает подниматься по склонам гор и через некоторое время спуститься вниз становится легче, чем постоянно испытывать проблемы с водоснабжением. Дворец пустеет.

Сейчас склоны гор на Крите покрыты кустарником, который лишь удерживает верхний слой почвы, не способный быть ни губкой, ни насосом. Почва предгорий очень хороша, это так называемый краснозем, который ценится местными крестьянами. Печально смотреть, проезжая вдоль берега моря, как экскаваторы огромными ковшами раскапывают эти предгорья, чтобы вывезти краснозем на

поля. Нешадно вырубались в свое время ливанские кедры – слишком их было много. Похожий процесс происходит и в России.

Аналогичная схема действовала и в Карфагене, примерно в ту же эпоху действовала и в Египте. Быть может, процесс облысения поверхности земли происходил бы и без посредничества человека, кто знает? Быть может, остров Пасхи остался бы лысым и без участия человека. Но трудно себе представить долину царей в том виде, в каком она предстает сейчас. Считается, что смысл захоронения в пустыне состоял в предотвращении грабежа. Странно тогда видеть такую концентрацию захоронений высокопоставленных лиц в одном месте для того, чтобы избежать грабежа. Но еще более странно приписывать мысль о грабеже будущей гробницы фараону цветущей страны. Фараону, который хочет, чтобы его похоронили тайком, в пустыне, в обожженной глине, трудно претендовать на создание вокруг себя божественного ореола.

Храм строился в стороне от могил, это понятно. Аналогичные захоронения были и у китайских императоров. И там заметно, что пейзаж места захоронения тщательно выбирался.

Красивым был пейзаж и в долине царей. Морфология ландшафта хоть и изменилась с тех пор, но позволяет предположить, что это была долина небольшой реки с красивым водопадом, поросшая лесом, богатая флорой и фауной. Туристы, купающиеся в Красном море и радующиеся разноцветным рыбкам, пока еще доставляющим удовольствие своей игрой в воде, могут быть уверены, что птицы, обитавшие в этой долине когда-то, были не менее красивы.

Оставшиеся кое-где жидкие стада жирафов и слонов – большие фабрики по переработке органики – защищали почву окраин леса от эрозии. Навозные жуки были рабочими на этой фабрике и когда-то сумели удержать почву Египта от полного окаменения. Но надолго удержать ситуацию они не могли.

Сейчас наука продвинулась столь далеко, что остановить наступление Сахары и оживить ее пески не было бы проблемой при желании. Но как сделать, чтобы у нее появилось желание? Наверное, нужно обратиться к науке. Как? Легче обратиться к самой Сахаре.

Глава 6. Антимакиавелли и патриотизм

Ибо никогда о человеке не судят по его словам, но всегда согласовывают его речи и действия, и после такого сравнения обман и притворство, как правило, становятся явными. Следовательно, для государя лучше всего оставаться самим собой.

Фридрих II. Антимакиавелли.

Человек склонен скорее осуждать, чем хвалить, заметил Пушкин, ссылаясь на Макиавелли. Когда Макиавелли осуждают, все ясно. Когда хвалят – ничего не понятно. Наша мудрость весьма часто строится от противного. Конечно, как всегда многое зависит от точки зрения.

Макиавелли представляет наш мир как подобие ада, в котором все люди прокляты. Хотелось бы заметить, что такой подход имеет целью столкнуть все человечество в яму одной только ненавистью, и предполагает уничтожение добродетели с предполагаемой целью перекроить наши души по образу и подобию своей.

Фридрих II. Антимакиавелли

В 1836 году в журнале «Современник» в том самом номере, где впервые были напечатаны строки «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», появилась и небольшая заметка Пушкина под названием «Вольтер».

В этой заметке встретились Екатерина II, Фридрих II, Вольтер и господин де Бросс, менее знаменитый, но известный писатель и политик.

Вряд ли Пушкин стал бы приглашать из небытия тени великих людей, ради того, чтобы пожаловаться на шутовской кафтан. Несколько легких и метких характеристик сами по себе интересны, но к нашей теме имеет отношение другая история, соединяющая те же замечательные персонажи.

В сравнительно молодые годы, став королем Пруссии, но еще не став ни Великим, ни Северным Соломоном, Фридрих II публикует трактат «Антимакиавелли». Ныне благодаря Интернету читатель сам может оценить достоинства этого произведения, хотя по публикуемому там переводу трудно понять, какие изменения в текст вносил Вольтер, являвшийся литературным (и, видимо, не только литературным) редактором. Пушкин знал об этом произведении, но не знали его читатели «Современника», как не знали они и о самом Макиавелли, поэтому разговор о нем не заходит.

Кроме «Антимакиавелли» Фридрих написал множество писем, несколько трактатов и полезных наставлений. Писала и Екатерина. Иногда кажется, что пером Фридриха.

Одно из этих наставлений Екатерины известно как наставление внукам. Там, в частности, говорится:

– Недостойные принципы и злое лукавство не должны иметь доступа к вашему сердцу. Великие люди чужды двоедушия: они презирают связанные с этим низости.

Следует подчеркнуть, что несмотря на сохранение структуры трактата «Государь», Фридрих рассматривает тезисы как бы «в другой плоскости». Защитники Макиавелли утверждают, что он это делает с известной долей лицемерия, используя при этом критикуемые принципы.

На это можно возразить, во-первых, что хорошо бы уточнить, о чем идет речь. Во-вторых, непонятна логика. Людей, которые не грешат, не существует (за единственным исключением), но это не означает, что грех нужно возводить в принцип. В-третьих, судить людей вообще занятие неблагодарное, а монархов – еще и трудное.

Не злоба к мизантропам; но добродетельное отношение и бесстрашие по отношению к ним несомненно принесут пользу; вы наделите своих подданных присущими вам добродетелями, соседи захотят подражать вам, а человеконенавистничество постепенно потеряет свою силу.

Фридрих II. Антимакиавелли.

Кем был Фридрих для всей Гольштейн-Готторпской линии династии Романовых, трудно сказать. Воспитателем, суфлером, легкой тенью или просто личностью, своим примером оказывающей воздействие, но влияние его заметно. Даже внешне он сравнивается постоянно с российскими императорами, начиная с Екатерины. Оба были вторыми и оба великими. Оба беседовали с Вольтером. Оба были образованы, много читали и оба писали наставления. Оба были полковниками.

Правда, чаще Фридриха Великого сравнивают с внуками Екатерины, прежде всего с Николаем I. Обоих прозвали «солдафонами», «палочниками» и «фельдфебелями». Оба хорошо знали несколько языков, любили простоту, порядок и умеренность. Похожи даже анекдоты о том, как императоры инкогнито посещали небольшие трактиры.

Но вернемся к Данте, Макиавелли и конституционной монархической утопии. Перед нами, начиная с Марии Сквиронской, полная галерея «генрихов седьмых»: от и до. До каких?

Дело в том, что так вопрос не стоит. Разбирать по косточкам императоров России полезно историкам, но сторонников Макиавелли этот разбор вряд ли заставит переметнуться в другой лагерь. Спор Данте и Макиавелли относится к роду таких споров, которые особенно часто встречаются в политике, и в которых нет надежды на то, что один из участников сможет с помощью убеждений переманить на свою сторону кого-либо из оппонентов. Сам спор является лишь оформлением непримиримого противостояния.

Сколько раз мне выпадал случай восславить отечество, я всегда делал это с охотой, невзирая на труды и опасности. Ибо нет у человека большего долга в жизни, чем долг перед отечеством, от коего зависит первым делом само его бытие, а затем и всякое благо, отпущенное ему судьбой и природой, и долг этот еще возрастает для тех, кому выпало родиться в благородном отечестве. Поистине, кто умыслом или на деле делается врагом отечества, того по заслугам именуют отцеубийцей, пусть бы даже он претерпел от отечества обиду. Ведь если нечестиво поднять руку на отца и мать, какова бы ни была причина, то куда нечестивее терзать отечество. Ибо нет обиды, которая давала бы право оскорбить отечество, твой долг – быть ему признательным за всякое благо, так что, случись ему удалить от себя часть граждан, ты должен скорее поблагодарить его за оставленных, нежели предавать поношению за тех, кого оно отравило прочь.

Макиавелли. Речь, или диалог о нашем языке

Резкая инвектива в адрес Данте, хоть и ослабленная известным эпатажным признанием автора.

... потому что с некоторых пор никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, если же мне случается сказать правду, я скрываю ее под таким ворохом лжи, что ее и не сыщешь.

Н. Макиавелли к Ф. Гвиччардини. 17 мая 1521

Другого рода патриотизм был характерен для Данте.

*Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!*

*Здесь доблестной душе довольно было
Лишь звук услышать милой стороны,
Чтобы она сородича почтила;*

*А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.*

Данте. Чистилище. VI

Что ж! Каждый из этих разных и нетривиальных людей по-своему любил Италию.

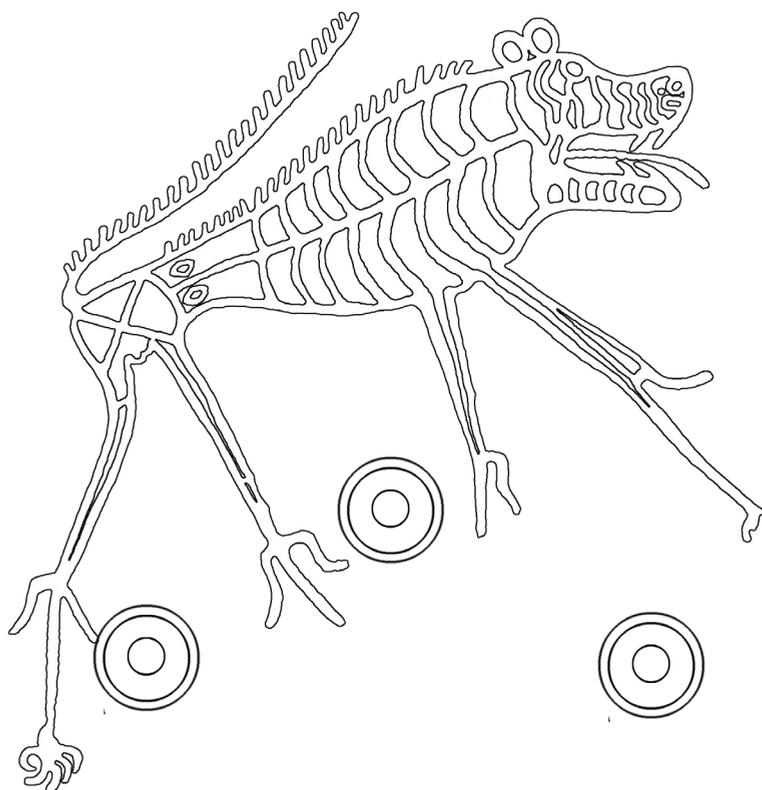
А.Л. Неучев

**РОДОСЛОВНАЯ
ЧИСЕЛ**

*«В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...»*

*А.С. Пушкин,
«Руслан и Людмила»*

Образ счисления времени, созданный наблюдательной астрономией ранней древности. 24 щетинки хвоста – число часов в сутках. 24 щетинки хребта указывают на деление года 12-ю возрастаниями и 12-ю убываниями Луны, как и в календаре Индии. Два ряда по девять сегментов туловища соответствуют 18-ти декадам, разделяющим дни равноденствий, дни солнцестояний. Минус 18 лет и чуть менее 18-ти дней (сарос), затмения Солнца и Луны повторяются в одинаковой последовательности. Разделенный на четверти круг тазового сочленения учитывает разницу в четверть суток между годом календарным и годом сидерическим.

Южная Хакасия, Окуневская культура, начало II тысячелетия до н.э.
Часть петроглифа-диптиха. Экспозиция Государственного Эрмитажа

Глава шестая. Число «Пять»

А у царевны была любимая собачка. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, привяжет собачке на шею; та побежит, куда надо, да ещё и ответ принесёт.

*Русская народная сказка
«Никита Кожемяка».*

*Рис. 6.1. Фигурка Зевса на египетском иероглифе «пет» (небо).
Бронза. Середина V в. до н.э. Афины.
Национальный музей.*

В пифагорейской мере самого мудрого число «Пять» указывает на ресурс миросложения, называемый свойством связи. Свойство связи неразделимо с пребывающим, и по сему называется свойством атрибутивным. Свойство связи – условие сложения и движения пребывающего, условие его осознаваемости и отображаемости. Проявляется свойство связи в бесконечном множестве процессов и явлений. Представления о действии свойства связи моделируются в покровах разных образных форм. Примеры – завязка мешка с ветрами на корабле Одиссея, звёздные предназначения, собачка царевны в народной сказке...

Пифагорейцем Филолаем¹ для указания на ресурс миросложения, обозначаемый числом «Пять», использованы термин «качество» и образ «цвет». Окрашивание – модель такого проявления

свойства связи, как действие информации². Уподобление действия информации пропитке ткани или пряжи смежно с отображением свойства связи спряденной нитью³. Латинское название нити *filum* одного корня с именем Филолай и с названием «философия», данным нити премудрости, обретаемой и через опыт.

Нить – аллегория общей цели разнокачественных действий многих людей, а на другом уровне кодирования – общего русла их мышления⁴. С результатами раде-

¹ Филолай (Филолаос) из Кротона. Род. ок 470 г. до н.э. Беседовал с Платоном в 388 г. до н.э. Первым опубликовал учение пифагорейской школы (трактат «О природе»).

² Сравни. словарные синонимы «обезличивать» и «подгонять под один колер».

³ Сравни. бечёвочные иероглифы Древнего Египта (рис. 5.40) и образ «вервь Аллаха», за которую Коран призывает держаться братьев-мусульман (сура 3 «Семейство Имрана», аят 98 (103)). Спряденная нить размещалась в святой святых шумерских храмов.

⁴ Движение умов, подобное движению воды в реке, обозначает существительное «соборность». Как и образ спряденной нити, оно относится к общественной мысли и жизни.

Хадисы Пророка

По свидетельству Абу Хурейра (да будет Аллах благосклонен к нему!), который нам передал:

Когда Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) вел беседу, к нему подошел человек и спросил: когда наступит Последний День (Конец Света)?

Пророк ответил: когда будет утрачено понятие чести¹, ждите прихода Последнего Дня.

Пришелец спросил: а каким образом будет утрачена честь? Пророк ответил: когда правление (страной) будет доверено негодным людям, тогда-то и ждите Последнего Дня.

Бухари

1. Русское слово «честь» вбирает весь комплекс таких составляющих понятий, как честность, неподкупность; чувство долга; принципиальность; понятие совести и т. п.

ХАДИС 66

66 - عن أنس رضي الله عنه:

عن رسول الله ﷺ: «يَبْتَعُ الْمَيْتَ ثَلَاثَةَ: أَهْلَهُ وَمَالَهُ وَعَمَلَهُ، فَيَرْجِعُ اثْنَانِ وَيَبْقَى وَاحِدٌ: يَرْجِعُ أَهْلَهُ وَمَالَهُ، وَيَبْقَى عَمَلُهُ».

(رواه البخاري ومسلم، واللفظ لمسلم).

127

Рис. 6.2. Восьмиконечная звезда «Во славу Аллаха», прообраз которой – двойная звезда Сириус, и зеркально отражённый египетский иероглиф со значением «небо» в колонтипулах сборника хадисов пророка Мухаммата.

ния пряж и ткачих с куделью и кроснами (ткацким станком) и с воздействием на понимание сочетается значение «красильщица» имени Фатима дочери пророка Мухаммата. Значение «красильщица» сопрягается с образной моделью Филолая⁵. Заметим, что пряжа, ткань обуславливают существование операции окрашивания. Окрашивание по отношению к ним – номер второй.

Фатима – мать потомков Пророка, делами явивших и распространивших программный геном ислама. Смысловое ядро ФТ имени Фатимы, славной предками и потомками, во многих языках – *сильное воздействие*. К пифагорейской (окрашивание, оцвечивание) и сказочной (выделка кож) моделям воздействия на сознание добавим модель суфийскую: родительскую затрещину. Её благомысленное воздействие упорядочивает категориальный аппарат юного жителя дома Пророка помимо звуков и букв⁶. К наименованию

Умов много, у каждого своя траектория, не всегда простая, но есть и стройная траектория общая. Как только исчезает соборность, согласное движение умов, – страна становится градом обречённым. В этой связи раскрывается смысл прорицания царю Ниневи о том, что страна падёт, как только река отойдёт от города. Для согласного движения умов в селении с названием Россия трудились многие. Например, авторы градостроительного плана Петербурга, А.С. Пушкин, государь Николай Павлович...

5 Образным аналогом воздействия на сознание может служить как окраска пряжи и ткани, так и выделка кож. Чем и известен изначально Никита Кожемяка, победитель докучавшего Руси Змея. Перед боем со Змеем герой обмотал себя верёвками, пропитанными смолой.

6 Фольклор, мифология, искусство не проходят мимо значения сигнала слабого. Образ сигнала слабого в сказке о репке – муха, прилетающая за слушателем или слушательницей сказки. Репка вытаскивается только с их участием. Образ слабого сигнала в мифологии Шумера – советы Ана, старейшины шумерского пантеона. Слаб сигнал подносимого «Шоколадницей» живописца Жана Этьенна Лиотара (рис. 6.49). Слабый сигнал часто

«Пять» числа, кодирующего вселенский параметр связи вкпе с сильным воздействием, ближе звучанием произнесение Патимат имени Фатима во внутригорном Дагестане.

Лексическую метку сильного воздействия (ФТ) ПТ содержит в своих именованых группа фигур. Все они представляют модели, концепции, с помощью которых осуществляется управление. Faith (англ.) – вера. Фитрат Аллаху – название природной предрасположенности человека к вере в Бога. Верования управляют течением мыслей и содержанием действий миллионов людей. Отображение сильного воздействия – идиома «быть под пятой». Пернатый творец Древнего Египта златоуст Птах дал начало миру словом, излетевшим из его уст. Слово выразило мысль, возникшую в сердце Птаха. Мысль предваряет слово в мемфисской мировоззренческой доктрине. Слово в ней – номер второй по отношению к мысли. Но и сама мысль причинно обусловлена. Она возникает на фоне некой меры, доктриной подразумеваемой.

С многомерным импульсом объемлющего и сильного воздействия в египетских построениях сопряжён также иероглиф «Пет», обозначающий небо. На его «лавочке» в греческой пластике стоит Зевс (рис. 6.1), изготовившийся метнуть молниеносный снаряд. Молния Зевса – образ сильного воздействия на нарушителей законов мироздания и правил поведения, существовавших до формул шариа-та. Египетским иероглифическим знаком неба «пет» прообразованы колонтитул сборника хадисов (рис. 6.2) и форма глаголической буквы с имясловом «Твёрдо» (рис. 4.19, «Консерватор» №4).

В сказке А.С Пушкина ясновещий золотой Петушок зорко стережёт с высокой спицы границы царства Дадона (рис. 1.6 «Консерватор» №3). На Центральной Яве паго – название башенок, устрояющих защитный экран вокруг грандиозного индуистского храмового комплекса Прамбанан. Любопытным туристам переводят «паго» значением «гвоздь⁷». Гвоздь, служащий механической связью, родственен большим отношением

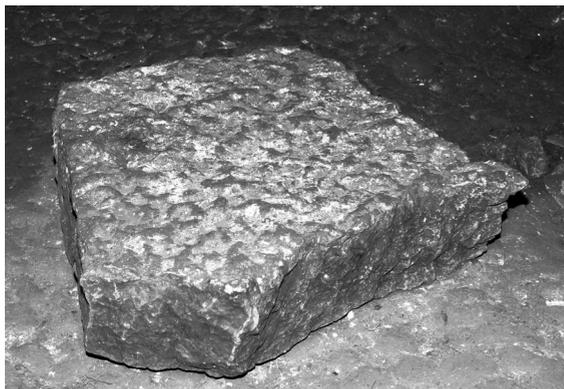

Рис. 6.3. Число «Пять» обозначает коммуникативные объекты давно. Пятиугольный камень в начале коридора с ходами Исиды и Осириса в пещере Ямазы-Таи (рис. 6.4). Подобным пятиугольником обозначен и такой коммуникативный орган, как ухо Зевса (рис. 4.16). Пещера, планом схожая с Ямазы-Таи, изображена на боку быковидного верховного бога Эллады.

заставляет сожалеть о невнимании к нему. Слабый сигнал воспринимает героиня сказки «Принцесса на горошине».

⁷ Гвоздь в пяте медного стража Крита Тала запечатывал его единственную жилу с божественной кровью ихорой. С точки зрения механики гвоздь, колёсная спица и опорная пята – связи.

длины к диаметру сказочной спице, стволу пушки и стреле. Стрела несёт в себе и символику воздействия, лишаяющего активности, и символику мысли, устремлённой к цели, к будущему состоянию.

К группе форм со смысловой меткой *сильное воздействие* принадлежит сура «Аль Фатиха», открывающая Коран. Фитá – славянский имяслов буквы Ф. Буква – символ необходимости связи жизни с Божественным замыслом о ней. Без связи его сигналом люди, их дела и страна рассыпаются, как листы книги с истлевшим переплётом. В священной Илиаде Фетида – имя сереброногий⁸ матери героя Ахилла, вещи дочери морского старца Нерея. У древних ирландцев fáthi – наименование провидца, обладателя верховной меры понимания. С сильным воздействием ассоциируются однокоренные существительные «фатум» и «витийство».

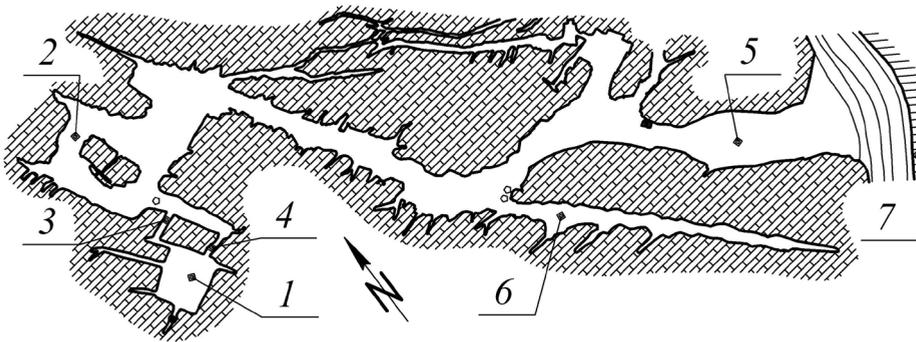

Рис. 6.4. План пещеры Ямазы-Таш сродни представлению о внешнем виде Дракона Китая.

1 – Капелла Исиды. 2 – Кольцевой зал с опорным столбом в середине. 3 – Ход Исиды на четырёхметровой высоте. 4 – Ход полоза Осириса на уровне пола. 5 – Входная галерея. 6 – Туник химер «прямого пути». 7 – Пойма и русло реки Сим с водой реки Гамазы. Показаны также пятиугольные камни (рис. 6.3), обозначающие выход и коридор к капелле Исиды.

Лексическая фигура ПТ (ФТ), обозначающая общее свойство разновидного соотносит с сильным воздействием евангельские сюжеты. Фатни – название яслей, кормушки для скота⁹, куда был помещён младенец Христос. Значения «погружение», «омовение» греческого слова βαπτισμα (баптисма) в переводе новозаветном – «крещение». Крещение – вторичное название праздника Богоявления¹⁰. Основная метрика, смысловая опорная **пя**та Богоявления те же, что в мемфисской доктрине. Это приём и передача настоящему и грядущему «программного» Господнего благоволения (Лк. 3:22), содержание этого грядущего определяющего.

Сосредоточимся на коммуникативном характере числа «Пять». Характер, манифестирующий действие свойства связи, прослеживается в древнейших преданиях и знаках. Пятиугольные камни в святилище Ямазы-Таш обозначают её важ-

8 Сереброногая богиня Фетида и козлоногий копытный бог Пан (рис. 5.72) неуязвимы для заноз. Заноза в стопе – древняя аллегория поражающих факторов, препятствующих движению. В том числе движению общества к должному содержанию будущего. Образ искажённой ментальности – проколотые стопы Эдипа трагедий Софокла.

9 В текстах Древнего Египта люди – скот бога Ра.

10 Отнесём к сильному воздействию погружение в прорубь в канун Богоявления.

нейшие ходы сообщения. Это незаметный выход из пещеры и ход из кольцевого зала святилища к капелле Исиды (рис. 6.4.). Пятиугольником, подобным камню рис. 6.3, помечено ухо Зевса на критской фреске (рис. 4.16). Ухо – орган коммуникативный. В эпосе о Гильгамеше (табл. XI) в *пятый* день вычерчен план спасительного корабля-куба, принявший в себя «семя душ всякое». Корабль – средство коммуникации.

В теогонии и космогонии Древнего Египта, с числом «Пять» сопряжён образ богини Небетхет. Значение её имени – *Владычица дома* (хет – хата). Небетхет – капитан ковчега «Будни», разгребаящего волны житейского моря и сопрягающего небесное и земное (сравн. Фита Θ) под кровом жилища. Небетхет (Нефтида, ранее Нептиса, сравн. Фатима и Патимат) родилась в *пятый*, последний из дней, «что над годом» в древнеегипетском календаре.

На просторах святоотеческих близкий, простой и овевающий чувством образ коммуникативного параметра миросложения «свойство связи» – перекрёсток троп, дорог. Перекрёстки дорог российских и странствующих по ним оберегали часовни Параскевы Пятницы¹¹. В изображениях деревянной скульптуры русского Севера руки вещиц предуказательницы Параскевы находятся в положении, при котором осмотру пряхи.

Признак связывания свойств в комплекс присущ примерам выражения класса эквивалентности числа «Пять» в аспекте математическом. Пять компонентов-«душ» выделяет теория личности Древнего Египта¹². Пять дхарм-скандх, присущих человеческому восприятию и психотипам «Я», «отвеивают» школы мысли индуизма и буддизма. Скандха «рупа» очерчивает ощущения и органы восприятия. Скандха «ведана» охватывает горизонт эмоций. Скандха «санджня» – это уровень становления представлений. Скандха «санкхара» имеет в виду горизонт ментально обусловленных побудительных мотивов. Здесь стимульное поле побуждений содержит наклонности, кармические импульсы, волю. Скандха «виджняна» подразумевает работу ума и меру понимания, выражающуюся в предвидении и в восприятии скрытых причин происходящего¹³. С пятью градациями

11 Перекрестия дорог и часовни при них находятся в отношении подобия с крестовидным созвездием Осириса Сах (Орион) и звездой Септ (Сатис, Сотис, Сириус) его супруги Исиды (рис. 5.33). Созвездие Осириса и звезда Исиды прообразуют архитектурно-планировочные решения многих культовых сооружений. Звезда Исиды Сириус определила, например, место колоколен и минаретов по отношению к соборному зданию. Сходному с Орионом.

12 На сущность человека указывают его имя **Рен**; статус **Ах** (свет на него проливает сущительное «ях» цезского языка, обозначающее совесть); комплекс **Ба**, зовущий человека «в страны небес и земли» (Ба излетает из тела по смерти и возвращается в мушью для вечной жизни); **Ка** – восприятие в глазах других (сравн. вопрос «какой?»); тёмным силуэтом изображалась **Шуит** (сравн. силуэт на обложке). В языке древней правды её уничтожение следует как наказание за грехи. Отзвуком египетской теории личности является множественное число вежливой формы обращения «**Вы**» в русском языке.

13 Предвозвещение, прорицание – значение имени святой Параскевы Пятницы. «Дух пророчества» – признак принадлежности к «братству имеющих свидетельство Иисусово» (Откр. 19.10). В другой школе мысли дар проникновения в ненаблюдаемые связи и суть вещей носит наименование «**барака**». **Аварга** – наименование пророка Мухаммата в Да-

информационного состояния «Я» в индуизме и буддизме сочетаются и типы психики, и российская школьная пятибалльная шкала оценки знаний учащихся.

Рис. 6.5. Фрагмент архитектурного ансамбля императорского дворца Гугун в Бэйцзыне (Пекине). Дворец для правления государственными делами и для совершения торжественных церемоний занимает площадь в 72 гектара.

В ансамбле императорского дворца Гугун в Пекине (рис. 6.5) пять мраморных мостиков символизируют пять добродетелей, ведущих к Воротам высшей гармонии (Тайхэнэнь). Мостики перекинуты через Цзиньшуйхэ – Реку золотой воды, пересекающую внутренний двор. Конфуций, представляющий философию, служащую эволюции мира на началах совершенства, называет её основаниями и основаниями гуманности *почтительность, великоду-*

шие, искренность, сметливость и доброту (XVII.6). Индуистский хранитель мироздания Вишну пребывает в золотом дворце, окружённом долинами пяти озёр. В нравственном суждении В.В. Маяковского, с будущим человека роднят – *радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью (Баня. VI действие)*. В описании Луцием Апулеем процессии высших служителей таинств пятый из них несёт золотую веялку, наполненную лавровыми листочками¹⁴. В одной группе с перечисленными объектами ментального характера оказывается величественный щит первого между героев – Ахилла, сработанный из пяти листов и художественно оформленный богом Гефестом.

Идеи связности действующих начал в комплекс выражены пятичленной титулатурой царей Египта; пятью богами, рождёнными богиней неба Нут в пять дней, «что над годом», и звёздным знаком Льва, пятым в Зодиаке. У восточной стены храма Джуконг, буддийского Храма Господина в Лхасе, расположена статуя Будды Бодхисатвы, спасителя людей и богов. Выполнена статуя из пяти драгоценных веществ земли и пяти драгоценных веществ неба. Храм – трёхэтажный дом-колодец с четырьмя крышами. Пять столпов веры («аркан ад-дин») насчитывает ислам¹⁵. Пятибуквенная комбинация, единственная в Коране, открывает суру

гестане. Провидицы божественного знания в Ведах – мудрецы риши.

14 «Золотой осёл». Книга одиннадцатая. II. М. ЭКСМО 2000. Провеивание – функция итерирующая, присущая репетиционному процессу, курсу массажа, обучению. Работа итерирующей функции смоделирована скандхами и сказкой «Иван-царевич и Серый волк». Итерация – ряд последовательных приближений к должному состоянию.

15 1. Формула исповедания (ташахуд): «Нет божества, кроме Бога Единого, и Мухаммат – Его посланник». 2. Молитва (салат). 3. Пост (саум). 4. Милостыня (закят). 5. Паломничество (хадж).

19 «Марйам». Протеза из пяти букв сочетает суру о рождении пророка Исы с событиями в пятой долине Дуата. В долине, считающейся сердцем Дуата и резиденцией бога Сокара, начинается возрождение Солнца («Консерватор №5», рис. 5.45). В техносфере в состав базового комплекса свойств конструкционных сталей входят пять показателей: предел прочности, предел текучести, относительное удлинение, относительное сужение и ударная вязкость.

В производной от Вед брахманской школе санкхье информация, представляющая свойство связи, – основа и структурированности целостностей, и их организованности в иерархию. Санкхья указывает на пять органов восприятия, пять органов действия; на пять тонких элементов-потенций: звук, осязание, цвет, вкус и запах; на пять элементов, называемым обычно стихиями: акаша (эфир), воздух, огонь, вода и земля. Ум (манас, сравн. щит Ахилла, самадхи-йога), решая вопросы управления, интегрирует данные и преобразует их спектры в восприятие и оценку объектов. В утвердительное суждение о них.

Есть в санкхье положение о страданиях телесного бытия. В рассказе евангелиста Иоанна ему изоморфно великое множество больных в пяти ходах купальни (И. 5:2). Освобождение от страданий в объяснении школы Южной Азии достигается таким чином самоутверждения, как бесстрашие по отношению к внешнему миру. В повествовании Иоанна чтобы исцелиться, нужно первым окунуться по возмущению ангелом воды. Условие «первым» – код «эксклюзивной» идеи о пути блаженства культа «Моё». Оно извещает и о своеобразном завершении скольжения нравственного суждения. Не только в Иерусалиме.

Продолжим выборку, удостоверяющую, что числом «Пять» кодируется свойство связи, моделью египетского мифа об Исиде и Осирисе. Это миф о любви и о том, «что такое хорошо и что такое плохо». В мифе блюстителем жизненного предназначения и механизм действия свойства связи олицетворяет бог Анубис.

Первородное египетское имя Анубиса – *Инну*. Имя *Инну* сына богини Небетхет (Нептиса, Нефтида), родившейся пятой, созвучно со словом «информация». Уже отмечалось, что созвучие в разных лексических формах может указывать на их смысловую связность. На их принадлежность к одному множеству, элементы которого согласует одна фоновая функция. В нашем случае эта фундаментальная функция – свойство связи.

Рис. 6.6. Утомленный трудами Бог Забазиус (Фракия, сравн. Зевс, Сива) на фоне кисти руки – коммуникативного органа, символизирующего верховное управление существованием и взаимосвязями комплекса природных форм. В Греции культ Северного Причерноморья с V века до н.э. Экспозиция Помпеи. Бронза. Британский музей. Лондон.

Рис. 6.7. Средний Египет. Деревянное изображение бога Инпу (Анубис) периода Птолемеев. Кисти рук бога некрополей – в положении успокаивающего массажного приёма. Около 300 года до н.э. Высота 72 см. Hildesheim, Pelizaeus-Museum.

В искусстве Древнего Египта бог Инпу изображается или псоглавым человеком, (рис. 6.7) или остроухим псом¹⁶. Свойство острого слуха собаки и тонкого собачьего обоняния – образная аналогия инструментария, соединяющего мысль и деяние с причинной областью. Это её существование и сигналы обуславливают рождение мысли и появление прорицания. В славянской заставной буквице «Есть», обозначающей число «Пять», зримо изображение органа слуха и кисть руки (сравн. рис. 6.6). Центральное место в инициальной буквице «Есть» Евангелия из кремлёвского Чудова монастыря занимает остроухая собака (рис. 6.31).

Аромат – частая аллегория сигнала порождающей области причин. Вероятно потому, что оба не всегда осклазуемы. Значение «запах», «аромат» имеет латинское название причины *causa* (сравн. условие). «Ноздри Ра» – эпитет бога Нефертума, предстоящего великому богу Ра и ответственному за красоту и расширенное воспроизводство в природе. К аллегории собрания благоуханий обращается Дионисий Ареопаг, обрисовывая миросложение. Долгоносы ибис, священная птица египетского бога мудрости Тота, и куклы, изображающие индуистских божеств (рис. 6.14). Ин-

донезийским скульптором подчёркнуты уши, глаза и ноздри Индры (рис. 6.8). Ноздри проработаны на скульптурных портретах Древнего Египта, выделены пластикой Верхнего Прикамья (рис. 6.9), подчёркнуты у Христофора Псеглавца в храме Богородице-Успенского монастыря в Свяжске близ Казани. Сомкнутые ноздри – знаковый элемент удивительного каменного портрета бога в пещере Ямазы-Таш на Южном Урале (рис. 6.25).

След отображения причинной области ароматами и признак связи с ней благородного *Сирано* де Бержерака – его преувеличенный нос. В сказании о птице Феникс её возрождению предшествует вдыхание ароматов. Аромат как отображение порождающего пространства причин – скрытая суть сюжета восточной живописи с изображением цветущей ветви дерева.

¹⁶ Священное животное бога Анубиса – шакал. Анубис – грецизированная форма имени Инпу. Египетское каноническое изображение Инпу в виде человека с головой собаки перешло в христианскую иконографию с именем Христофора Псеглавца. В Шумере бог Ан в качестве духа усопших представлялся, как и Инпу, в образе шакала.

В пространствах святоотеческих общую мерность и связность с отображениями области причин ароматом имеют слово «духовность» и чарующий запах *сирени*. Крестовидные цветки сирени – подобия перекрёстков жизненных троп и косога креста созвездия Орион (рис. 5.33). В Древнем Египте группа звёзд Ориона – знак бога *Осириса*, хозяина фундаментальных ресурсов жизни, «создателя злаков и стад», «укрепителя истины», «владыки всего» (рис. 5.52).

От дофеноменального, причинного для нарождающегося, от бога *Осириса* и чарующего аромата *сирени* возвратимся к программному продукту египетского мифа о любви и о престолонаследии, то есть о надлежащем содержании будущего. Миф об Исиде и Осирисе можно назвать платформой мышления египтян, точкой сборки страны и власти. Представление о блюстителем действии свойства связи в мифе олицетворяет бог Инпу. Инпу – воспитанник, неизменный и незаменимый помощник (свойство связи – атрибутивная и служебная функция) «великой чарами» Исиды (ачарья, санскр. – основатель). Воспитанник неразлучен с воспитательницей и на небосводе. Астрономический образ богини Исиды – звезда Сириус – α созвездия Большой Пёс (рис. 5.33). Сияет *Сириус* на кончике органа обоняния Большого Пса.

Ярчайшая звезда египетского и российского неба Сириус¹⁷ – звезда Исиды и образ её вещего вёдения того, что было и что есть; образ её благодатного волнения и рёвнования о том, чего должно достичь. Зодческое волнение ума разворачиваются в прорицание, в заповедание, в программу, в историческое действие¹⁸. Отметим, что образы, относящиеся ко всеведению в русской волшебной сказке, – большенося баба Яга, её летающая ступа, гуси, кот и путеводный клубочек. Словообразовательный элемент «га» в тюркских языках несёт смысл направления. Смысл навигационный, как и прорицание, знамение, озарение, «упрямое мечтанье» воображения.

Созвездие Большой Пёс с его блюстителем символикой – сородич собаки

Рис. 6.8. Не встречающий сопротивления Индра и ничего не упускающий Гайах, усеянный множеством глаз. Для художественного видения мастера средоточие сущности Индры – его голова. Музей города Yogyakarta. Центральная Ява. Индонезия.

17 Восьмиконечная звезда Исиды – прообраз знака Висмиллах (Во славу Аллаха) (рис. 5.61). Со звездой ассоциируется форма мечети Куббат ас-Сахра (Купол Скалы), восьми-вершинная в плане.

18 В эпоху Птолемея известно имя Уто пресуществления богини Исиды. Извод имени – слово «утопия», которым называют идеал, устремление человеком своего поступка к творческому акту, приведшему мир в движение. Ута – имя героини германского эпоса, идеал олицетворяющей. В космологии удмуртов, народа Прикамья, устроительница среднего, земного мира – утка.

русской народной сказки о престолонаследии «Царевна Лягушка». Царь-отец, пекущийся (греч. *kausis* – жжение, сравн. костёр, Кострома) о должном управлении царством, сиречь о содержании его будущего, ставит очередную задачу сыновьям: «Погляжу я: у кого из вас настоящий, неизменный товарищ есть, легче тому будет и жить, и царством править, и с недругами управляться». Узнав о поручении, царевна Лягушка велит привести к своему крыльцу «ту собаку, что у моего батюшки овец стережёт!»¹⁹

Взволнованные крылатые собачки – частотный образ собрания древностей Верхнего Прикамья (рис. 6.9). По водной линии связи Кама – Каспий большеносые пермские собачки неустанно перелаиваются с собакой – священным животным иранского зороастризма. Священная собака парсов изображалась крылатой.

На картине Питера Брейгеля Старшего «Охотники на снегу» охотники – художники, облакающие субстанции, общее в самых разных процессах, в одежды художественных образов²⁰. Чуткие собаки охотников в свете сведений об Инпу – носители информации – главного ресурса для аналитического аппарата мыслителя и художника, не могущего не выполнять «долг, завещанный от Бога»²¹. Заметно сходство контуров фигур охотников с очертанием созвездия Орион²². Сходством формы Брейгель обозначает сходство в вещих свойствах и функциях художника и той порождающей силы, звёздный образ которой в веке шестнадцатом – Орион. Образы искусства – одежды истины и её путеводные знаки. В этом свете «Шоколадница» Жана Этьенна Лиотара (1702 ... 1789) – художественный покров концепции Божественного замысла. Концепции, каждодневно предстоящей перед человеком и дающей ему возможность выбора (рис. 6.49). Выбора, предопределяющего содержание будущего. Созданные искусством модели из образов и их отношений раскрывают платформу мышления народа и основу управления им.

Возвратимся к управляющей концепции, выраженной в мифе об Исиде и Осирисе. В Старом царстве Древнего Египта (XXVII ... XXII века до н.э.) Инпу – бог Дуата, предстоятель царства предков, зодчих ковчега культурного наследственного вещества. Повторим ещё раз, что наследие это – оплот изобилия и опора

Рис. 6.9. Крылатый пёс Чудских древностей Рифея (Урал). Полая бронзовая пронизка. Дер. Конева Добрянского района Пермского края. VI...VII век. 65 на 38 мм.

19 Сравн. загадка о звёздном небе: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат».

20 Питер Брейгель Старший, годы жизни 1525 ... 1569. Картина датирована 1565 годом. Находится в Музее истории искусств в Вене.

21 А.С. Пушкин.

22 Сравн. арабск. *худа* – плоть и значение Художники названия Накибанди суфийского ордена и тариката. В истолкованиях тарикат связан с исламом как душа с телом.

ведения вверенного предназначения²³. Затем последовала перетарификация служения Инпу в качестве бога-бальзамировщика.

Извод бальзамирования – пропитки, придающей телу качество долговечности, – метафора оцвечивания. Изменение качества пряжи или ткани оцвечиванием поясняет смысловую нагрузку числа «Пять» у грека Филолая. Бальзамирование в своём метафорическом значении не противоречит таким проявлениям свойства связи, как поддержание сплочённости сообщества и порядка в нём, опираясь на водительство ментальной генетической программы, языка, накша, на оградительный обычай²⁴. Свидетельство действенности концепции, правил и платформы мышления, – достижения страны.

Миф об Исиде и Осирисе согласовывал мысли и дни далеко за пределами Древнего Египта. В Северном Средиземноморье богини-сёстры Исет, Небетхет и бог Инпу в виде гривастого пса изображены на греческом керамическом сосуде (рис. 6.10, 6.11). Один покров, в котором шествуют сёстры, сочетается, во-первых, с тем астрономическим фактом, что Сириус – звезда двойная. Во-вторых, покров изоморфен сплочённости вечного и будничного в их служении: Исет олицетворяет высокую программную составляющую дней и мыслей, а Небетхет – уровень будничных дел, реализующих программу. Сплочённость отображена также двудольной буквой с имясловом **Фита** (Θ). Покров богинь-сестёр можно назвать аллегорией общей меры, называемой где Божественным замыслом и волей Творца, где – вселенской дхармой, где – концепцией и долгом, где – нуждой творимого дела. Покров на языке математики – отображение фоновой функции, влияющей на ход самых разных процессов (сравн. рис. 6.6). С действием такой функции в

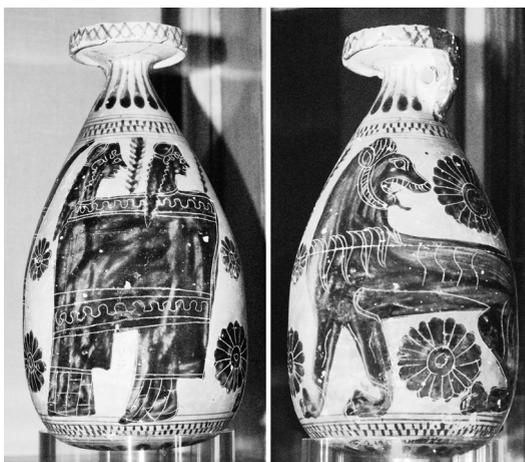

Рис. 6.10 и 6.11. Действующие лица египетского мифа сёстры Исет (Исида), Небетхет (Нефтида), шествующие в одном покрове (Сириус – двойная звезда), и Инпу (Анубис) на греческом чернофигурном алабастре. Беотия. I четверть VI века до н.э. Глина. Государственный Эрмитаж.

23 См. рог изобилия в руках бога подземного мира Гадеса (Аида) на рис. 5.55. Сравн. также значение «наследие» названия Hermitage (The State Hermitage Museum – Государственный Эрмитаж) и грецизированное имя Hermes египетского бога мудрости Тота. Корабль, ковчег – образ подъёмной силы веры и того, что остаётся существенной силой за чертой жизни физического тела.

24 В математическом смысле одну блюстительную функцию выполняют и звезда – астрономический образ Исиды, «навигационная» основа египетского календаря; и кубический ковчег шумерского эпоса о Гильгамеше; и индуистская дхарма как система стандартов мироздания, диктующая правила поведения; и обычай, поддерживаемый хозяйкой дома. Равно как разум, завязка мешка с ветрами в поэме «Одиссея», чертёж детали и сепаратор подшипника, смысловое ядро лексического корня или числа.

природе совмещены Богородичные праздники Покрова (14 октября), Введения во храм (4 декабря)...

Скажем несколько слов о проявлении свойства связи в уделе богини Небетхет, где «робкий вздох благоухает из бытком жизни молодой²⁵». Средство связи со средой, с прошлым и будущим каждый получает дома. Образ этого средства в сказке А.С. Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях – говорящее зеркальце. В книге «Лад» В.И. Белов пишет о многообразном и цельном крестьянском хозяйстве России как о действующей модели космологической системы, иерархически организованной целостности: «Взаимосвязь всех элементов этого хозяйства была настолько прочна и необходима, что одно не могло существовать без другого, другое без третьего или что-нибудь одно без всего остального, а остальное – без этого одного».

Единство многого характерно для вырабатывавшихся веками методов воздействия на сознание, на сборку и согласное движения умов. В главе о числе «Четыре» программу, определяющую параметры поступков людей и движения страны, транслируют такие слагаемые уклада, как будничные предметы быта, обычаи и предания Сагады. Это безбуквенные памятники действительной истории народа, свидетельства безотчётного ведения заповеданного долга, вверенного предназначения. По их спектру мы определили доминирующую функцию сознания, сопряжённую с отношениями строгого порядка и позволившую цезам тысяче-

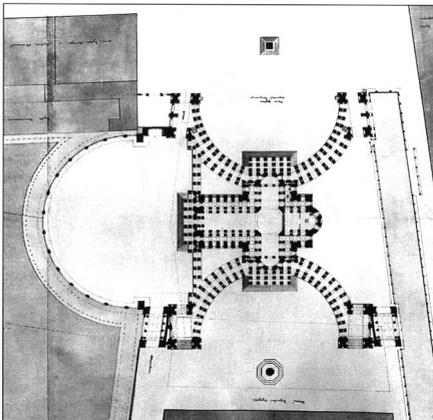

Рис. 6.13. Первоначальный план Казанского собора. Архитекторы В.И. Баженов и А.Н. Воронихин.

Рис. 6.12. Ступа с пестом. Московская губерния. Ступа сходна формой с очертанием созвездия Орион (рис. 5.33). Гребенчатой поверхностью ступы выражена функция не только работы пестом. Этнографический музей. Санкт-Петербург.

летия сохранять место на карте стран и народов. В иерархии своей интеллектуальной и производительной деятельности цезы считают группу звёзд Ориона и Сириус прообразами ярма парной упряжи и сохи, обеспечивающих благополучие будней.

В первородной мировоззренческой доктрине обширных географических пространств Евразии первоосновы бытия, фоновые ресурсы добродетельного в буднях отображались светом тех же звёздных знаков (рис. 5.33). Смена формы выражения вселенского благочестия переиначила грандиозные фигуры первосил в бабу Ягу (Сириус) и её ступу (Орион), рис. 6.12. Но, вместе с

25 А.А. Фет. Первый ландыш.

поворачивающейся избушкой кривотолков в лесу заблуждений, бабу Ягу сказок по-прежнему сопровождают, где только гуси – священные птицы великой богини доброго, простого и спокойного, ставшей докучной и лишней, а где и труднодоступное знание, благодатное для будущего героев. Его образ – путеводный клубочек пряжи. Метла бабу Яги – лучшая аллегория задачи власти препятствовать возрастанию разупорядоченности. Гуси-лебеди и глубокая осведомлённость сказочной старушки, благоволящей к искателю Ивану-царевичу и имеющей сестру, указывают на подлинный исторический сюжет в движении культурных сил.

Собственная мировоззренческая доктрина – собственная мера в мышлении, во взгляде на человека – важное условие общественной жизни. Исконная доктрина Руси облечена в масштабную ландшафтную модель в составе Исети, Тобола, Иртыша, Оби и Карского моря. Доктрину хранит образ крылатой богини Макоши, пряжа которой – и народ, и геобиоценоз. Двойной звезде Сириус и «двукрылой» группе звёзд Ориона (рис. 5.33) ставится в соответствие Казанский собор Санкт-Петербурга, в замысле оперённый двумя крыльями-колоннадами (рис. 6.13).

Первородная мера облачается в звёздный знак-предназначение, в народный праздник, в формулу мифа, во «что такое хорошо и что такое плохо» в укладе жизни. Мера являет себя в покровах народных сказок, в доступных пониманию и подражанию образцах. Из её образных моделей и архетипов (программы) определяются параметры действия (процессы), устремления человеческого ума и энергии. Этот ресурс умственных и душевных сил называется ментальностью и обуславливает подъёмную силу дел субъекта исторического действия.

Мировоззренческие доктрины Древнего Египта и тексты египетских пирамид свидетельствуют, что в долине Нила фундаментальная функция «седалища жизни» была закреплена за головой. В индуизме, линии тока мировоззрения древних Вед, подъёмную силу ментальных побудительных мотивов отображают «транспортные средства» верховных божеств. У громовержца Вед Индры это неусыпный всевидящий Гайах (Gajah, рис. 6.8). В Зодиаке индуистских храмов Гайах занимает место Козерога. Шиву поднимает и возит бычок по имени Нанди (рис. 6.14). Брахма и Вишну перемещаются птицами. Лебедем и Гарудой²⁶. Гаруда

Рис. 6.14. Бог Шива (Дева Сива) и его бычок Нанди. Кожга. Галерея кукол богов и эпических героев. Город Yogyakarta. Центральная Ява. Индонезия.

²⁶ Сравни ступа – летучий транспортный снаряд бабу Яги в русских сказках. Ступа – образ, несущий в себе символику ментальных сил и побудительных мотивов. На рис. 6.12 контур ступы сходен с фигурой созвездия Орион. Звёздный знак Ориона имеет отношение

правит потомками насельников первобытных пустынь, рождёнными ползать и плавать (рис. 6.15). В книге Бытие они воссуществовали в пятый день творения.

Мировоззренческая доктрина держит «под пятой» (сравн. англ. *foot* – стопа) своей власти состояние сознания и управление общественной системой. Верховная мера доктрины и её идеи облакаются в привлекательные предметы, дальние и ближайšie. Доктрину Руси, её мысль и формулу, давнюю правдивую осведомлённость о себе самой являют былины, загадки и сказки, имена городов, месяцев и чисел, ландшафтные модели рек, гор, узоры вышивок и заставные буквы рукописей (рис. 3.7, 6.31), Покровский собор на Красной площади и первоначальный план собора Казанского (рис. 6.13)

Благодаря активируемым ими архетипам верховная мера понимания безотчётно становится первоэлементом самоосмысления, вожатым повседневного выбора (Шоколадница, рис. 6.49) и масштабного зодчества. В отношении событий текущих, в радении о событиях будущих действие доктрины и её вещественной элементной базы на ум подобно действию многомерного импульса, управляющего комплексом мышц, слаженно работающих при движении человека. Слаженность эта архитектурно оформлена Покровским собором на Красной площади (рис. 6.16)²⁷.

В хороводе ненаглядной красоты столпчатых церквочек зодчие Барма и Постник выразили и единство многих форм подхода первоизданной веры Руси к исповеданию, к прославлению Божественной сущности, к выражению вселенского благочестия. Навигационная звезда, иероглиф, формула Покровского собора – это «упрямое мечтанье»²⁸ о грядущем страны как субъекта познания и исторического действия. Свойство связи позволяет ревност-

Рис. 6.15. Транспортное средство хранителя мироздания бога Вишну Гаруда и его первобытные помощники. Дерево. Национальный музей. Джакарта. Индонезия.

к платформе мышления нации, к её ментальности, к ориентации интеллекта. Преобразования Ориона и Сириуса – дед Мороз и Снегурочка соответственно.

27 Обратим внимание на совпадение пилообразного регистра купола, египетского иероглифа со значением «вода» и регистра дагестанского свадебного платочка (рис. 5.56). Смысловой аспект последнего – освежение и распространение жизни. Если обратиться к математике, то тетраэдры купола переднего плана – простейшие из тел трёхмерного пространства. Трёхмерные грани-тетраэдры имеет пространство четырёх измерений. Три – число правильных фигур во всех пространствах большего числа измерений.

28 Из стихотворений А.Н. Майкова «Очерки Рима».

Рис. 6.16. Кольцо церквей храма Покрова Богоматери на Красной площади – архитектурный образ перво-зданной доктрины Руси. Зодчие Барма и Постник. XVI век. Москва.

ному зодчему упрямого мечтанья начинать сооружение светлицы грядущего творения у домашнего очага, у колыбели, чем устанавливая отношения типа равенства между поступком человека и творческим актом, впервые приведшим мир в движение²⁹.

План Покровского собора в пределе сводится к иероглифу в виде кольца с точкой в центре (рис. 6.24). Иероглиф распространён в Древнем Египте и на Алтае. Истолкования ассоциируют круглый символ с первосилами Солнца и времени. Обратим ещё раз внимание на замечательное математическое содержание, которое можно придать иероглифу. Относительно его окружности происходит инверсия точки в бесконечность и обратно, бесконечности в точку. Инверсией можно назвать и отражение свойств вселенной волшебным зеркальцем ума (рис. 5.25), за что египтяне и назначили голову седалищем жизни. Поэтому на иконах кольцо иероглифа прочитывается в нимбах, а его мощная точка – в главах святых, достигших верховной меры понимания жизнеустройства. Продукты такого понимания

– озарение, прорицание, предугадывающая мера мировоззренческой доктрины в основе управления сообществом и её выражения. Выражения в слове уст древнего египетского бога Птаха со славянским именем, в учениях Будды, Конфуция, в народном празднике, в совершенных игрушках Муз и в знаках звёзд, в притчах и в предметах быта (рис. 5.56 ... 5.58; 5.62 ... 5.64)...

Значение свойства связи отражено в составе самих доктрин. Оно принимает вид иероглифа-узла Анкх, тесёмки мешка с ветрами в «Одиссее», бога Инпу, всевидящего Гайаха, знамения Зевса, прорицания Кассандры, путеводного клубочка, ступы и гусей бабы Яги, вещего бруса киля корабля Арго. Брус изготовлен из дуба роци оракула Зевса в Додоне³⁰... Каскад разновидных «оказательств» свойства связи в буднях различается в фигурке богини Афродиты с пряжей и сыном (рис. 6.17). В изображении прослеживаются связи механические, технологические, информационные, генетические, адаптивные, чувственные, ментальные... Мы сосредоточены на связях, снимающих барьеры и дистанции между мирами.

29 Сравн. воссуществование первобога Атума по творческой причине: в результате осознания самого себя, и аналогию выведения индуизмом дхармы человека из всеобщей вселенской дхармы. «Упрямого мечтанье» о должном содержании будущего помещает человека и Творца в одну группу.

30 Расположение на северо-западе Греции и прорицательное значение мистерий оракула Зевса в Додоне обусловили название «мистраль» северо-западного ветра. Его же ждут люди в поэме при священном бассейне даосского храма Джуронга, района Сингапура.

Их имеет своим предметом метафизика. Это связи мистические, прорицания, знамения, озарения.

Проявления свойства связи, называемые обычно мистикой, удивляют людей давно. На них основана индуистская Атхарваведа, веда магических заклинаний и домашних ритуалов. Внятные очертания придаёт тайным ходам причинности и предопределённости повесть «Метель», *пятая* в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина. Описание мистической формы связи развёрнуто в главе *пятой* его романа «Евгений Онегин». В строфе *девятой* Татьяне, гадающей о спутнике жизни морозной ясной ночью, является и называет своё имя Агафон – поэт, персонаж «Пира» Платона³¹. Тайные силы, именуемые оккультными и носящие свои блюда по чинам, служат Татьяне во сне. Косматый медведь, заботливо протягивающий деве лапу с другой стороны дымящегося потока, – ясное понимание смысла необъяснимых событий. Она видит ожидающего Онегина в окружении химерических образов несостоятельных идей. Эти претенденты на истину изгоняются Евгением при появлении Татьяны. Отступим от мистических событий главы пятой «Евгения Онегина» с замечанием, что в романе армейский чин отца Татьяны Лариной «бригадир» – пятого класса в табели о рангах. Бригадиром гвардии был будущий император Николай Павлович. В тексте мы ещё коснёмся связей, называемых магическими и мистическими, знакомясь со свойствами народного праздника.

Прежде речи о знамениях, озарениях и прорицаниях как проявлениях благодати утаённого и связи с ним, вернёмся к мифу Мемфиса о возникновении жизни. В мифе не названа, но подразумевается мера, обуславливающая связь разума и мира, через которую всё начало быть. Относительно неё и происходит такая инверсия, как воссуществование мысли бога Птаха о жизнеустройстве и последующее преобразование мысли в слово. Верховная мера, сочетающая ум и вселенную, названа в христианстве Логосом. Примечательно, что декодер смысла названия «Логос» находится в речи русской. Это существительное «логово», глагол «положить» и нормативная мера «уложение». Логово – укрытое пространство для рождения и возвращения потомства. По законам языка Логос – обитатель тёмного, тайного логова. В этой связи применим для определения таинственного Логоса,

³¹ У Платона поэт Агафон бодрствует вместе с философом Сократом и комедиографом Аристофаном.

Рис. 6.17. Проявления свойства связи в укладе будней. Мама Афродиты и её сыночек Эрот беседуют о правилах жизни. Танагра. I четверть III века до н.э. Государственный Эрмитаж.

сочетающего ум и вселенную, математическое понятие промежуточного пространства. Место это обладает свойствами плацентарности и единственности.

Свойству единственности следует клинописное повествование Южного Двуречья: жизнь начинается и возобновляется после потопа в одном и том же месте. Следование в важнейших начинаниях древнему принципу единственности места со свойствами плацентарности просматривается и в вероучениях. Муса готов потратить жизнь в поисках загадочного места слияния двух морей. Мухаммат перед своей пророческой миссией переносится в таинственную мечеть отдалённой. Пространство вокруг этого святилища благословлено Аллахом. В утаённом пространстве пребывает до начала своего пророчества Иса (Иисус).

Милостью и знаменем Провидения в святоотеческих просторах искони укрыт объект, моделирующий только что названные меру и пространство. Прародительский объект – Симский комплекс на Южном Урале. Известна ещё одна модель тайной платформы жизнеречения и жизнеустройства. Это буддийский архитектурный комплекс Боробудур в красивой горной долине на Центральной Яве (рис. 6.19). И совершенный Боробудур, покрытый художественными рельефами, и Симский комплекс в составе реки Сим, хребта Гребень, пещерных святилищ и их художественного наполнения – грандиозные информационные модули.

Рис. 6.19. Каскадный Боробудур – буддийская модель тайного пространства – области определения функции, обуславливающей рождение мысли и жизни. VIII век. Yogyakarta. Индонезия.

Рис. 6.18. Ясновещая птица Гамаюн. Отображение представления русского эпоса о знамени и прорицании в живописи В.М Васнецова (1848 ... 1926).

Построение Симского комплекса предваряет предметные и образные ряды вероучений, тысячи лет управляющих миллионами людей. Святилище на Симе поневоле заставляет вспомнить такую отправную точку Корана, как мечеть отдалён-

нейшая и знаменая, о которых идёт речь в начале суры 17 *Аль Исра'*, *Ночной перенос* или *Перенёс ночью*. Сура открывается описанием мистического перемещения Мухаммата «из мечети неприкосновенной в мечеть отдалённую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений»³². Пребывание Мухаммата в этом мистическом путешествии и пространстве предварило появление формулы исламской мысли в айатах Корана, в хадисах сунны и её действие в исламе, имане и ихсане³³. Во всяком случае Симский комплекс и кораническая мечеть отдалённая – одностадные кони.

Симский комплекс святилищ заставляет думать и о том, где же в течение восемнадцати лет, продолжительности сароса, астрономического периода, утаённо пребывает Иисус и возрастает его пророческая сила. Христианское предание содержит сюжеты, связанные с составом комплекса на Симе. А число Девять, к которому редуцируется продолжительность сароса, – число Богоматери. Обозначает оно границу качественной определённости. Её переходят Татьяна и Агафон в девятой строфе главы пятой. Проходит граница между несуществованием и существованием мысли и учения. Образ качественной определённости – мешок с ветрами на корабле Одиссея. Разнокачественно наполнение сосудов на квадратном подносе Шоколадницы (рис. 6.49).

Выясним, не гадательно ли мы назвали информационный модуль Симского комплекса знаменем Провидения? В Илиаде (1.526) промыслитель Зевс называет знамение залогом того, «что не свершиться не может». Обратимся к примерам выражения именем и строением Симского комплекса того благословенного предопределяющего, о котором извещают Зевс и начало суры 17 *Аль Исра'*. Заметим, что этимологи, исследующие числительное в праиндоевропейском языке, сочетают языковую меру СМ названия Сим реки с некой императивной сущностью, давшей имя числу «Один». В раскодировании смысла произведения СМ число «Один» поможет нам как математическая аллегория действия первосилы.

³² Перевод И.Ю. Крачковского.

³³ Вера мусульман – это триединство ислама, имана, ихсана. К основе «ислам» относятся намаз, пост, закят, хадж, вопросы взаимоотношений правоверных в буднях и освещающая их работа мысли. Иман – науки, связанные с вопросами вероубеждения. Они раскрывают суть качеств Творца, веры в предопределение, в пророков, в связанное с миром иным (ахиратом). Ихсан в Коране и сунне понимается как искренность, противостоящая показному.

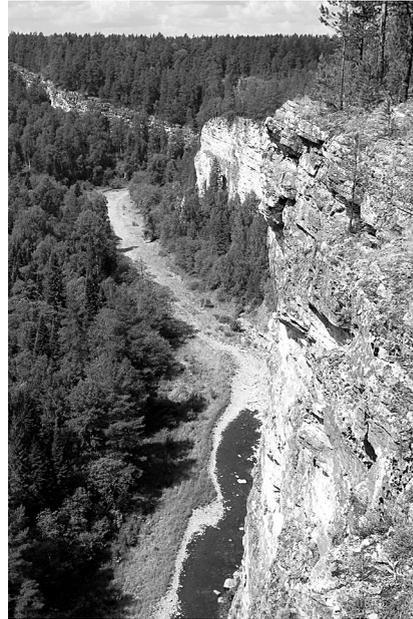

Рис. 6.20. Река Сим, уходящая в скальный массив, и её сухое русло. Уходит вода в берег правый, а возвращается в наружное русло – из скального массива на левом берегу.

В поле числовом мера единицы манифестирует закон, дающий жизнь фигурам числообразовательной базы и такой последовательности, как натуральный ряд чисел. Подобная природная сила таится и за смысловой единицей СМ, четой числа «Один» в понимании этимологов.

Для подтверждения смысловой единицей СМ в названии Сим устремления к должному содержанию будущего рассмотрим группу объектов с производением СМ в именах. В главах предыдущих как образ предопределения должного рассматривалось **семя**. Жёсткий алгоритм работы хромосомного аппарата задаёт программу развитию организма (*по роду его, Быт. 1:12*) подобно тому, как единица задаёт правило построения натурального ряда чисел; как волнение воображения, модель-мера мифа и сказки, чувство долга определяют параметры направленности ума и энергии человека. Суфий Низами отождествляет с семенем поучение, рвнующее о должном в настоящем и будущем. В индуизме семени, знаменующему то, что *не свершиться не может*, уподобляется персонификация божественной сущности Ишвара. Как и первобог Атум (Тум у Б.А. Тураева, сравн. имя Тимофей), Ишвара является творческой причиной мира. В арабском образном счислении и в нумерации **семя** – прообраз знака числа «Ноль». Его символ – точка (•). Она обозначает и объект верховной творческой мощи: самодостаточного Отца миров, создавшего объективные законы мироздания и открывшего пророку Мухаммату Свои знамения и «сияющий *Коран*».

В карело-финском эпосе «Калевала» с образом семени, со значением интеллекта в составе мира и с содержанием будущего сочетается образ волшебной зернотёрки Сампо. В «Калевале» идёт борьба за это знаменование благоденствия,

в итоге утонувшее. Обратим внимание, что в переводе с финского значение имени Лоухи владелицы зернотёрки Сампо – «скала», «камень». Таково же значение имени Хаджар (Агарь) мамы Исмаила, которого мусульмане считают своим родоначальником.

Suomi – сакральное самоназвание племён Финляндии, принесённое с древней прародины. Оно – сокоренное **семени**, Сампо, Исмаилу, Симу и Шумеру³⁴. Именование *Suomi* как самостоятельный исторический памятник сочетается также с символической антропоморфной фигуркой – образом бесконечности и единства многого. Подобная фигурка

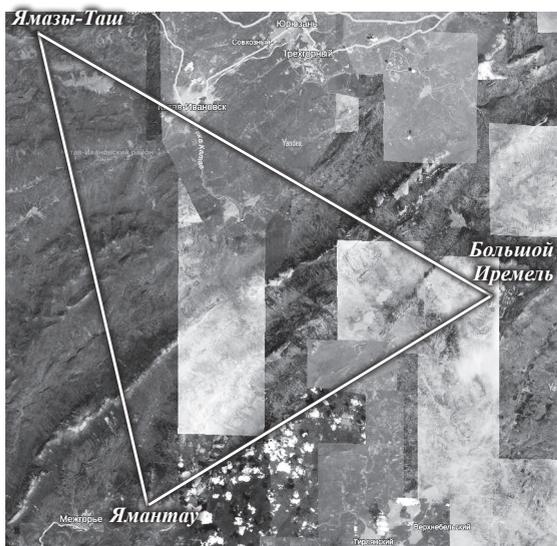

Рис. 6.21. Симский комплекс равноудалён от Ямантау и Большого Ирмеля – вершин основания равно-бедренного треугольника с периметром в 200 километров.

³⁴ До принятия названия Шумер страна называлась Сумер, а её жители – сумерийцами.

нарисована в пещере на реке Сим, по меньшей мере, полтора века назад (рис. 4.1). С точностью до преобразования фигурке равна форма египетского иероглифа и славянской буквы с имясловом «Живот», не имеющей числового эквивалента.

Башкирское название удивительной симской пещеры-святилища – Ямазы-Таш (рис. 6.33). Оно тоже сочетается с божественными сущностями, с верховной мерой их понимания и с прорицаниями. Яма (Йима) – имя первенца человечества, ставшего главой мира предков в древних индоиранских преданиях. Юма – имя бога мариетцев, народа Поволжья. Ямлиха – имя царицы змей в рассказе из «1001 ночи». Ямантау – наименование самой высокой горы Южного Урала (1640 метров). На снимке из космоса Ямантау, священная гора башкир Иремель и пещерный комплекс на Симе образуют треугольник, подобный треугольнику грани вершины египетского обелиска (рис. 5.13, 6.21) и треугольнику из звёзд Сириус, Бетельгейзе и Ригель (рис. 5.33). На основании созвучия именовании сделаем допущение о связности языковых и образных планов названной пятёрки одним смысловым фоном. Допущение об описании, о приближении ею одной заданной на множестве функции.

Продолжим ряд с общим членом и смысловым ядром СМ. Образный аналог меры, обозначенной лексической единицей СМ, в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина – Самсон Вырин, чиновник четырнадцатого класса из повести «Станционный смотритель». Смысловая единица СМ и композиция ДН в именах Самсона Вырина и Дуни, отца и дочери, генетически сочетаются, как и в представлениях этимологов, исследующих числительное в праиндоевропейском языке.

Образы, указывающие на смысл должного содержания будущего и помеченные парой СМ в именовании, многочисленны и почтенны. В пантеоне славян крылатый пёс Симаргл размещается рядом с великой богиней Макошью. В Ведах, прародительских для мировоззренческой доктрины индуизма, гидрониму Сим созвучно название сома любимого напитка вселенского бога Индры (рис. 6.8). Сомы взводит пружину его всё превосходящего могущества. Подобное действие подразумевается и для Симского комплекса, прародительского для вероучений.

Затронем смысловые связи названия Гребень хребта, вдоль которого течёт Сим. С пары СМ начинается название обычая

Рис. 6.22. Символы верховного управления и изображение фасада дворца с именем царицы 1 династии *Vadj* на его царском гребешке (около 2950 г. до н.э.). Додинастический период. Египетский музей. Каир.

расчёсывания волос в индуистской возрастной обрядности – симмантонная. Образ порядка, наведённого гребнем, манифестирует готовность ума к ответственному строительству будущего. Гребни для волос упоминает Луций Апулей в описании магии праздничного шествия богини-спасительницы³⁵, Исиды. Шествие очеловечило Луция-осла.

Модель движения гребня, расчёсывающего волосы, родственна такой модели условия распространения жизни, как суфийский образ движения пыли, преодолевающей заросли. Код повторён зубцами украшения дагестанского свадебного платочка (рис. 5.56). Ритмика зубцов гребня сочетается как образ с позвонками позвоночного столба – фетиша Осириса (рис. 2.6, 2.7). Портрет темноликого бога есть в пещере Ямазы-Таш (рис. 6.25) на Симе. Действию зубцов гребня, пыли, сочленению позвонков хребта легко уподобляется многообразное выражение и действие учения, доктрины, концепции, платформы мышления, определяющей содержание будущего. В прародительском замысле о жизнеустройстве именован Гребень – образ, модель того, как следует управлять.

В благословенной смысловой упаковке пары СМ слагаемое волнения о должном содержании будущего дополняется слагаемым устойчивости в вечности. Представление о том и другом олицетворяет богатырь Сам поэмы Низами Гянджеви «Сокровищница тайн».

*Ведь всегда молодым оставался прославленный Сам,
Хоть склонял свои взоры он сына к седым волосам.*

Герой персидского эпоса Сам – дед богатыря Рустама³⁶ (рис. 4.3). Персы, как и египтяне, пересекали Каспий и ходили по Каме, бассейну которой принадлежит река Сим.

В поэме Низами «Семь красавиц» об устойчивом архитектурно-организующем наполнении смысловой композиции СМ напоминает имя Симнар зодчего, что возводит в горах замок Хаварнак для наследника иранского престола Бахрама. Наследник престола – одно из значений китайского иероглифа «цзи». Иероглиф – слагаемое космогонического понятия *тайцзи*. Тайцзи сродни дхарме и гармоническому осциллятору. Слагаемое «цзи» сопрягает страны небес и земли так, чтобы они были своеобразными отражениями друг друга. Такой же инверсор – наследник престола и Симский комплекс.

С архитектурно-организующим вечным в смысле СМ сочетается самодостаточное. Здесь геоинформационные технологии работают вкуче с Евангелием и Кораном. В эпизоде смены лигатуры СМ в имени человека Христос говорит приведённому Андреем брату: «ты – Симон, сын Ионин; ты наречёшься Кифа, что значит «камень» (*Пётр*)». (И. 1:42). Равны как множества, состоящие из одинаковых элементов, имя *Кифа*, замесившее имя Симон, и арабское слово *Кāфи*.

³⁵ Золотой осёл. Книга одиннадцатая. 9.

³⁶ Отец Рустама – Зяль (сравн. Зилант герба Казани). Рустам – витязь Систана, области на стыке современных Ирана, Афганистана и Пакистана. Сис – числительное цезского языка Дагестана со значением «нуль». Нуль – число пространства, создающего порождающую функцию. Создают её и ментальные свойства нации. Витязь Рустам, как и его предки, – образы, связанные с ментальностью, с её орудиями. Сравн. ментальные транспортные средства богов Индии.

Его значение “Самодостаточный” является одним из самых часто упоминаемых имён Аллаха. Самодостаточный – содержащий в себе всё необходимое для своего устойчивого существования. Аналог значения «Самодостаточный» – значение «самодержавный». Нам пригодится равенство как множеств имени Кифа из евангельского эпизода и эпитета *Кāфи* Всевышнего.

Коснёмся такой опоры для выстраивания подобий, как топография Симского комплекса. Отличительная особенность местности здесь – двухкилометровое следование водного потока Сима внутри скального массива. Весной, когда канал в породе не вмещает талых вод, они следуют руслом наземным, летом становящимся сухим (рис. 6.20).

С феноменом сочетания двух русел реки Сим ассоциируются двойки не одного сакрального ряда, относящегося к мировоззренческим доктринам, к их образным выразительным планам. Пример, близкий во времени и географически, – двуперстие крестного знамения старой веры. Два смежных перста старообрядчества указывали на сугубую, то есть на божественную и вместе – на человеческую сущность Христа. Сугубость эта резонирует также с образами Исет и Небетхет, указывающими на уровни программ и процессов в движении к должному наполнению будущего (рис. 6.10).

Двум руслам Сима изоморфны два потока в коронах верховных богов Египта (рис. 6.23). Боги по своей природе преследуют цель надлежащего содержания будущего. Сочетание потоков короны в состоянии моделировать шествующие вместе чувство прекрасного – универсальный механизм работы сознания, и переживание, называемое духовной жаждой. До известной подмены томлением инстинктами они, присущие человеку, понимались фоновыми ресурсами ментальности как фазового пространства, создающего функцию, порождающую содержание человеческой жизни. Допустим также то, что корона отображает знание египтян о движении к истине, к совершенствованию понимания и с помощью аргументов, и опираясь на опыт; об информационных потоках объективного и субъективного в процессах управления достижением цели. Интеллект, совершенство понимания управляющего субъекта предопределяет качество управления. Извод этого качества – содержание настоящего и будущего.

В индуизме пример постройительной двоицы – атман и брахман. Атман и брахман возжигают, питают и строят пребывающее на принципе взаимной инверсии. Двупостасно индуистское время Кала (сравн. название календарь). Одна ипостась времени приносит и уносит, задаёт содержательную сторону жизни, называемую временем года. Часть вторая регулирует

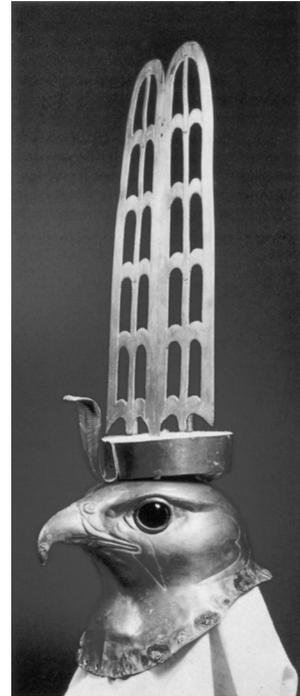

Рис. 6.23. Голова Гора в «двупостасной» короне верховных богов Древнего Египта. VI династия. Около 2300 года до н.э. Гераклеополь. Золото, обсидиан. Египетский музей. Каир.

информационные, обменные процессы в клетках³⁷ и поставляет энергию для горения звёзд³⁸.

Двоица философии Китая, рдеющей любовью к первоначалам, – истоки Инь и Ян; категории «ли» (регулятивный уровень программ, егип. Исет) и «ци» (вещественный уровень процессов, егип. Небетхет). Китайское Лукоморье представляют Дракон и птица Феникс. В совокупности с двумя руслами Сима и с потоками короны на голове Гора находится «блистательный кубок двудонный» пира богов в Илиаде. Названные неразлучные четы и приближения охватывает имя и построение буквы «Есть» глаголицы. Она имеет вид четы в ладье (рис. 4.19)³⁹. Буквой «Есть» обозначается коммуникативное число «Пять».

Согласно представлениям о свойстве связи мыслителей индуистских общие свойства разных объектов, вызывающие сходные ощущения, должны иметь одну причину. Перечисленные благородные объекты, в сочетании раскодирующие устремление к тому, «что должно быть» в смысловом ядре пары СМ, обрисовывают своего рода сакральное поле. Математики нарекут образовавшееся ассоциативное поле пространством с группой преобразований в нём. И скажут, что мы исследуем свойство, которое не изменяется от преобразований фигур этой группы. Лексическая единица СМ указывает на это фундаментальное свойство и меру наряду со знаменем. В качестве воплощения смысла «то, что должно быть» в паре СМ примем достижение внимательным кормчим нужного берега. Образ кормчего выражает условие достижения должного не только в правлении кораблём.

Лингвисты называют словом сёма единицу смысла. Ещё одно наименование этого ресурса речи – семантический или смысловой множитель. Единица смысла – платформа для управления работой мысли и речью. Мы пользуемся аналогией и единицей смысла,

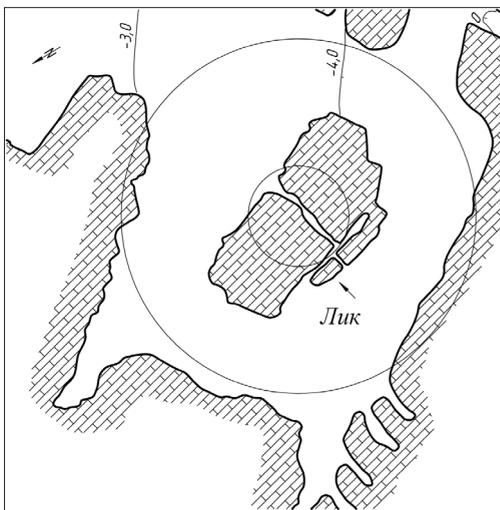

Рис. 6.24. «Суковатое колесо» кольцевого зала пещеры Ямазы-Таи. Его математическая модель – круглый «солнечный» иероглиф (тонкие линии). В плане зал сходен с двором Каабы. Зал напоминает и о кольце царя Сулеймана. Кольцо – символ благодарной власти, которую нельзя превзойти. В «Илиаде» такую власть манифестирует знамение (1.526). Лик – см. рис. 6.25.

37 М.П. Чернышёва. *Временная структура биосистем и биологическое время*. СПб. 2014.

38 *Теория физических свойств времени* Н.А. Козырева, петербургского астрофизика (1908 ... 1983). Заметим совпадение имени Кала бога времени в санскрите и гидронимов Малая и Большая Калагаза на Южном Урале. С рекой Большая Калагаза сочетается тем же именем вершина горной цепи.

39 На 90 градусов против часовой стрелки в целях скорописи развёрнуты знаки шумерской клинописи.

раскрывая разрядности образов, басен, притч, сказок, мифов и сюжетов живописи... Обратим внимание, в связи с фоновыми ресурсами речи и представлениями школы мысли Южной Азии, что существительное «пещера» видоизменено в эпитете святых «печерские». Одного корня с «пещера» существительные «печаль», «печать», «печь», «попечение». Глагол «печься» – волнительно заботиться.

Обратимся к обезвоживанию русла реки Сим (рис. 6.20). Его евангельское подобие – наречение Симона другим именем. Корень СМ со смыслом устремления к должному в содержании будущего замещается в этой процедуре корнем ПТ со смыслом сильного воздействия. От этого «второго номера» и идёт дальнейшая игра. За сменой лексических и смысловых лигатур имени человека последовала известная смена формы выражения вселенского благочестия. Смена платформы, концепции управления сообществом, смена замысла о жизнеустройстве.

Рассмотрим другие аналогии в топографии Симского комплекса и в эпизодах христианского предания. Подобно сухому руслу **Сима**, принимающему воды, исторгшиеся из скалы, принимает на свои руки Младенца праведный и благочестивый старец **Симеон** в сороковой день по Рождеству. День отмечен в календаре двенадцатым праздником Сретения. Богоприимцу Симеону «*было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня*» (Лк. 2:26)⁴⁰.

Зайдём в пещерное святилище Ямазы-Таш. В кольцевом зале пещеры (рис. 6.24) его своды опёрты на мощный скальный *столп*. В плане столп сочетается с головой в головном уборе. На *столпе* запечатлён выразительный тёмный лик с приоткрытым утомлённо оком и с ноздрями, сомкнувшимися от тяжкого воздуха земли (рис. 6.25). В церковном календаре с ликом на опорном *столпе* зала совмещается образ богоносного **Симеона Столпника**⁴¹. Именем Симеона Столпника, которому открыты будущие события, ополчён день православного Новолетия. 1 (ныне 14) сентября – первый день индикта, открывающий церковный календарный годовой круг. Нельзя не заметить, что каменный лик на столпе, принадлежащий ранней древности и пределам понимания, глубоко духовен. Что фантастическому мастерству ваятеля уступила, открывшись, тайная сущность изображаемого. Ранее художественное воплощение первосилы (рис. 6.25) очень отличается от наружного совершенства античного (рис. 5.59, 5.60, 6.1, 6.17). Не уступая ему воздействием на чувство – канал осмысления и проводящей сети высшего знания.

В одну группу с окремнённым тёмным ликом столпа пещеры Ямазы-Таш (рис. 6.25) входит первенствующий камень ещё одного индикта. «*Чёрный человек*» – значение имени *Хаджар аль-Асвад* священного камня Каабы (рис. 6.26). Самому кольцевому залу пещеры Ямазы-Таш (рис. 6.24) с точностью до преобразования равен двор вокруг Каабы, задрапированной чёрным покрывалом. Их математической мо-

40 В доме человека, которого зовут Симон, происходит Тайная вечеря. Симон Кириянин, земледelec, возвращающийся с поля (Матф. 27:32), несёт орудие казни Христа.

41 Форма столба как образа божества распространена в культах на территориях Америки, Англии, Индии, Китая. Позвоночный столб (Джед) – фетиши бога Осириса (рис. 2.6, 2.7). Сравн. столпчатый храм Ивана Великого в Кремле, столпчатые церкви Покровского собора...

Рис. 6.25. Каменный лик с ноздрями, сомкнутыми от тяжелого воздуха земли, в пещерном святилище на Южном Урале. Божественное око лика – прообраз Ока-иероглифа, главного в записи имени Осириса. Осирис изображается темноликим. Изображение ассоциируется и со зверем лесным, чудом морским сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек».

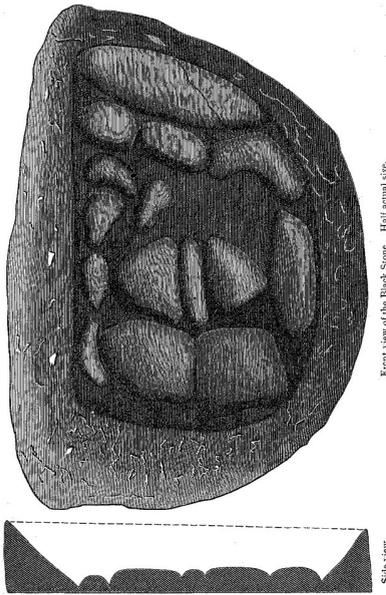

Рис. 6.26. Чёрный камень Каабы, подаренный Адаму Аллахом. В допущении И.А. Бунина «Дух Гавриил для старца Авраама его нашёл среди песков и скал».

делью является солнечно-временной иероглиф Древнего Египта⁴². Повторим, что в математическое содержание, которое легко придать иероглифу, входит инверсия точки в бесконечность и бесконечности в точку. Это – математическая аллегория отображения вселенной – в мысли; инверсии мысли – во вселенную. Образ промежуточного пространства, в котором осуществляются подобные преобразования, – Симский комплекс. Его можно назвать и отображением вселенной своего зодческого свойства, волнительно рвнующего о жизни, в части себя.

Обратимся к ещё одной аналогии в знании о себе мусульман. Парой СМ с Симом и с радением о должном содержании будущего ассоциируется имя Исмаил родоначальника «агарян». Отчётлива связь с названием Хаджар аль-Асвад чёрного камня Мекки имени Хаджар (Агарь) матери Исмаила, перевоздвигшего Каабу вместе с отцом Ибрахимом. Прямое значение «скала» имени Хаджар родительницы Исмаила заставляет вспомнить о

скале, из которой исторгается водный поток Сима.

Имя Хаджар несёт оттенок «неприступное». Признак «неприступное» как грань значения «запретное» сопоставляется с признаками «неприкосновенная» и «отдалённая» мечетей айата 1 суры 17 Корана⁴³. Неприступно и знамение Всевышнего, открытое Мухаммату. Ночным переносом пророка Мухаммата в мечеть отдалённую Кāфи, Самодостаточный обладатель могущества, «открыл Своему рабу то, что открыл» (Сура 53 Ан Наджм (Звезда), айат 10).

Он Милосерд: Он Магомету

Открыл сияющий Коран.

Да притечём и мы ко свету

И да падёт с очей туман⁴⁴.

Уральские река Сим и древнее приречное святилище в скале (рис. 6.33) образуют группу симметрии и с образами в преданиях кельтов (галлов), считающих

⁴² То же ранее сказано о плане Покровского собора на Красной площади. Повторим, что как Солнце в представлении египтян олицетворяло единое начало неисчерпаемого изобилия, так и строение связанного с образом бога Ра иероглифа может служить иллюстрацией инверсии точки в бесконечность и обратно, бесконечности в точку. Если инверсию выполнять относительно сферы, то в результате инверсии внутрь неё можно переместить всё внешнее пространство. Подобным образом формируется категориальный аппарат.

⁴³ Название суры 17 – Аль Исра' (Перенёс ночью). Мечеть отдалённая – указание на место, где был дан закон, породивший вероустав доктрины ислама.

⁴⁴ А.С. Пушкин. Подражания Корану. V.

Рис. 6.27. Изображение кельтского друидического символа – ростка омелы (*Viscum album* L.) в кольцевом зале пещеры Ямазы-Таш. Южный Урал.

Рис. 6.28. Росток омелы, вознездившийся на ветку боярышника. Внутригорный Дагестан. Окрестности селения Сагада.

себя потомками бога подземного мира Дита (Dis Pater, сравн. рис. 6.25 и 4.1). В кельтском предании **Симон** – имя учителя верховного друида Мога Руитха. Предсказательное орудие Мога Руитха (Mag Колец) – суковатое колесо. Наша нога не поскользнётся после того, как стояла твёрдо, если мы назовём прообразом суковатого колеса кельтского предания «суковатое колесо» зала пещеры Ямазы-Таш (рис. 6.24). В устье неглубокого ответвления зала, наискосок от тёмного лика со стороны закрытой глазницы (рис. 6.25), находится изображение символа друидов – ростка омелы (рис. 6.27; 6.28).

В группу симметрии с уральским тёмным ликом войдёт и «привратник» гаитянского культа вуду – барон Самди. Островитянами он считается стражем границы между миром предков и миром живых. Барона Самди, способного, по мнению гаитян, переходить эту границу, можно узнать по чёрным шляпе и куртке на празднике предков Геде. Геде, отмечаемый в самом начале ноября, на полтора месяца позднее российского православного новолетия, – единственное публичное проявление культа вуду. Официальная религия Гаити – католичество. Но его, католичество, можно рассматривать как оболочку культа вуду – действительной лоции дел и дней гаитян.

В совокупность понятий, раскрывающих представление о стремлении к должному в смысле СМ, входит понятие *самадхи* (санскр. – сложение вместе, соединение). В индуизме термин обозначает состояние высшей собранности и гармонии, а в буддизме – последнее звено пути к совершенной мудрости⁴⁵. Эта высота необходима для сверки того, что есть, с тем, что должно быть. Аналогом самадхи, является воображение. У А.Н. Майкова воображение – упрямое мечтанье, ревностный зодчий здания грядущего. В Зодиаке Дендеры воображение, озбоченное содержанием будущего, – Лев. «Лев скрывается в вершине» – египетское премудрственное речение, распространяющееся на вершину понимания.

⁴⁵ С верховной мерой понимания связана самадхи-йога – йога сосредоточения. Она позволяет уму (читта) озариться осознанием объекта размышления. Озарение уподобляется прозрению и родственно экстаическому состоянию.

С африканским названием льва симбу (масаи, охотники на львов) совпадает существительное «символ». Символ – предел, вершина информационной ёмкости и мощи. Как самадхи и Симский комплекс, наполненный образами верховных сил.

Родственное самадхи понятие индуизма, сохраняющего язык Вед в статусе священной речи, – смрити. В предметном сопоставлении смрити сходно со строением и декором Покровского собора (рис. 6.16), с волновым строением агата и с ломящимися от изобилия лавками на эрмитажных полотнах фламандских художников. Каждый объект в лавке – частное проявление сложной миропитательной функции.

Единица смысла смрити относится к единству разрозненных проявлений дхармы, совершенной и вечной действительности, «той, что держит». Дхарма, как и единица смысла, переходит из образа в образ, из знака в знак, не изменяясь от их преобразований. Смрити – обозначение сакрального единства всех фигур-приближений, придающих дхарме воспринимаемость, изобразительность и оскazuемость. Сакральное единство, аналогичное смрити, присуще и разным формам выражения вселенского благочестия народами России. Формам, производным от одного и того же класса истин, обуславливающего должное течение жизни. Действие дхармы и мировоззренческой доктрины в оперении обыкновения, уклада охватывается русской загадкой «Летела Пава, села на пале, рассыпала перья по всему полю».

Чета гидронима Сим в эпосе о Гильгамеше – слово *semu* (таблица IX). *Semu* – оттенок смысла «*слышать*» в его связи с лощией дофеноменального, с пространством причин. В русском языке *semu* созвучно слово семья. Семья – переходное пространство. И отношениям в ней тоже присущ горизонт восприятия тонкой и прочной основы существующего, о которой проще всего сказать, что она есть (сравн. высказывание В.И. Белова, стр. 116). В славянской азбуке на невидимую, на не всегда оскazuемую основу, которая чем тоньше, тем прочней (примеры – взаимопонимание матери с младенцем и навигационный знак знамения, озарения), указывает имяслов «Есть» буквы Е. Буква поставлена в соответствие коммуникативному числу «Пять».

Давно существует зооморфная модель представления о силе невыразимого в слове. Это крокодил, по природе безязыкий (рис. 6.29). Голова амфибии различима в симской пещере Колокольная (рис. 6.30). Имя бога в образе крокодила в Древнем Египте – Себек. Тройка согласных в нём та же, что в слове собака. Такое пересечение – признак порождающего элемента, общего для двух образов-приближений.

Отзвук смысла «слышать» *semu* глиняной таблички с шумерским эпосом – церковное истолкование «слышащий» имени Симеон. Образ богоносного Симеона Столпника в начале православного индикта, открытость дивногорцу

Рис. 6.29. *Crocodylus niloticus* Laur. Крокодил нильский. Зоологический музей. Санкт-Петербург. Безязыки также осторылый крокодил, чёрный кайман, миссисипский аллигатор...

Рис. 6.30. Голова крокодила в северной части зала, по форме которого получила название Колокольная на берегу реки Сим близ Сергиевки.

содержания будущего соотносит церковное значение имени с пониманием святым дофеноменального в сущности вещей, с пространством причин. Соотносит с той фундаментальной мерой – фигурой умолчания, с тем тайным промежуточным пространством, благодаря чему воссуществовал замысел бога Птаха о жизнеустройстве в космогоническом мифе Мемфиса.

Замысел Птаха об иерархически организованной

целостности жизни наследует бог Гор. В египетских сказаниях эпитет бога «Хор сема тауи» истолковывается как Гор – *объединитель* обеих земель. Часть *сема* делает Хора кормчим, придающим землям Нижнего и Верхнего Египта общую траекторию одного субъекта исторического действия. Кормчим, предопределяющим содержание их общего будущего.

Обратимся ещё раз к подобию ушной раковине начертания буквы «Есть» кириллицы (рис. 6.31). В индийских Упанишадах неслышанное становится услышанным, незамеченное – замеченным, неузнанное – узнанным благодаря поучению, наставлению. У Низами образ поучения – зерно (рис. 5.73). Поучение проникает в ментальные пространства, прорастающие поступками, через уши. В мифе о Калидонской охоте гибель вепря предопределяет поражение его уха стрелой Аталанты⁴⁶. По причине того, что слышат уши, что переживает детское сердце в Индии и Китае, эти страны вошли в 3 тысячелетие великими цивилизациями с перспективой великих держав. *Слышанье* – буквальный перевод названия «шрути». В Ведах шрути – глубокое знание, открываемое богами для провидцев-риши⁴⁷. В цезском языке Дагестана слово ч'ура (ч'ура), согласными одномерное со шрути, обозначает свет.

В русской лексике есть прямое отображение свойства связи корнем СМ. Это существительное *смычка* и названия *симá*, *сим* завязки устья рыболовной мережи⁴⁸ и бечёвки ловушки птицелова. Назначение обеих гибких связей группируется с иероглифом-узлом Анх Древнего Египта (ранняя форма на рис. 6.22), с иероглифом-бечёвкой бога Птаха, с серебряной завязкой мешка с ветрами в «Одиссее» Гомера. Бечёвкой-картушем в иероглифике Древнего Египта обводят

46 Аталанта – царская дочь, вскормленная медведицей и воспитанная охотниками. Образ может рассматриваться в качестве аллегории губительности утратившей существо формы.

47 Существительное «прорицание» одного с «риши» корня и смысла.

48 Симон евангельского повествования – рыболов. Знаток примет, ладей, снастей, узлов, рыб, глубин и наживок.

ся имена царей. Картуш символизирует, помимо прочего⁴⁹, царственное понимание, которое охватывает смысл необъяснимых событий и знамения о содержании будущего. Трудноуловимостью своего смысла знамения и другое странное, называемое мистикой, напоминают птиц и рыб, уловляемых с помощью симы.

Продолжим рассказ о смысловом ядре «должное содержание будущего» и о связях композиции СМ, возвратившись на Урал. Членом ряда приближающихся к пониманию примеров будет одноимённость реки Сим и ключа «сим-сим» к пещере с сокровищами арабской сказки об Али-Бабе и о сорока разбойниках. Допустим, что сокровища – отображение того, чего можно и должно достичь. Это же должное в содержании будущего выражается произведением СМ. Что противоречит тому, что Сим с его парой русел и священной пещерой на берегу, – первоэлемент, давший имя ключу «сим-сим» к сказочной пещере с сокровищами, запертой на замок тайны слова? Географическая отдалённость?

Но ключи к смыслу сказок о Колобке, о курочке Рябе лежат в языке арабском. Почему ключу к арабской сказке не находиться на Южном Урале?

Обратимся к армейскому выражению должного, производному от пары СМ. Это команда «смирно!» Команда заставляет замереть на месте, а затем стройно двигаться войска на строевом смотре. Под армейскую аллегория подходят воспитание кодекса чести на эпизодах эпоса; стройность управления стратегическим комплексом, строгая последовательность построения дома и корабля, натуральный ряд чисел и такой ментальный объект, использующийся в управлении, как «своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах⁵⁰...».

Скрытая основа явлений действительности, то называемая дхармой, то подразумеваемая под Логосом, то рыбкой поблёскивающая, то пташкой порхающая в знамениях, в науке обозначается понятием субстанции. Наука, обнаруживающая устойчивые свойства и закономерности, неизменные и всюду сущие, называет их

Рис. 6.31. Автограф русской мысли о метриках свойства связи в заставной буквице «Есть». В выразительных планах буквиц присутствуют формы ушной раковины, кисть руки и другие коммуникативные органы. Инициальная буква ранних рукописей – документальное свидетельство подлинного сюжета движения культурных сил (рис.3.7). Родственны выразительным формам египетских доктрин пёс (Ину), узел над ним (Анх), подножие пса (группа звёзд Ориона, прообраз букв Кси, Икс, Хер) и птица. Здесь птица – образ того, что можно упустить и потом уже не поймать.

49 Египетские цари обрисовываются как связующее и правящее, благодетельное начало того, с чем не справляется Солнце в своём правлении миром.

50 Российская ментальность. Вопросы философии. №1 1994 г., с. 25. Сравн. собранность, стиль, предсказуемая устойчивость.

объективными, то есть существующими независимо от сознания человека. Теперь войдём в реку под рекой. Почти как определение субстанции⁵¹, аксиомы, всеобщего закона, самой устойчивой и существенной закономерности, фоновой функции звучит перевод названия праздника в индийской календарной обрядности. Самарамбха – “*нечто, имеющее место в одно и то же время повсюду*”. Сама языка хинди – *равное (сравн. единичное преобразование и смрити)*. Арамбха – *начало, зачин (сравн. арии)*. Подобно легендарному богатырю Саму, праздник всегда молод (рис. 6.32).

Смысловой множитель праздника воздействует на такое порождающее пространство и «седалище жизни», как сознание людей, подобно команде «смирно». Праздник из поколения в поколение поддерживает порядок во внутреннем зрении, консолидирует представления о действительности, устремления и оценочную деятельность. Если ещё раз использовать аллегория физическую, то праздник согласует, упорядочивает, делает организованным, слаженным, когерентным движение больших количеств квазинезависимых частиц.

В Древнем Шумере к концепции, с помощью которой осуществлялось управление сообществом, к моделированию содержания будущего относилось понятие “гарза”. Нераздельное с праздниками, оно обозначало ритуал, обрядовые церемонии. Гарза – символическое выражение в обряде представления о субстанции и о порядке вещей. Праздник, мистерия, обрядовая церемония, первый день индикта как зачин (*арамбха*) – это соединение сознания с неуловимым и прочным причинным в составе мира. С тем, что *есть* (имяслов буквы, обозначающей число Пять) в идеальной модели, в предначертании, но пока не нашло своего феноменального воплощения⁵². Соединение сознания с той же платформой и мерой, которую космогония Мемфиса подразумевает как причину появления мысли в сердце бога Птаха. С шумерским обозначением «гарза» коммуникации с причинной областью созвучно башкирское имя Гамаза речки, оживляющей сухое русло Сима близ входа в пещеру Ямазы-таш (рис. 6.33).

Рис. 6.32. Ключевой эпизод открытия и образ национального праздника Сабантуй. Середина июня 2011 года. Татарстан. Набережные Челны.

51 «Субстанция – ...условие возможности всякого синтетического единства восприятий, т.е. опыта...» (И. Кант. Соч., т.3, М., 1964, с.254). Сравн. самадхи и язык.

52 Богоносному Симеону Столпнику Дивногорцу начала православного индикта открыты будущие события.

Рис. 6.33. Вход в пещеру Ямазы-Таш на правом берегу сухого русла Сима, по которому струится речка Гамаза. Вид с поляны на левом берегу реки Сим.

Лексема башкирской речи, производная от пары СМ, вносит в объём меры СМ значение уплотнения, усиления. *Сим кара* – черным-черно. То же делает собирательный образ, образ-чистое состояние, символ. За ними стоит наибольший объём информации. Информационно плотен и Симский комплекс, сконцентрировавший крепко сбитые прародительские знания. Гидроним Сим с его двойным руслом сближается с диалектным башкирским *сюмь* в значении “глубокое место реки”, “омут”⁵³. Эссюм – название левобережного скального массива. Под его вертикальным зеркалом (рис. 6.34), почти напротив пещеры Ямазы-Таш, отверзается тайное русло Сима⁵⁴.

В ясновещих устах краеведа Лидии Леонидовны Пядышевой истолкование названия Эссюм скалы, огненной в лучах клонящегося к закату Солнца, – слияние двух башкирских слов: *эссе* – жаркий и *сюм* – любовь. Стихия любви как фоновый ресурс интеллекта и интуиции, познания и развития – тема поэзии суфиев. Подобно богу Нефертуму в космологии Древнего Египта, любовь освежает, оживляет, заставляет изменяться и действовать. Отражение света зеркалом скалы подобно инверсии верховной меры вселенной, с волнением рвущейся о жизни, в мысль, слово и действие. Отсвет на скале – это иносказание о том, что

*Не существует без источника
Необходимый жизни свет.*⁵⁵

53 Омут – местонахождение перстня царь-девицы в сказке П.П. Еришова «Конёк-горбунок» (рис. 6.36). Перстенёк – образ власти, которую нельзя превзойти. Сама царь-девица – образ лада, как и дочка Самсона Вырина.

54 Сравни. о должном: «отверзу в притчах уста мои; изреку сокровенное от создания мира». Мф. 13:35.

55 С.Л. Семянников. Отделённый свет.

Рис. 6.34. Свет на скале массива Эссюм – образная аналогия сигнала информационного поля, лежащего за горизонтом. Мера его сигналов – верховная для человеческой деятельности. Образ их благ – поток воды из скалы. Сигнал поля в сказке о реке выражен в образе мухи, прилетающей за слушателем или слушательницей сказки. Форму мухи имел высший орден Древнего Египта. Оконечности крыльшек мухи напоминает козырёк скалы.

Отсвет на зеркале скалы, представляющий связь с высшим знанием, родствен метафизическому свету, которым наполнена пещера на боку Зевса (рис. 4.16). Он соотносится со светом и с природой людей, названных в Коране вестниками, посланниками, пророками. Происхождению их родомыслия и силы внимания, обусловленности их деяний лощией дофеноменального посвящено суфийское высказывание: «Свет может отражаться от стены, но настоящей хозяйкой его будет не сама стена». Аят 158 (164) суры Семейство Имрана гласит: «Оказал Аллах милость верующим, когда воздвиг среди них посланника из них самих; он читает им Его знамения, очищает их и учит их писанию и мудрости, хотя они и были раньше в явном заблуждении».

Вспомним сказочную пещеру с сокровищами, запертую на замок тайны слова, читая изречение Дж. Руми о пути к должному содержанию будущего: «Все стали золотоискателями, но обычный человек не узнаёт золота, даже если и увидит его. Если вы не умеете распознавать золото – присоединитесь к мудрецу».

Возле зеркала скального массива Эссюм уместно возвратиться к имени *Кифа* (камень), данному Христом Симону. Имя равно как множество имени *Кāфи* Аллаха Тааля со значением *Самодостаточный*. В арабском алфавите буква *Кāф* имеет числовой эквивалент 100, ассоциируясь с сотым именем Аллаха. Сотое имя предназначено для служения всему человечеству во все времена. Чем и занимаются извечно и во всех селениях вестники и посланники Аллаха Тааля. Егип-

тологами высокое достоинство части «каф» имени Усеркаф царя V династии (2645 ... 2458 годы до н.э., рис. 6.35) истолковывается значениями «могущественность» и «величие». Модель скалы Эссюм, её философский урок о жизнеустройстве посвящены такой милости Всевышнего, как лучшие.

Остановим разговор о скале, под которой отверзаются воды Сима, созвучием названия Эссюм с именованьем «есееи». В общине ессеев воспитывалась подрастающая Мирим, рано потерявшая родителей. В общине ессеев рос и её чистый сын Иисус, коранический пророк Иса. Признаки общины ессеев узнаваемы в аяате 100 (104) суры 3: *«И пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти – счастливы».*

Смысловая мера СМ создаёт симфонию лексических форм, связанных с должным содержанием будущего. «То, что должно быть» указывает законодательный орган сейм. Предельное отображение класса истин вероустава, имеющего силу закона, – символ. Симптоматикой называются проявления, «оказательства», внешние признаки, на которые опираются врачи и аналитики, выстраивая умозаключения о содержании будущих действий. К приближению траекторий частных к общей цели как модели будущего состояния имеют отношение ассамблея, симпозиум, саммит и семинар (лат. *seminarium* – *рассадник*, русск. – *вырец*, ср. *Самсон Вырин*).

Благотворное устремление – смысловая основа наименования Симферополь столицы Крыма и названия саум поста в исламе. К мистическому проявлению смысла СМ отнесём то, что в крымском Симеизе⁵⁶ было принято из космоса первое изображение обратной стороны Луны, осмотренной советской космической станцией. Произведения ЗМ и СМ – близнецовая чета. С целеполаганием связаны азимут и закваска, которую означает существительное «зима». По положению крыльев и огням семафора машинист локомотива узнавал, свободен ли для движения путь⁵⁷. Врачебная путеводная наука о признаках болезней называется семиотикой. Важнейший регулятор работы организма, не зависящий от воли и сознания – симпатическая нервная система. В сказке П.П. Ершова «Конёк-горбунок» метафорическим образом процедурного регулятора надлежащего содержания будущего может служить донная рыба сом. Советник сом подписывает именной указ державного кита о поимке большеглазого ерша с целью отыска-

Рис. 6.35. Царь V династии Усеркаф (Величие Усира, Осириса). Абуцир. Высота портрета 45 сантиметров. Египетский музей. Каир.

⁵⁶ Тат. *симез* – *жирный, тучный, упитанный*.

⁵⁷ *Семафором называется морская и речная связь флажками. Читаются, подобно семафору флажками, язык индийского танца и информационные мудры Будды, спасительные для богов и людей.*

ния перстенька Царь-девицы (рис. 6.36). Числительное семь через соответствия в санскрите выводит на образ нимфы Адрастеи, игрушки которой забавляли, питая пищей впечатлений, малыша Зевса.

Из мозаики образов, терминов и подобий сделаем вывод, что этимологи правы, сочетая меры единицы, строящей натуральный ряд чисел, и композиции СМ со смыслом должного в содержании будущего. В греческой мифологии достоинство «фамильного имени» СМ и достоинство корня ДН наименования «один», образные и терминологические группы на их основе роднят образы Семелы и её и Зевса сына Диониса. Сюжету мифа о Семеле и Дионисе изоморфно высказывание святителя Николая Сербского: *«Иногда слышу я: говорите вы о великих мыслях, родившихся в умах ваших неожиданно, без всякого усилия вашего. Кто рождает их, многоумные? Как родились они без Отца, если сами признаёте, что не вы им родители? Аминь, глаголю вам:*

Отец им – Дух Святой, а мать – последний девственный уголок души вашей, в который Дух Святой ещё держает войти».

Рациональное «Ныне» под словом «связь» понимает коммуникативные каналы и технические средства передачи данных. Оно знает и другие связи, с неоспоримой очевидностью обслуживающие потребности будней: причинно-следственные, служебные, хозяйственные, родственные... Но одна только неоспоримая очевидность в основе информационного состояния, кругозора человека, обмеляет понимание жизнеустройства. Конь категориального аппарата перестаёт пахать глубоко. Истощается продуктивность интеллектуального поля. Создаются условия для появления в среде фактора, образ которого – заноза в стопе (рис. 5.72) На слепоту «рационального» по отношению к идеальной сущности вещей и к скрытому их порядку распространяется притча о Насреддине. *Муллa идёт домой. Одна его рука занята печенью, а другая – рецептами блюд из неё. Вдруг налетевшая птица выхватывает печень. «Что же ты будешь делать с ней без рецепта?!», – взывает горестно и напрасно служитель веры.*

Поинтересуемся рецептурой, оставшейся у Насреддина. Листок с набором способов приготовления – метафорический перенос представлений о содержа-

Рис. 6.36. Осетры справляются с вырытым еризом неподъемным сундучком с перстнем Царь-девицы (сравн. кольца дофеноменальных сущностей Ме в Шумере, перстень Сулеймана и утонувшая зернотёрка Сампо). Художники Н. Стрoганова, М. Алексеев.

Рис. 6.37. Короткая улица Слепого осла выходит на мост через канал и соединяет ратушную площадь с рынком. Над улицей насельника скотного двора – вызолоченная фигура иудейского царя. Брюгге. Западная Фландрия. Бельгия.

Аналог рецепта притчи и ход сообщения с дофеноменальным – древний народный праздник. Рассмотрим его модель и связи, переместившись ещё раз в Дагестан, в горную Сагаду. Её круг знаний о непреложном, которому подчиняется мироздание, введён в систему образов, человека повседневно окружающих. В них же пресуществлена методология самостоятельного познания мира и самостоятельного действия. Сагадинцы называют три своих традиционных праздника. Главный праздник года и всего селения приходится на весну. Его духовная платформа – вера в центральную силу, дающую в союзе с трудом радость земной жизни.

Второй – праздник начала жатвы и сенокосения. Его названия – *нешу бегерни* и *нешу богъни*. Нешу – название приспособления для ручного скашивания. Второе слово несёт смысл начинания. Праздник считается женским, и его про-

нии будущего. Состояние, к которому мы стремимся, так или иначе отдалено, укрыто во времени. Поэтому Насреддин несёт печень, известное предсказательное орудие древних. Возглас суфия Насреддина относится к упускаемым обретениям. Образ последних в сказке об Али-Бабé – сокровища в пещере, а в сказке об Аладдине – джинн, появляющийся из потемневшей от времени масляной лампы.

Птица в притче – верхоглядство, фатальное маломыслие, простые инстинктивные потребности. Сбитое чувство собственного достоинства, низкий статус тяги к знаниям и статус общественный как признаки принадлежности к множеству и в связи с качеством жизни запечатлены предметно в улице Слепого осла в городе Брюгге (рис. 6.37). Суфийская притча о Насреддине – формула выгорания знаний, народов, культов. Выгорание происходит и тогда, когда предлагают только рецепты. Без печени⁵⁸.

Листок с рецептами в притче – аллегория идеальной, совершенной, дофеноменальной сущности вещей. Обозначение таковой сущности в Древнем Шумере – категория Ме.

⁵⁸ Печень даёт до 60%, а работа скелетных мышц – до 15% общего термогенеза организма. М.П. Чернышёва. *Временная структура биосистем и биологическое время*. СПб. 2014. Стр. 10.

Рис. 6.38. Погребальная урна и табличка колумбария. Экспозиция Помпеи. Британский музей. Лондон.

прибытка стад (пища на молоке – совокупный знак благодати полей и стад). Каждое лето высокоранговый шумерский бог, оплакиваемый женщинами, уходил на полгода в недра земли, чтобы передать её первоначальному веществу закваску и божественные силы плодородия. На лике земли Думузи проводит свою работу по поддержанию жизни с конца декабря по конец июня. Только женское участие в сагадинском празднике – также и отзвук ритуального канона священного брака в шумерской архаике.

Праздник третий происходит осенью, по возвращении коз и овец с летних пастбищ. Русская транслитерация названия осеннего праздника – **Цирица**. В слове-палиндроме сразу узнаётся пара СР имени Осириса, «тёмного» бога⁵⁹. Созвучно название Цирица и имени Цирцея богини латинского пантеона⁶⁰. Неслучайность созвучия подкрепляет сходство форм таблички колумбария Помпеи и надгробий Сагады (рис. 6.38, 6.39).

Цирица – ночной праздник сумеречного времени года. Он считается детским и присущ только трём горным селениям, входящим в один сельсовет: Сагаде, Тляцуде, Митлюде. Участвуют в осирическом событии мальчики, юноши и неженатые мужчины. Последние – по обязанности. Округлое созвездие Скорпион, царившее древле в это время, цезами ассоциируется с устройством для отделения сывортки от сыра. Группа звёзд Скорпиона называется на цезском языке *гьир бильль, сито*. Называется так и узорчатая вышивка в занавесях. Участники, дол-

⁵⁹ В сказаниях о подвигах шумерских богов **Асарлухи** – имя сына бога Энки. В вавилонское время пресуществление **Асарлухи** – **Мардук**.

⁶⁰ **Цирцея** – римское пресуществление греческой **Кирки**. **Кирка** могла превращать людей в животных. Она же очистила **Медею** и **Ясона** от убийства **Ансирта**.

цедура занимает скромные утренние часы поодаль, но в виду селения по дороге на хутора. Праздничная пища готовится на молоке. Временной ориентир события – созревание ячменя, готовность его к жатве. Некоторая отдалённость места проведения праздника от селения, его молочно-крупяной стол, окончание периода вегетации ячменя и только женское участие обнаруживают в празднике ясный отголосок шумерской культовой церемонии прощания с богом Думузи. В культовом календаре Шумера Думузи – божество процессов вегетации растений и

Рис. 6.39. Типовая форма рисунка таблички кенотафа в Сагаде (время кавказской войны 1817-1864 гг.)

женствующие быть приоритетной фазой в сообществе, собирают продукты для своего подзвёздного пира, подворно обходя селение. Родители отпускают детей на Цирицу дважды. Это потому, что козы и овцы возвращаются с пастбищ в ноябре с перерывом примерно в неделю. Человек на народном празднике проходит через целый ряд важных переживаний.

Главный общинный праздник горной Сагады называется Ос бекъира и Оسخосы (ос, цезск. – бык). Значение того и другого названия – проба быков. Опробуются бычьи силы вспахиванием первых борозд года. У праздника две мощные астрономические связи. С главными предметными орудиями праздника, ярмом и сохой (рис. 5.32), цезами ассоциируются созвездие Орион и звезда Сириус (рис. 5.33). Орион и Сириус – звёздные предки орудий, а именно – их небесные «предначертания». Предначертания предметно оформлены в земных ярме и сохе. Эта ассоциация цезов – свидетель-

ство древнего представления об идеальных дофеноменальных моделях вещей и явлений, выраженных в шумерской категории Ме.

Ещё одна астрономическая связь торжественного события, объёмлющего всё селение, – весеннее равноденствие. С ним совпадает начало года в календаре Древнего Шумера. В случае благоприятной погоды праздник в Сагаде начинается накануне, 18 марта. В этот день в присутствии всех жителей парой впряжённых в соху быков по земле прокладываются и засеваются первые семь борозд года. До окончания праздника Оسخосы весенняя вспашка земли никем не начинается.⁶¹

Каждая праздничная борозда прокладывается туда и обратно. По правилам праздника борозды прокладываются разными людьми, уважаемыми в селении. Проведение борозды предваряется чтением сурь «Аль Фатиха», открывающей Коран⁶². За семью айатами первой суры следуют краткие молитвенные просьбы (дуа) о ниспослании во весь период вегетации растений соразмерности дождей

61 Проведение первой борозды упряжкой быков изображает французский живописец Жан-Батист Грёз (1725 ... 1805). На холсте 1801 года с названием «Первая борозда» нет сагадинской всеохватности, но мера «от мала до велика» чётко обозначена. Присутствуют также праздничная одежда и музыканты.

62 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! (1). Хвала – Аллаху, Господу миров (2). милостивому, милосердному, (3). царю в день суда! (4). Тебе мы поклоняемся и просим помочь! (5). Веди нас по дороге прямой, (6). по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, – (7). не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Рис. 6.38. Рабочая часть бируса (сохи) с сошником напоминает голову бычка. В шумерской и других древних мифологиях бык – символ, моцци плодovitости и трудолюбия.

и солнца. Метеоусловия определяют итог труда на террасных полях горцев и рост трав на пастбищах. Всенародная церемония, торжественно начинающая каждый сельский год, свидетельствует о том, что сагадинцы мыслят «объективную реальность» не такой уж независимой от сознания. Праздник начала года выражает единое целое мира и человека. О понимании этой взаимозависимости и взаимообусловленности в философской школе праздника говорится как об условии благополучия и выживания. Благочестивый зачин года устремлён на инициацию людьми нужного действия причинного в составе мира. Как частный случай взаимовлияния

человека и объективной действительности сагадинцами подразумевается связь характера лета с чертами характера организатора праздника.

Обратим внимание на сходство проведения одной борозды в двух направлениях с одинаковостью прямого и обратного прочтения согласных названия *Осхосы*, с симметрией египетских короны (рис. 6.22) и царских надписей (рис. 5.1). Корень ХС роднит название праздника с шумерским эпитетом «*atra hasis*» (больше, чем другие, помнящий). Благотворное действие знания, ума сходно с благотворным действием сохи в ключевом эпизоде праздника. Корень БР сообщает цезское название сохи «*бирус*» (рис. 5.32, 6.40) и название «*барака*» невидимой сущности. Бирус – орудие поля предметного. Дар бараки, дающий знание сокровитного, – орудие поля информационного. Эта же кодировка предопределяющего действия ума действием предмета присуща празднику сабантуя.

После проложения всей семёрки борозд их засеивает организатор праздника. Мальчики до шестнадцати лет следом за ним ногами заравнивают гребни пашни, укрывая зёрна землёй. Сеятель совершает свою работу в тулупе, вывернутом мехом наружу. Таким он и бросается затем наутёк. За сеятелем устремляются дети, чтобы догнать и повалить на землю. Смысл этого эпизода с хозяином праздника истолковывается желанием получить высокий рост злаков, поскольку высокие хлеба полегают. Для ручной уборки урожая полёглость не помеха. Солома дополняет сено в зимнем питании скота. Иносказательный же завет избытку жизни молодой, упакованный в эпизод с поимкой убегающего сеятеля, таков же, как завет тариката: соединять первосилы стран небес и земли. Следует принять во внимание и следующую очень важную ассоциацию.

Организатор праздника принимает на себя труд и расходы добровольно. «Доброволец», «Наёмный Работник» – шумерские названия созвездия Овен. Восход созвездия в Древнем Шумере приходился на весеннее равноденствие, на начало

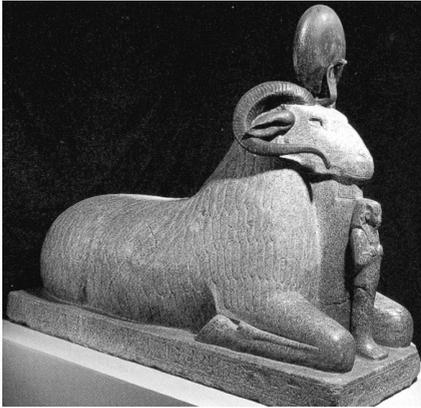

Рис. 6.41. Овен Амон с фигуркой царя. Баран – священное животное Амона (Амуна-Ра). Во времена создания знаков Зодиака Солнце вступало в созвездие Овна в весеннее равноденствие. XVIII династия, ок. 1380 г. до н.э. Гранит. Длина 207 см. Египетский музей, Государственный музей Прусского культурного наследия. Берлин.

года. Как ныне приходится на них праздник Осхосы. В ранней шумерской древности в период весеннего равноденствия и новогоднего праздника избирался царь. Бремя царствования принималось на себя добровольно. Вместе с тяжелой обречённостью быть убитым. В сагадинской церемонии начала года мы видим живой ту же схему шумерской архаики.

Иносказание о желаемом обилии всходов и стад легко увидеть в обращённом наружу мехе одежды сеятеля. Сам же сеятель, облачённый в вывернутую овчину, ассоциируется с первопричиной изобилия. Барановидными и бараноголовыми в Древнем Египте живописались бог Ра и бог Амон (Амун, рис. 4.5, 6.41). В Древнем Шумере бараноголов Думузи, поддерживающий набирающее силу Солнце. В легенде об овладении Исидой силою

бога Ра великий бог говорит о себе: «Я открываю празднества года». Праздник Осхосы открывает год. От имени Амон производны заклинание «аминь» и название «аманат» завета в исламской теологии. В культуре цезов исповедальный завет предшественников, обычай, – атрибут миропорядка.

Начинается главное торжество года с потчевания всех прибывающих его устройтеlem. Для этого в большой ёмкости (рис. 6.42) к началу сбора готовится блюдо из свежего мяса с фасолью или смесью зёрен злаков. В состав подносимого мог входить такой карпогонический⁶³ символ, как куриные яйца. Комплектен с варевом бывал и хмельной напиток медь. Каждый благодарит лицо верховной общественной значимости и высказывает ему и помощникам почтение и добрые пожелания. Все размещаются на склоне вокруг площадки, где будет проходить вспашка. Накормление общины – слагаемое, характерное для шумерских процедур землепользования.

После пахоты бычки, освобождённые от ярма и зимних стойл, не прочь немного побегать. Прежде на рога им надевали баранки (цезск. агураби), а молодые удалцы настигали резвящихся бычков, снимая баранки с рогов. Побегать всем даёт возможность подготовленная дистанция длиной около полусотни метров. Вызов линии старта и сигнал

Рис. 6.42. Медный котёл ручной работы, в отставке питающий бычков в сагадинском домашнем хозяйстве.

⁶³ Гарбха, санскр. – зародыш. Способствует пониманию термина «народность».

Рис. 6.43. Праздничный (Sed) бег царя Сесостриса I (рис. 5.26). XII династия, ок. 1930 года до н.э. Известняк. Высота 105 см. Коптос. Университетский колледж, Petrie Museum, Лондон.

Бег Сесостриса I устремлён к бегу Мину (сравн. минарет), олицетворяющему верховное управление производительными силами природы.

зова души принимают малыши, их старшие сёстры и братья, мамы, папы, бабушки и дедушки. Согласно рецептуре праздника без конфет, баранок, других угощений не остаётся никто из бегущих. Корневая аналогия бегу сагадинцев на празднике зачина года – бег египетского царя на празднике возобновления его и царства сил (рис. 6.43). Назывался египетский праздник Хеб-сед⁶⁴. Он соединял жизненный потенциал вожатого страны и такие показатели её благополучия, как плодородие земли, плодovitость скота, рождение детей...

Проложены семь двойных борозд первой пашни, распряжены быки. Бирус (соха), почётно опёрт на ящик. Около устройтеlem праздника ставится подарок. Раньше это был большой округлый агур, пышный собрат калача и кренделя, испечённый и искусно украшенный супругой хозяина праздника и её помощницами. Ныне роскошное произведение домашнего хлебопечения сменяет большой заказной торт, круглый, но не кольцевой. Кто его берёт – тот принимает на себя

труд и расходы организации праздника следующего года. Это угодная Аллаху деятельная форма выражения благочестия.

Проходил праздник Оسخосы не одним днём пробы сил быков, как ныне. Длился он примерно неделю, противостоя выбрасыванию этнического, лучшего и заветного, и вбрасыванию чужого. После 2012 года от торжества отсечён весёлый узор второй части. Лезвие злонравия воспользовалось для этого, во-первых, неодобрением исламом хмельного. Во-вторых, – действиями хулиганов, засылаемых под видом гостей, зная, что обычай не позволяет их выгнать. Вековая настройка умов на сплочённость сообщества сбивается и выборными процедурами. Поэтому об отсечённой пиршественной части праздника будем говорить в прошедшем времени.

Частью пиршественной селение прославляло верховную силу, дающую сладость чаще жизни. Оказывало согласное уважение к одарённости и достижениям человека как к явлению милости Всевышнего ко всем. Для веселья, которого ислам не запрещает и не запрещал, загодя готовился вкусный ячменный напиток брожения буза (цезск. зеру)⁶⁵. Бездрожжевой напиток, пришедший из глубины

64 Хебденек – название эвенкийского новогоднего праздника, приходящегося на летнее солнцестояние. Церемониальный бег царей засвидетельствован клинописными табличками Шумера. Быстрый бег, зов души и радость сердца шумерами соотносились с богиней состояний Инанной и с совершенными условиями существования жизни Ме.

65 В поэзии суфия Омара Хайама опьянение – код изменения эмоционального состояния и состояния сознания в результате понимания скрытого, тайной сущности вещей и явлений. Кравчий, наполняющий чаши – персонификация силы, дающей понимание, прозрение,

веков, за свойство усиливать кровоток, придавать хорошее самочувствие и настроение, не вредя уму, можно без преувеличения назвать сокровищем нации. Искусство приготовления бузы пока не утрачено, но угасает, никем не наследуясь. Известно, что высокогорные ячмени применяются в питании спортсменов перед труднейшими соревнованиями.

Маленький парадокс. До коллективизации мужское товарищество каждого цезского селения имело в коллективном владении специальный участок земли под ячмень для бузы. Коллективный участок мужского товарищества Сагады находился напротив селения, за речкой Митлюда и за склоном горы, обращённым к Сагаде. Эпический герой Шумера Гильгамеш (Бильгамес) до своего воцарения представлял как раз мужское товарищество. В шумерском номе оно было важным социальным слагаемым. Как и в дагестанских общинах.

Бузу (зеру, сравн. зеро – нуль и пару СР) для праздника в один год готовила половина селения, расположенная к югу от мечети, а в год другой – половина северная. В 2012 году последняя обязанность готовить бузу пришлось на половину южную. Зерно для приготовления бузы берётся из расчёта большого ведра на каждого мужчину, включая новорождённых. Поспевает буза за 7 ... 8 дней. Доверенные лица в течение 2 ... 3 дней собирают напиток в отдельное помещение.

Руководили пиршественной частью праздника Осахосы старейшины. Вторая часть праздника сродни развлекательной и соревновательной программе сабантуя. В Сагаде каждым днём величания понимания истин, правил и счастья жизни распоряжалась своя комиссия. Обычные места сбора – площадка для обмолота зерна и где удобнее. Туда сносят столы и стулья. Еду в течение каждого дня приносят хозяйки сагадинских домов. Неисчислимые щедроты Всевышнего Аллаха Таала прославляются лезгинкой и другими танцами, юмористическими рассказами, музыкой и пением, в том числе «по заявкам», от исполнения которых можно и отказаться. Всё это многообразие – проявления, вариативные состояния, позвонки хребта древней родомысленной концепции, с помощью которой поддерживаются такие условия выживания, как сплочённость общины и самоуправление в ней. Кстати сказать, что высшим знаком почтения к гостю в Сагаде является потчевание спинным хребтом, как и у Гомера (рис. 6.45). Со сломанной хребтиной приходится сопоставлять урон, нанесённый целостности главного праздника Сагады. Повторим, что сюжетный ряд праздника – отображение характера и первичной системы ценностей этноса – условия существования его жизни, называемого в науке субстанцией.

Распорядитель дня благомысленно вещал к участникам пира, поднявшись на свою руководящую табуретку. В день последний награждались лучшие испол-

озарение, экстагическое состояние. В акадском мифопоэтическом тексте дворцовым чашеносцем был до воцарения Саргон.

Рис. 6.44. Ёмкость для приготовления бузы делается из сырого ствола липы выжиганием сердцевины.

нителю, домашние мастерицы и проводилась национальная борьба, поражением в которой считается касание земли рукой или коленом. «Включают» борцовские состязания два тканых женских пояса, выбрасываемые на пространство для схватки. Желающие бороться берут пояса и оборачиваются ими. Награда победителям – сухое мясо ноги барана, «ёлка» из яиц, называемая «луч», и примерно пять литров бузы.

Сакральную архаику древнего народного праздника нельзя с укоризной называть ветхостью в социальной действительности. В его идеальной модели желаемого состояния будущего древнее ясномыслие облекло в предметный формат вещи знания о связи безотчётного в сознании с неуловимо тонким и нерушимо прочным причинным в составе мира. Облечение скрытой действительности, неявного присутствием, в одеяние праздника начала года, по сути, ничем не отличается от современной формализации и описания свойств систем с помощью математического языка. Такой праздник по природе «двоякодышащ». Отмена явного прекращает и неявное воздействие на участника и наблюдателя.

Поговорим о неявном присутствии в сельском торжестве. Рецептами, оставшимися в руке Насредина, отображено и оно. Отсечением второй части праздника выхолощена циркуляция и преобразование информации в иерархическом уровне, в итерирующем⁶⁶ звене этнической идеосферы, помещающей знания

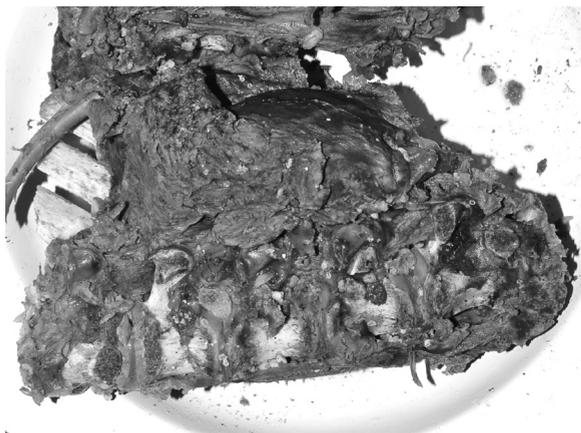

Рис. 6.45. Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем; но Аякса героя особо хребтом бесконечным сам Агамемнон почтил, повелитель ахейя державный (Илиада. Песнь 7.320). Спинальный хребет – знак высшего почтения гостю в Сагаде. 2013 год.

первостепенной важности в привлекательный предметный формат образов и отношений. Название этого звена – обычай.

С отсечением второй части праздника родомысленная этническая культура цезов утратила часть своих средств выражения вселенского благочестия выражением радости жизни. Нанесён ущерб выразимости замысла и милости Всевышнего в одарённых, в общинных лидерах, ревнующих о должном содержании будущего. Эти люди незаменимы для самоуправления

⁶⁶ Итерация – последовательное приближение. Например, к точному произношению, к точному пониманию, к точному исполнению, к измельчению зерна в муку... Действие постоянно итерирующей функции выражено гребенчато-желобчатой поверхностью чернотлаковой гидриды с изображениями Элевсинских мистерий в экспозиции Греческого зала Государственного Эрмитажа и гребенчато-желобчатой поверхностью ступы на рис. 6.12. Непрерывно итерирующая функция – кровоток.

и саморазвития общины⁶⁷. Подвергся изъяду такой метод подготовки ума и строя психики, как всесторонность информационного воздействия общины внутри себя самой. Информационное истощение, подавление этнически важной внешней активности людей угнетает первосилы этноисторического начала, народа.

От праздничной процедуры поддержания ясности мысли о благодатной смычке тухумов (родов) и стран небес и земли, о добром и простом, перейдем к пятому знаку Зодиака: созвездию Льва. Зодиакальный знак – брат праздника. Оба представляют итерирующую функцию, оба – точки поверки траектории движения субъекта познания к должному содержанию будущего. Лев образной системы Зодиака имеет шумерское происхождение и прочитывается в контексте многих мифов. Касаться мы их не будем. Отметим только, что состояние природы и трудов в Сагаде, приходящееся на регулирование астрономическим Львом, – сенокос. Сенокос обеспечивает должное содержание будущего.

На потолке часовни храма богини Хатхор в Дендере пятый знак Зодиака – композиция из пяти фигур (рис. 6.47). Вместе со Львом на спине Полоза дева Денебола и сокол, священная птица и пресуществление бога Гора. Над Львом – бог Сиа со свитком. Сиа – гребец Ладьи Ра. В ночном путешествии бога Ра Сиа повелевает Стражу Пустыни: «Отверзни своё загробное царство для Ра».

Для раскрытия смысла композиции в Дендере сопоставим образный ряд созвездия Льва с образным рядом иконы Неопалимая Купина (рис. 1.5). С соколом Гором в вершине красной фоновой астроида иконы связан Орёл. Человеческий лик в другой верхней вершине астроида соразмерен с богом Сиа. Соразмерны обе фигуры интеллектом и речью. Предположим, что Сиа, держащему свиток, не чужды также чувство прекрасного и то, что названо духовной жаждой, делающие человека человеком.

Бык иконы – инверсия менее очевидная. Осмыслению причины его появления на иконе и его связи с Денеболой помогают эпизод похищения Агеноры (Европы) Зевсом в образе быка и математическая аллегория отображения пространства в себя. Зевс с его необорной силой олицетворяет неотразимую *общую сущность согласного движения многого*. Обаяние же царевны Агеноры, заморозившее Зевса, – отображение гармонии вселенной в своей части, то есть в Агеноре. Такое же отображение вселенной в своей совершенной части, то есть отображение пространства в себя, – пречистая дочь Иоакима и Анны

⁶⁷ Коран. 3. 158. *Оказал Аллах милость верующим, когда воздвиг среди них посланника из них самих; он читает им Его знамения, очищает их и учит их писанию и мудрости...*

Рис. 6.46. Элемент обвязки барабана, сопровождающего сагадинские и окрестные свадьбы и праздники, имеет то же геометрическое строение, что иероглиф Анкх (Анх, рис. 6.22, 6.43).

Рис. 6.47. Пятифигурная композиция созвездия Льва на потолке очистительной часовни храма Хатхор в Дендере, Египет.

Мирим. Она – в зелёной астрониде иконы (рис. 1.5).

Применительно не ко всей вселенной, а к её фрагменту-социуму определение «общая сущность согласного движения многого» относится к ментальности народа. О ментальности можно говорить как о фазовом пространстве, на котором действует функция, порождающая подъёмную силу нации. Олицетворение представления о ментальности – Денебола. Денебола Льва Дендеры и Бык иконы Неопалимая Купина – образы разных сторон таковой единоцелостности. Их математические аллегории – область значений (Бык) и область определения (Денебола⁶⁸) функции.

На иконе не переменялся Лев. Раскрытие содержания этого образа в Зодиаке помогают Бык иконы Неопалимая Купина и бык на щите Ахилла. В Илиаде (18:573 ... 583) два льва ловят быка и глотают его чёрную кровь и утробу. В шумерском счислении словом «скушать» обозначается действие *умножения*. Если бык с чёрной кровью – образ знаний, тогда львами щита Ахилла и зодиакальным Львом кодируется воображение. Воображение *умножает*, распространяет свет понятого об основаниях и первосилах жизни, переводя эти знания в формулы образов и отношений⁶⁹. Воображение зиждется на свойстве связи и представляет его. В баснях Шумера лев – простофиля. Простофиля на Руси Иван-дурак.

Примем, что в начертаниях надзвёздного калама зодиакальный Лев – символ такого творческого качества, как воображение. Это о нём А.Н. Майков пишет: «И, зодчий ревностный, упрямо мечтанье уже грядущего сооружает зданье». Неявный механизм работы воображения можно уподобить тайному ходу воды Сима в скале. Или некоему переходному пространству, в котором происходит преобразование знания в образ. Пространство ассоциируется с мерой, давшей жизнь первомысли бога Птаха.

Лев Зодиака в Египте как образ переходного пространства воображения, озабоченного содержанием будущего, сочетался с переходным периодом в земледельческом календаре. На созвездия Льва и Девы приходился временной интервал наполнения русла Нила водами гор⁷⁰ – знаменья грядущего изобилия.

68 Сравн. очарование, связанное с образом Денеболы и санскр. ачарья, основатель. В Древнем Шумере идеальная модель и дофеноменальная сущность вещей – категория Ме.

69 М.Ю. Лермонтов. Русская мелодия.

В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...

70 На правление зодиакального Льва на Руси приходится яблочный спас. Идиоматиче-

С переходным пространством воображения и с его отображением созвездие Льва группируется танец двух львов в китайской традиции. Танец сопровождается такие волнующие переходы, как Новый год и презентация, появление ростка нового дела (рис. 6.48).

Повторим, что воображение переводит знание об открывшейся аксиоматике жизни, о согласном соотношении частей друг с другом и с целым в предметный формат художественных образов и их отношений. Формируется художественный образ путём приведения сигналов к одному виду⁷¹. Это в его вершине скрывается Лев египетского премудрственного речения.

Обратимся к примеру сказки А.С. Пушкина о мёртвой царевне и о семи богатырях. Сказка – об общественно значимой одарённости и об угрозах ей со стороны скрытых сил. В сказке множество элементов с сигнальным признаком лучшего «*всех румяней и белее*» дружатся и сводятся в одно образом царевны⁷². Всё, что сбивает настройку сознания, вытаскивает из отчего гнезда, переводит с одной галеры на другую, собранные воедино пороки и пророки-обманщики – это Чернавка. Чернавка – служанка зависти⁷³. Идя с ней – не вернёшься обратно. Образы сказок А.С. Пушкина – отображения действительных явлений. Упаковка множества разнородных, но однокачественных фактов в учётную форму образа способствует верной настройке сознания, спасительной для субъекта познания и исторического действия. Художественная форма, созданная воображением, волнующимся о содержании настоящего и будущего, транслирует знания сквозь время, позволяя пользоваться ими многим поколениям.

Присоединим к переживательному волнению общественно значимого ума, рёвнующего о содержании действительности и будущего, силу внимания, дар понимания и личное знание. Они – условие попадания воображения в точку, в

Рис. 6.48. Те же тема и схема в другом образном оформлении и приближении. Два дракона охраняют росток пальмы. Каменная художественная вставка в стене даосского храма района Джуронг. Сингапур.

ское выражение «попасть в яблочко», относящееся, как и образ сокола, к решению задач управления содержанием будущего – высшая похвала.

71 Математика – это искусство давать одно и то же название различным вещам. Анри Пуанкаре.

72 Сравн. лучшее и шумерские идеальные дофеноменальные сущности Ме: чистые, светлые, сияющие.

73 Сердца, не обретшие внутреннее видение – пастбище сатаны и войско его, ибо в них возрастают все пороки: зависть, злоба, замышление зла людям, недоверие, гордыня. Комментарий к айату Корана.

Рис. 6.49. Жан Этьенн Лиотар. Шоколадница. Пастель на пергаменте. 82,5 см × 52,5 см. Дрезденская галерея. Германия.

яблочко, при запечатлении знаний в образных аналогиях. И условие сходимости к той же точке восприятия образов другими. Эта функция устойчивой сходимости разных траекторий к заданной точке выражена образом сокола. Траектория движения сокола столь совершенна, что он всякий раз ловит самых вёртких птиц на лету. Задача и аллегория сходимости к заданной точке распространяется как на сенокосение и движение мысли, так и на движение царства к должному содержанию будущего. Поэтому царь, великий кормчий Древнего Египта, считался воплощением бога Гора.

Дадим названия фигурам созвездия Льва на потолке часовни храма Хатхор в терминологии современной. Окружающие Льва фигуры Полоза, Сиа, Денеболы, сокола Гора – фоновые ресурсы воображения. Премудрый Полоз, умеющий ползать только вперёд и менять кожу, – концепция Божественного замысла, с помощью которой осуществляется управление движением к должному содержанию будущего. На неё опирается воображение в своей творческой работе, её облекает

в покровы художественных форм⁷⁴. Представление о концепции Божественного замысла, дополненное представлением о выборе людей как о фазовом пространстве, создающем порождающую функцию, в другой образной форме олицетворяет «Шоколадница» Жана Этьенна Лиотара (рис. 6.49).

Кругозор и волю людей как фазовое пространство, создающее порождающую функцию, в композиции зодиакального Льва Дендеры обозначает фигура Денеболы⁷⁵. Скромно одетая Денебола – ментальность, исправно следующая своим законам. В методологии глобального управления ментальность, взгляд на жизнь, единое русло мышления народа определяется как условие устойчивой предсказу-

⁷⁴ Сравни в индуизме, будучи микрокосмом, отражающим в себе вселенную (отображение пространства в себя), художник, может выбрать из Шакти – Бесконечности Форм, любые ему нужные. Модель «Шакти – Бесконечность Форм» подразумевает существование вселенной как непрерывного процесса отображения. Подразумевает взаимодействие фрагментов вселенной и передачу информации, наделённой мерой, от одного фрагмента к другому. Искажения форм-мер Шакти считаются плутовством или безумием.

⁷⁵ Корни ДН и БЛ в имени Денебола можно рассматривать как соположение различных терминологических и образных групп. Сопологаются группы общим причинным фоном – универсальной характеристикой среды, выражающей её скрытую природу. Бала (шумер.) букв. – очередь. На порядок указывает и аккадское белуту, господство.

Рис. 6.50. Изображение воскрешающего Ока Гора Уджат (Зелёное) на потолке капеллы Исиды в пещере Ямазы-Таи. Южный Урал.

емости его поведения: «своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах»⁷⁶. Денебола-ментальность стоит между переходным пространством воображения – Львом и соколом Гором. Денебола держится за хвост Льва – воображения, упрямого мечтанья, волнующегося за содержание будущего. Его работа предотвращает генетическую катастрофу исчезновения ментального русла и народа. Как и работа интеллекта – Сиа, парящего со свитком в руке спиной к хребтине Льва⁷⁷. В одном из вариативных состояний Сиа олицетворяет мысль, которой бог Птах придал оскazuемость. В состоянии другом – помогает в созидании мира первобогу Атому. Гребец ладьи Ра Сиа, отдающий распоряжения стражам врат Дуата, олицетворяет представления и о методах подготовки разума. Один из результатов работы с ним – взгляд на человека.

Образ Гора – прародительский для современного понятия «адаптивные системы». Они поддерживают здоровье, тепло в доме, состав атмосферы в печи для химико-термической обработки; заданный курс самолёта... Адаптивные системы обслуживают автомобильные навигаторы и обеспечивают попадание в цель сверхточного оружия. Сокол Гор на хвосте Полоза – отображение представлений об управлении, выводящем траектории объектов управления в точку должного

---

⁷⁶ Сравни. С.Л. Рубинштейн: «Внешние причины проявляются только через внутренние условия».

⁷⁷ Ментальные и интеллектуальные уровни, биопсихологические программы, предопределённость ими понимания и поступка просматриваются как первоначальное природное основание древнего варнового деления людей Ведами и последующего деления сословного.

содержания будущего. Ментальность как вероятностная предопределённость поведения нации, «верной своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах» тоже охватывается математической аллегорией устойчивой сходимости траекторий к точке. Характеристическое свойство образа Гора устойчиво устремлять разрозненное к должному содержанию будущего аналогично смыслу композиции СМ и прародительскому замыслу создателей Симского комплекса. Аналогия подкрепляется изображением Ока Гора на потолке капеллы Исида в пещерном святилище Ямазы-Таш (рис. 6.50).

От воображения отличается фантазия. Воображение отвечает за свои информационные модели и их модули как топограф отвечает за соответствие карты и местности. Примеры наводящих построений воображения – скала Эссюм, Покровский собор на Красной площади, притча о Насреддине, народный праздник, басни И.А. Крылова... Фантазия соединяет что угодно с чем попало или с чем удобно⁷⁸. Фантазия не потупит стыдливо очи, нанося урон пониманию сути вещей, расплывая личность в суматохе мимолётностей, преступая и границы ответственности, и пределы абсурда. Фантазия уже по названию, однокоренному с именем Танатос бога смерти, не является творческим качеством. Аномалиям фантазии, скачущей ли с ветки на ветку, как южное животное, оставляющей ли кратковечные следы в дорожной пыли, родственны иллюзия, бессмысленные похожесть либо непохожесть, кривотолки молвы и мнение, подменяющее собою меру знания.

Ислам считает волнение и ответственность за других, основной мотив работы воображения, проявлением веры. На действия воображения и фантазии распространяется хадис Пророка: «Соблюдающих границы Аллаха, хранящих их, выражающих своё порицание таким действиям, которые запрещены Всевышним, и преступающих эти границы можно уподобить людям, тянувшим жребий, чтобы (занять места) на корабле, в результате чего одни разместились в верхней части (корабля), а другие – в нижней. Когда оказавшиеся внизу хотели зачерпнуть воды, им (приходилось) проходить через разместившихся на палубе, и (в конце концов) они воскликнули: «А не проделать ли нам дыру (в днище), чтобы набирать воду через неё, не беспокоя тех, кто находится наверху?» И если находящиеся на палубе предоставят их самим себе и тому, что они хотят сделать, то погибнут все, если же они их остановят, то спасутся сами и спасут всех (остальных)»⁷⁹.

Очевидно, что воображением Пророка создана добротная образная модель условия движения сообщества к должному содержанию будущего. К тому, в частности, что мы желаем друг другу в дни рождения и на Новый год. Без подобного Пророку лидера неотвратим духовный распад и неизбежно вырождение. В модели явен приоритет одарённых жребием как условия выживания и достижения цели. В Коране они – вестники, всеми видимые и манифестирующие собою ми-

⁷⁸ Сравни модель хаоса. Характерной чертой хаотического движения является эргодичность (перемешивание) или транзитивность наугад взятой траектории. Последнее означает, что случайно взятая точка со временем побывает в любой заранее взятой окрестности любой другой точки. А.В. Осипов.

⁷⁹ Ислам. Духовно-просветительский журнал. №1 (30) 2013. Стр. 17.

Рис. 6.51. Аллегорическая композиция «Самсон, отверзающий пасть Льва» входит в ту же совокупность отображений представлений о взаимосвязи человека и мира, о способности творить с помощью мысли, что праздник Осхосы, что «целевое» произведение СМ и Симский комплекс, что слово Ана-ль-Хакк (Я – Истина) суфия Халладжа и индуистское поучение *Tat twat asi* (Ты есть То). Самсон – аллегория действия, соответствующего пониманию сути как условию выживания. Нижний парк. Большой каскад. Петродворец.

лость и щедроты Всевышнего ко всем. Значение лучших, ускоряющих общественное развитие и являющихся условием выживания во все эпохи, отображает и скульптура «Самсон» Большого каскада Петродворца (рис. 6.51).

Хадис учит также важности для жизни группы знания каждым не только того, что делает сам, но и что делается в целом. Глубокий докоранический образ благодатного происхождения и значения лидерства лучших – ответ на скале Эсьюм (рис. 6.34) и поток воды, отверзающийся у её подножия. Ответ на зеркале дикого камня – обозначение пространства причин. Дополним философский урок скалы об обозначаемом и обозначении как о взаимосвязанных фрагментах вселенной (отображение пространства в себя) одним из свидетельств имана о лучших (имам Таджуддин ас-Субуки): «Они являются особыми людьми Аллаха; рассказывая о них, вспоминая их, надеемся получить милость Аллаха. Посредством их дуа Творец ниспосылает дождь, сохраняя нас от бед и невзгод».

Свидетельством о посредстве дуа суфия между странами небес и земли закончим главу о коммуникативном числе Пять и о кодируемом им фундаментальном ресурсе миросложения «свойство связи»⁸⁰.

80 Зу Нун аль-Мисри: «Суфий – это тот, чья речь разъясняет истину».

Разговор редактора с Валерием Григорьевичем Исаченко о том, что слухи об умирании искусства преувеличены

Ред. Третьяковская галерея и Русский музей – замечательны и дают характерное представление о феномене русской живописи. И все-таки то, что в них выставлено – это лишь верхушка айсберга. Многое утеряно, многое в запасниках, многое уехало за границу.

В.Г. Более широкое и полное представление об этом, как Вы сказали «феномене», мы сможем получить, если поедем по России. Едва ли не в каждом областном музее есть хотя бы несколько произведений, без которых творческий облик того или иного художника будет неполным. В Ярославском музее – Коровин, в Тверском – Сорока, Суриков, в Киевском – Ге, Крамской и Врубель и т.д. Немало первоклассных работ в музеях Поволжья, Урала, Сибири и «ближнего зарубежья». Кроме того, конечно, многое хранится в запасниках. Поэтому только широкомасштабные персональные выставки могут дать полное представление о художниках.

Ред. Для того, чтобы аккуратнее разместить в памяти названные Вами фамилии живописцев, я попробовал нанизать их на хронологическую прямую. Образовалось заметное глазу скопление во второй половине XIX века.

В.Г. Эту плотность можно заметить и в музыке, и в литературе, и в архитектуре. Кроме того, она заметна в это же время и в других странах, хотя, быть может, и не всегда на одинаковом уровне.

Ред. Связано ли это с какой-то специальной «атмосферой» в обществе?

В.Г. Такие мощные явления имеют «инкубационный период». Чтобы сад давал плоды, нужно, чтобы в нем до этого поработал садовник. Конечно, нужен был скромный и в то же время совсем непростой XVIII век. Да и первая половина XIX века многое дала искусству. Причем это было не только «дворянское» искусство. Например, Тарас Шевченко или Григорий Сорока.

Ред. Но в XVIII веке не было, например, Русского музея или Третьяковки. Не было разнообразных творческих объединений. Таких как Товарищество передвижных выставок.

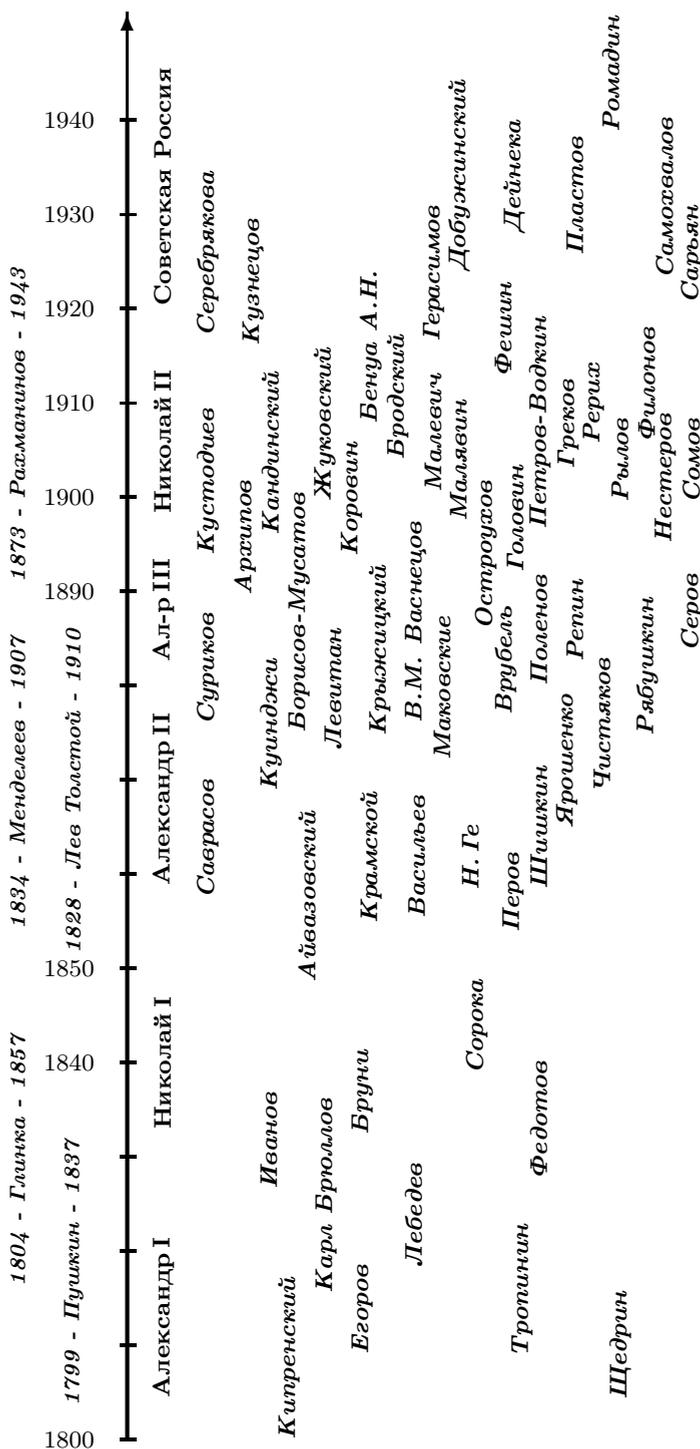
В.Г. В те времена это были частные коллекции, которые и играли роль музеев. Творческие объединения стали появляться позже. В начале XX века их был уже немало.

Ред. Например, «Бубновый валет». Эпатажная группа случайно собравшихся художников.

В.Г. Не думаю так. Художники действительно разные. Но это не эклектика, а синтез. Мощные, незаурядные люди были и каждый Личность (П.П. Кончаловский, И.И. Машков, Р.Р. Фальк, А.В. Лентулов...).

Ред. Говоря о Федоре Степановиче Рокотове, Вы указали на знаменитое стихотворение Николая Заболоцкого «Портрет», написанное в 1953 году.

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы*

*Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглой неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.*

В.Г. Да, это великолепное описание одного из шедевров Рокотова. XVIII век в живописи – это замечательные портретные галереи Дмитрия Левицкого, Григория Островского, Федора Рокотова... А до них были еще Иван Никитин, Андрей Матвеев, Иван Вишняков... Позже, особенно в связи с Отечественной войной 1812 года появилась батальная живопись.

Ред. Пейзаж появился позже?

В.Г. Его начало – в клеймах старых икон, в ярославских фресках, в городских ландшафтах XVIII – первой трети XIX вв. Документально точные виды Петербурга, Москвы и других русских и европейских городов созданы отечественными и приезжими мастерами. Современная пейзажная живопись начинается именами С.Ф. Щедрина, А.А. Иванова и других.

Ред. Пейзаж в России больше чем пейзаж. Как и в поэзии: «нивы печальные, снегом покрытые» или «сквозь туман кремнистый путь блестит». Производит таинственное действие. А теперь? Жаль смотреть на то, что происходит с пейзажными ансамблями нашего города. Помните, как красиво сказал Гоголь?

Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создано в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Н.В. Гоголь. Мертвые души

Как человек нуждается в том, чтобы время от времени посещать парикмахера, так и город нуждается в ухоженных скверах и парках. Петербург, который гордился когда-то своей зеленью, теряет ее на глазах. Кусты сирени, шиповника, акации вообще не принято принимать в расчет.

В.Г. Невозможно не согласиться с Гоголем! Тут комментарии излишни. Уничтожение зеленых насаждений в последние годы приобретает характер нацио-

нального бедствия. Но это большая проблема. Тут рядом и проблема наших лесов, и экология – масса вопросов. В начале XXI века приходится многое переосмысливать. Шишкинские леса – это уже исторические картины, а поленовские дворики – материал для краеведов и историков. Почти невозможно увидеть сегодня пейзажи Тургенева, Салтыкова-Щедрина и их собратьев – Саврасова, Ф. Васильева и даже наших недавних современников – Дейнеки и Ромадина. Научно-технический «прогресс»...

Но не будем тратить время на грустное. Пейзажная живопись – повод для большого разговора о природе, о мире и месте в нём человека и целого народа, и всё это характерно именно для русской живописи, обращённой непосредственно к душе человека. Она предлагает диалог художника и зрителя.

Слово «умиротворенность» стало несколько истертым, трафаретным, но в самом широком смысле оно, наверное, является достаточно характерным для русской живописи. И в этом большая «заслуга», конечно, пейзажа.

Ред. Я бы не сказал, что картины Верещагина, например, умиротворенные.

В.Г. Трудно подобрать удачное слово. Какая-то более здоровая, что ли живопись. Без патологий, без нервозности, без стремления к искаженным силуэтам и краскам, что характерно для некоторых направлений более позднего времени.

Ред. Это вроде «вкусной и здоровой пищи»? Как, например, на картине Петра Кончаловского «Алексей Толстой за обедом».

В.Г. Не придирайтесь к словам. Замечательная картина, сочная. Лучше всяких слов дает понять характер «красного графа». Сам портрет несколько статичен и эта статичность подчеркивает название жанра.

Жанр натюрморта в Европе был известен давно, начиная с античности, но XVI и XVII века – время создания поистине шедевров. Все не перечислить. В России долгое время он был как бы второстепенным, вспомогательным.

Ред. Может быть, просто потому, что время не сохранило образцов?

В.Г. Может быть. Но в конце XIX века расцвет этого жанра стал заметен. Например, в творчестве Константина Коровина он занял самостоятельные позиции. Его шедевр «Розы и фиалки» (ГТГ) – целый симфонический оркестр. Прекрасная игра цвета и теней. Следует назвать ученика Коровина – М. Сарьяна, Врубеля с его «Сиренью». Натюрморт требует хорошей техники и как никакой другой жанр дает художнику возможность выразить себя, вызвать у зрителя соответствующее настроение. Есть в натюрморте и символизм, иногда явный, а иногда и «фононый», подсознательный, который можно почувствовать лишь инстинктивно.

Ред. И все-таки, это «мертвая природа».

В.Г. Вот оживить ее и составляет задачу художника.

Ред. Перейдем теперь в советское время. Казалось бы, совсем недавно это было – мы жили в так называемую «эпоху застоя». Можно ли «застойным» назвать и искусство того времени?

В.Г. Каким оно было в 1960–1970 годах? Кто ныне помнит о необыкновенно быстром развитии всех видов искусства, о расцвете монументальной и станковой живописи, книжной графики, плаката, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, архитектуры? Десятки, сотни имён украсили панораму всего нашего искусства.

Например, так называемый «суровый стиль» (1960–1970). Родствен «деревенской» прозе. После В.И. Иванова, В.Е. Попкова и их соратников многие картины той поры казались плоскими, вялыми и пустыми. Живопись этих

мастеров стала классикой. Они очень ярко выразили идеалы того времени и двинулись дальше. Они рисовали портреты людей другой планеты.

Ред. Наверное, у каждого народа в каждое время проявляется свой стиль, который осознается, когда мы отодвигаемся во времени на некоторое расстояние. Можно ли такие вещи определить?

В.Г. Я соглашусь с определением, данным В. В. Вейдле:

Стиль есть такое общее, которым частное и личное никогда не бывает умалено. Его не создает отдельный человек, но не создается он и в результате хотя бы очень большого числа направленных к общей цели усилий; он – лишь внешнее обнаружение некоторой согласованности души, сверхразумного, духовного их единства; он – воплощенная в искусстве соборность творчества.

Когда потухает соборность, гаснет стиль, и не разрежь его никакою жаждой, никаким заклятием. Память о нем продолжает жить, но вернуть его нельзя, он дан, или его нет; тем хуже для художников и эпох, которым он только задан.

Сказано настолько верно и точно, что нет нужды в комментариях. Причем эти слова справедливы для всех эпох и народов.

В искусстве ведь не бывает прогресса, бывает новизна.

Ред. Вы использовали цитату из книги Владимира Васильевича Вейдле «Умирание искусства». Вам не кажется, что живопись тихо умирает? Не только взрослые, но и дети перестали рисовать для себя, на природе, в альбомчик, как это было раньше. А если дети все-таки рисуют дома, то рисуют фломастерами, не умеют пользоваться простым карандашом и резинкой.

Вместо напряжения внимания, которое требует и развивает рисунок, щелкаешь фотоаппарата.

Современные стили («я так вижу») полностью путают, не стимулируют развитие техники рисунка, нивелируют уровни.

Появились постеры, раскрашенные фотографии. В то же время куда-то делись книжные иллюстрации. Редко какая современная проза публикуется с иллюстрациями.

Наконец, последний удар по живописи наносит компьютерная техника «жикле». Техника, вытесняющая реальную живопись. Во всяком случае из арт-салонов. И дешевле и ярче.

В.Г. Техника «жикле» основана на компьютерном копировании. Но оригинал все-таки нужен. Копировали и раньше шедевры, причем в огромном количестве. Иногда копировали сами авторы.

Изменений в последнее время происходит очень много, иногда мы еще не в состоянии проследить, удачны эти изменения или, наоборот, губительны. Но рассуждать об умирании я бы не стал.

Ред. В одной из радиопередач Вейдле так оправдывал название своей книги.

Я ведь об умирании искусства не просто рассуждал, я горевал о нем, горевал о начавшемся исчезновении того, что было мне дорого и что я называл, как и все до меня, искусством.

В.Г. Да, это мне близко. И все-таки я думаю, что слухи об умирании искусства значительно преувеличены.

Ред. Валерий Григорьевич, спасибо за беседу!

Исаченко Валерий Григорьевич

Заметки о русских живописцах

В этих заметках – попытка лаконично, в виде коротких формул выразить мое отношение к тем мастерам, время которых отодвигается и которые кажутся от этого крупнее.

АЙВАЗОВСКИЙ И.К. Из 6000 полотен особенно запоминается «Черное море» (без берегов) в ГТГ. Ни красоты, ни желания понравиться.

АРХИПОВ А.Е. Разнообразен, интересен. Мягче, задушевнее Малявина (их нередко сравнивают) и некоторых других современников.

БЕНУА А.Н. и «МИР ИСКУССТВА». Книжная графика и театр.

БОРИСОВ-МУСАТОВ В.Э. Можно назвать его (а не Коровина) первым русским импрессионистом, но это не главное. Он создал новую русскую картину, творчески осмыслив опыт импрессионистов (два шедевра в ГТГ).

БОРОВИКОВСКИЙ В.Л. Много превосходнейших портретов. Образы для храмов гораздо слабее.

БРУНИ Ф.А. Мастодонт. Но мастер.

БРОДСКИЙ И.И. Очень много разного и неравноценного, но, независимо от вкусов, взглядов и моды, очень хороши «Ленин в Смольном» и портрет жены в Киевском музее.

БРЮЛЛОВ К.П. Сложная, противоречивая и несомненно очень крупная фигура. Надо отличать его от «брюлловщины» и разных «семирадских».

ВАСИЛЬЕВ Ф.А. Гениален не только в живописи, но и в небольших рисунках – вполне законченных работах (сарай и тучки на осеннем небе).

ВАСНЕЦОВ В.М. В «Алёнушке» – полное единство человека и природы, реального и сказочного. Удивительно тончайшая, изысканная, без рафинированности живопись.

ВЕНЕЦИАНОВ А.Г. Лики его персонажей (тверские крестьянки) и ныне встречаются даже в Петербурге (их предки из тверского края)! Предельно убедителен! Жаль, не было продолжателей (отчасти З. Серебрякова как эпизод).

ВЕРЕЩАГИН В.В. Конечно, это публицистика, но очень высокого уровня, к тому же не лишённая больших живописных достоинств.

ВРУБЕЛЬ М.А. Прекрасные майолики и акварели. Высокий уровень живописи в Москве и Киеве. Весьма спорны и даже сомнительны модернистские вещи – плоды больного воображения. Свообразен в рисунках и акварелях.

ГЕ Н.Н. Особенно примечательны портреты в Киевском музее, новаторский портрет Петрункевич у окна, пейзажи.

ГЕРАСИМОВ А.М. Талант! Темперамент! И Ленина на трибуне с вдохновением написал на зависть многим.

ГОЛОВИН А.Я. Аристократ! Много красивых работ во всех жанрах. Изысканный вкус, благородство ...

ГРЕКОВ М.Б. и его мастерская. Крепкие, настоящие мастера были. Таких и прежде не было и уже не будет. Сделанное ими – подвиг.

ДЕЙНЕКА А.А. «Маяковский в живописи». Монументальные вещи, плакаты, графика ярко отражают эпоху.

ДОБУЖИНСКИЙ М.В. Неотделим от Достоевского. Отразился в его творчестве и «серебряный век» с его особенностями.

ЕГОРОВ А.Е. Великий рисовальщик. Замечательные работы в храмах, образы Богоматери, «Истязание Спасителя» (ГРМ) и портреты.

ЖУКОВСКИЙ С.Ю. Его речки, плотины, интерьеры и натюрморты никогда не утратят своего обаяния, благодаря сочности, цветовой насыщенности, неповторимости авторского почерка.

ЗАГОНЕК В.Ф. Достоин восхищения и изучения.

ИВАНОВ А.А. Первый среди первых. В его Христа нельзя не поверить. Его пейзажи – не этюды, а картины. Его акварели легко представить в виде фресок. Он обогнал своё время и даже наследников (Ге, Поленов ...).

КАНДИНСКИЙ В.В. Анализировать, растолковывать почти невозможно, да и нужно ли? Красиво, динамично, дерзко и ... гармонично. После него многое кажется пресным, да и вовсе не нужным.

КИПРЕНСКИЙ О.А. Множество первоклассных работ. Особенно хороши два женских портрета в ГТГ.

КОРОВИН К.А. Лучше всех «о времени и о себе» сказал и в живописи, и в архитектуре, и в литературе сам «Константин Великий».

КРАМСКОЙ И.Н. Человек – эпоха, человек – школа. Враг пошлости во всём. В портретах – выявление главного в человеке, его значения в обществе. Рисунок, композиция, чувство тона, ничего лишнего, сиюминутного. Поставил крестьянина на ту же высоту, что и деятеля культуры. Немало новаторских живописных решений («В заброшенном доме», ГТГ).

КРЫЖИЦКИЙ К.Я. Кроме незаурядных картин – уникальная серия «Стога на болоте» (на кочках, с отражением в воде).

КУЗНЕЦОВ П.В. Открыл Киргизию, как Гоген Таити. Поиски «большого стиля» и протест против «цивилизации». Чувство вечности.

КУИНДЖИ А.И. В его горных пейзажах – почти весь Рерих. И в других произведениях предвосхитил многие открытия XX века. Значение этюда.

КУСТОДИЕВ Б.М. Богатырём русской живописи назвал своего ученика Репин. Так оно и есть. У какого народа есть свой Кустодиев?

ЛЕБЕДЕВ М. И. Многообещающий талант. Прожил всего 26 лет. Итальянский пейзаж в ГРМ – шедевр.

ЛЕВИТАН И.И. Певец грусти и печали. Лиризм, настроение, поэтичность – искусствоведческие штампы. Можно подумать, что у других пейзажистов не было этого джентльменского набора. Серьёзный же разговор невозможен: снобы – дилетанты всегда на страже: критиковать можно кого угодно, но не певца сумерек.

ЛЕВИЦКИЙ Д.Г. Всё у него есть – и монументальность, и парадность, и человечность, и духовность, и душевность, и, наконец, колорит. Дети – лучшие в русской живописи.

МАКОВСКИЕ В.Е. и К.Е. Немало добротных, высокого уровня портретов. Остальное – для любителей истории и этнографии.

МАЛЕВИЧ К.С. Масштаб личности! Многогранность таланта (живопись, театр, плакат, прикладное искусство, архитектура, теория искусства). Всегда будет будоражить умы и сердца, всегда будет враждебен мещанству. «Красная конница» – прекрасная поэма о революции.

МАЛЯВИН Ф.А. Силён, самобытен, иногда грубоват. Мощный, истинно русский талант. Даже в рисунках он – живописец.

НЕСТЕРОВ М.В. Послереволюционные портреты превосходны.

НИССКИЙ Г.Г. «Художник Нисский нам очень близкий» (Венедиктов Г.Л.). Он таким был и будет, художник и спортсмен, создавший образ преобразённой страны.

ОСТРОУХОВ И.С. Много этюдов и даже картин, но одна – выдающаяся: «Сиверко» (ГТГ). Здесь уместно вспомнить Н.Н. Дубовского («Притихло» из Вологодского музея) и И.И. Ендогурова («Начало весны» в ГРМ).

ПЕРОВ В.Г. Казалось бы, не самый сильный живописец, но ведь сложнейшую живописную задачу решил («Последний кабак у заставы», ГТГ) просто великолепно. Портреты Саврасова и Достоевского не нуждаются в красочных эффектах. Кто ещё изображал руки, как он? Они тоже говорят о человеке.

ПЕТРОВ-ВОДКИН К.С. Как большой национальный художник со своей темой и новыми образами окончательно сформировался после 1917 года. Великий дар многогранного художника-философа вместе с литературным талантом.

ПЛАСТОВ А.А. Грандиозная панорама жизни крестьянства после революции в многообразии жанров. Цвет, пластика, плотность, насыщенность тона!

ПОЛЕНОВ В.Д. Много достоинств, но – не колорист. Пестрота, нет тонального единства. Однообразен (Греция как Подмосковьё). Его Христос – натурщик. А в целом бывает красиво.

РЕПИН И.Е. Богатырский темперамент, экспрессия, умение вжиться в образ; увидеть всего человека и передать это зрителю. Диалог и с моделью и со зрителем. Редкое объёмное видение. На его холстах – вся Россия. Это художник целого народа в его историческом развитии, его герои – рядом с нами (Мусоргский, Глазунов, Стасов, Шестакова, Бехтерев, Молас, Дельвиг, Гаршин ...). Творческое начало в человеке.

РЕРИХ Н.К. Красиво, эффектно, с «философией», но... иногда надуманно (т.н. «древняя Русь»).

РОКОТОВ Ф.С. См. стихотворение Н.Заболоцкого.

РОМАДИН Н.М. Интеллигент в высшем понимании этого слова (не из дворян, а из крестьян). В его пейзажах есть всё, что было до него и ещё больше своего. Русский Север, Волга, «Средняя полоса», Ленинград – всю Россию воспел в своей могучей и тончайшей живописи.

РЫЛОВ А.А. Кратко выразился Салтыков-Щедрин о чеховской «Степи»: «Это прекрасно».

РЯБУШКИН А.П. Досадно – мало прожил. Далек бы ушёл!

САВРАСОВ А.К. Его зимы и вёсны, луга и болота всегда будут жить в душе и памяти. Его грачи, быть может, так и останутся лучшим пейзажем русской школы, а он – первым мастером русского пейзажа, хотя и до него и после него были первоклассные пейзажисты. В понимании, ощущении природы он особенно близок Салтыкову-Щедрину. А нам остаётся лишь любить его и учиться.

САМОХВАЛОВ А.Н. Живописец, график, архитектор, скульптор, писатель – это всё о нём. Стал одним из символов эпохи.

САРЬЯН М.С. Принадлежит не только Армении, но и России (любимый ученик Коровина) и всей культуре XX века. Это художник будущего.

СЕРЕБРЯКОВА З.Е. Крестьянский цикл уникален, но дамское начало оказалось сильнее – перешла к изготовлению «картинок» (довольно красивых).

СЕРОВ В.А. На стыке эпох. От передвижников к «Миру искусства», от репинского реализма к модерну и неоклассицизму. Благородство, вкус, изысканность в портретах, но лучшее – пейзаж (пушкинское видение природы; жаль, что их мало) и животные. Все его лошади – шедевры, даже в конных портретах главный персонаж – лошадь. Он любил и понимал «братьев наших меньших».

СОМОВ К.А. Пример деградации большого и оригинального таланта. От хороших портретов к картиночкам.

СОРОКА Г.В. Совершенство композиции. Чувство меры. Высочайший вкус.

СУРИКОВ В.И. «Меншиков» – самая «рембрандтовская» русская картина, но о подражании голландцу не может быть и речи. Его персонажи – это сам автор. Он прожил в себе их жизни. Его портреты – диалоги (два мужских – диалог с Сезанном).

ТРОПИНИН В.А. Просто, скромно и очень хорошо. Особенно портреты Булахова и сына (ГТГ).

ФЕДОТОВ П.А. Гениальная вещь «Анкор, ещё Анкор!» (ГТГ), замечателен портрет Жданович, сепии, лучший вариант «Сватовства майора» (ГТГ).

ФЕШИН Н.И. Красиво, вдохновенно, настоящая живопись. Глубоких характеристик нет, но ему они, быть может, и не нужны.

ФИЛОНОВ П.Н. Фантастически прекрасная «Формула весны» (ГРМ). Нужно ли разгадывать смысл его картин? Пусть они останутся неразгаданной до конца тайной.

ЧИСТЯКОВ П.П. Из породы русских чудаков. Вместо написания картин (он умел это делать очень неплохо) придумал «систему» рисования, насаждая её ученикам (Врубель – одна из жертв его усердия). Можно подумать, что до него хуже рисовали (А. Егоров и А. Иванов – не хуже). «Учитель! Мы прошли Вашу школу...» (Жорж Санд – Тургеневу). Есть тут, правда, одно обстоятельство. Французы так и не достигли тургеневской высоты, а ученики Чистякова ушли далеко вперёд. Есть над чем призадуматься.

ШИШКИН И.И. Композиция. Рисунок. Тон и цвет. Отбор деталей, особенно первого плана. Пространство – в глубину и в ширину. В конце жизни интересные живописные находки, не замеченные исследователями. Его полотна сродни симфониям Бородина и Калининкова. Уникальны его рисунки и офорты.

ЩЕДРИН С.Ф. Возможно в Риме работал рядом с Камилом Коро. Не дожил до 40 лет. Француз прожил вдвое больше. Интересно сравнивать их работы тех лет. Большие таланты были у обоих, но Щедрин не допел свою песню. Велика эта утрата.

ЯРОШЕНКО Н.А. Загадка – прекрасный портрет Салтыкова-Щедрина (музей в Кисловодске). Где и как он был написан – с натуры или с неизвестной фотографии? Ведь они, как принято полагать, не были знакомы. Строг и благороден портрет Стрепетовой.

Содержание 6-го выпуска

Стр. 3–12. **Разговор о раздвоении понятий, Гегеле и философии.** Виктор Петрович и редактор в очередной раз сетуют по поводу того, что русский язык портится.

Стр. 13–16. **Немного о вине и веселии.** Разбор сюжета одной из картин Давида Тенирса младшего.

Стр. 17-48. **Тарквиний и Лукреция.** Один из эпизодов истории Древнего Рима в интерпретациях художников, поэтов, музыкантов и философов. Сопровождается рассуждениями о случайности, истинности и тому подобных вещах.

Стр. 49-102. **Имеет ли отношение Данте к уваровской триаде? Часть II. Самодержавие. Главы 0-6.** Автор сравнивает патристические воззрения Данте и Макиавелли.

Родословная чисел

Стр. 103-154. **Трактат А.Л. Неучева.** Автор продолжает разма- тывать свой клубок. Он похож на клубок Ариадны. Но похожи ли мы на Тезея?

Стр. 155-159. **Разговор редактора с В.Г. Исаченко о том, что слухи об умирании искусства преувеличены.**

Стр. 160–164. **Заметки о русских живописцах.** Азбука русских художников, составленная Валерием Григорьевичем Исаченко, с добавлением хронологической схемы.

Подписано в печать «16» июля 2015 г.
Формат 100x70 1/16. Печать офсетная. Заказ № 89. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «ДСМ», г. Самара.
Верстка и допечатная подготовка: Ю.И. Калясев.
Инженерная графика: Д.А. Моткин.